

Владислав Конюшевский По эту сторону фронта

Попытка возврата – 3

Текст предоставлен правообладателем. <http://www.litres.ru>
«Владислав Конюшевский По эту сторону фронта»: Ленинградское издательство;
Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-9942-0797-0

Аннотация

До конца войны остаются считанные месяцы и бойцы Особой группы Ставки, нацеленные на поиск объектов Аненербе, неожиданно получают другой приказ. На этот раз действовать им придется не в немецком тылу, а на освобожденной территории. Недовольный Илья Лисов считает это «отрывом от основной работы», не предполагая, во что может вылиться выполнение нового задания.

Владислав Конюшевский По эту сторону фронта

Глава 1

Как говорится – жить хорошо! Расстегнув ворот гимнастерки, я с удовольствием вдыхал свежий, пахучий воздух, который после утреннего дождя особо сильно благоухал розами, растущими в здоровенных клумбах около входа. Правда, через несколько секунд сменившийся ветерок принес запах жизнедеятельности крупного рогатого скота, но это только добавило изюминки в почти пасторальный пейзаж. А что, действительно – хоть картины рисуй. Высокое светло-синее небо с редкими облаками выгодно подчеркивало ухоженный лесок недалеко отсюда, и крохотная речка, пересекающая луг, тоже замечательно вписывалась в общий план. Эх, жалко, я не художник, а то бы такое полотно намалевал!

– Апатьев, трясца твоей матери! Ко мне! Бегом!!!

Вопль, донесшийся из-за хозпостроек, несколько сбил общий романтический настрой и нарушил возвышенное состояние души. Угу... дадут тут порисовать, как же! Особенно если

ты находишься в нашей, непобедимой и легендарной...

Тут и без меня художник на художнике сидит, да критиком подгоняет. Такие мастера встречаются – одуреть можно! И живой пример – старшина. Вот ведь неугомонный мужик: с раннего утра, аки пчелка, уже весь в трудах и «строит» бойцов охранного взвода, только перья летят. Что-то они там ночью напортачили, и теперь Нечипоренко проводит быстрое, но эффективное расследование.

Я прислушался... Ну точно! Судя по крикам, ребятки сад немецкий «бомбанули», который в километре от нас находится, а огрызки прямо под окно расположения накидали. Это они явно не подумавши сделали, потому что ночной рейд прошел успешно, только вот мусор под окном их выдал с головой. На сад Грине по большому счету плевать, но имело место быть самовольное оставление части, да еще и по предварительному сговору с дневальными. И в связи с этим старшина, моментом вычислив виновных, перечислял нарушенные статьи устава, а также что им может впасть трибунал, если дело дойдет до этого судебного органа.

Слушая его изыски, я с удивлением для себя понял, что расстрел вовсе не является высшей мерой социальной защиты. Оказывается, военные юристы помимо разнообразных половых извращений широко практиковали кастрацию, натягивание глаза на жопу и выворачивание матки. Вот ведь затейники!

Было, правда, несколько непонятно, как все эти действия можно произвести с человеком одного пола. Тут уж или кастрация, или выворачивание. Но старшина, наплевав на подобные тонкости, приводил все новые и новые примеры вариантов наказания. В этом Нечипоренко был неиссякаем, как святая инквизиция.

В конце концов, видимо устав, крикун замолк, потом послышались звуки плюх, и голоса начали удаляться. Ну да, как обычно – добрый Гриша в миллионный раз не стал доводить дело до высоких инстанций, а решил проблему в тихом семейном кругу. Раздав всем сестрам по серьгам, он предупредил, что «это в последний раз» и теперь будет зверство. Наверняка сейчас произойдет или долгое наматывание кругов по лугу, или торжественное захоронение всех собранных огрызков в сверхглубокой яме. Но наш хохол наблюдать за бегом не любит, поэтому я больше склоняюсь ко второму варианту.

О! Так и есть! Не прошло и нескольких минут, как шестеро бойцов с лопатами, носилками, в полной боевой, вывернув из-за сараев, понуро побрели в сторону речки, подгоняемые старшиной. Увидев меня, Нечипоренко дал команду, и они, вскинув свои орудия производства на плечо, перешли на строевой шаг. Я же, помахав ладошкой Грине, посмотрел на солнце, чихнул и занялся тем, за чем, собственно, и вышел.

Поставил ногу, обутую в новенький хромовый сапог, на ступеньку и, подцепив ваксу из большой банки, принялся орудовать щеткой, напевая под нос:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля...

Здесь земля, правда, была не советская, но от этого пелось не хуже. Да что там «не хуже» – лучше! Потому что земля была немецкая. Причем такая немецкая – круче не придумаешь. Именно отсюда постоянно выползали все тевтонские псы-рыцари, короли и разнокалиберные фрицевские военачальники. А теперь все – довыползались! Позавчера гитлеровские войска были полностью выбиты с территории Восточной Пруссии. А кто не пожелал выбиваться, те, в полном соответствии с доктриной советского командования, были уничтожены. И поэтому пелось особенно хорошо:

Кипучая, могучая,
Никем непобедимая,

Страна моя, Москва моя,
Ты самая любимая!

Когда уже заканчивал наводить последний лоск, полируя голенища бархоткой, варварски отрезанной от портьеры, большая входная дверь открылась и на крыльцо особняка, где сейчас располагалось наше хитрое подразделение, вышел сияющий, как новенький пятак, Серега Гусев. Одернув зазвеневший регалиями мундир, он с удовольствием, прямо как я, вдохнул утреннюю прану и бодрым голосом спросил:

– Все поешь, певун?

– А что мне, рыдать что ли? Лето на дворе, птички поют, сапоги вон новые достал. Не жизнь – малина!

– Это точно! Кстати, про малину – чего это Нечипоренко с утра разорался?

– Да бойцы себе решили увольнительную устроить, в район ближайшего сада. Вот теперь будут бить шахту до центра Земли и закапывать остатки своих трофеев.

– Правильное решение. А то распустились тут! Твои, надеюсь, ночами не бегают?

Командир хитро посмотрел на меня, видно намекая на общую прожорливость некоторых членов разведгруппы.

– Не царское это дело, офицерам сады шерстить. И еще, командир, у меня тут в связи с намечающимся мероприятием вопрос один появился...

– Ну? – Гусев, почуяв подвох, перестал улыбаться и насторожился.

– Почему мы практически никогда не были летчиками? Разными химиками, саперами, связистами, пехотой – сколько угодно. А вот летную форму надевали только в сорок первом, причем когда летуны крайне непопулярны в народе были. В Рогутино, помнишь, бабки даже побить хотели, когда крылышки на петлицах увидели...

– Пхр! – Серега, хрюкнув, выпучил глаза. – И зачем? Чего это тебя в ВВС потянуло?

– А того! – Оглядев начищенные до синих искр сапоги, я бросил тряпку на банку и, с хрустом потянувшись, ответил: – Конечно, понятно – режим секретности и все такое прочее, но ведь жаба давит... Прикинь, вчера на перекрестке девчонка-регулировщица *так* улыбнулась какому-то летному капитану, что он чуть из машины не выпал. Ну конечно, у него вся грудь в орденах, как в бронежилете – пуля хрен возьмет. А у меня? Ты ведь кроме «Красной Звезды» и медалей запрещаешь что-либо надевать, поэтому я был лишним на том празднике жизни. В мою сторону синеглазка с жезлом и не посмотрела... Абыдно, д-а-а! А ведь будь на нас летная форма, то и орденов без всяких подозрений можно было бы больше надеть.

Командир закурил и, прищулив глаз от дыма, решил съехидничать:

– Это тебя не жаба, а гордыня заела. Только чего мелочиться? Сразу цепляй все награды да свою форму полковника НКВД до кучи. А на машину транспарант – «Спецотдел ставки». То-то немецкая разведка порадует! – И, видя, что я пытаюсь возразить, командным голосом добавил: – Так что, товарищ *майор*, не бузите и с гордостью носите пехотные погоны!

– Я и ношу, товарищ *полковник*. Только ведь... в город едем. Там же наверняка барышни будут, а я – как лох тыловой...

– М-да... – Сергей притворно-осуждающе покачал головой. – И это говорит женатый человек...

– Кто женатый?! Штампа нет, а с таким малохольным начальством я до своей невесты, чтобы поступить с ней как честный человек, только к старости доберусь!

– Ты... – Гусев опасливо оглянулся и, увидев, что нас никто не услышал, успокоился, пробурчав: – Чего орешь?

– Не ору, а намекаю. А вообще, разговаривая с тобой, постоянно задаюсь вопросом: где, – я поднял очи горе, – ну скажи мне, где тот веселый, компанейский и душевный парень, с которым мы ели кашу из одного котелка да за передок ходили? Нет его. Осталось только пузо, снобизм и генерал-майорские, то есть вру – «полковничьи» погоны.

Сергея от такого нахальства поперхнулся и, возмущенно стуча себя по впадине, где должен был располагаться живот, завопил:

– Какое пузо? Где ты его увидел? На себя посмотри, кабан! Морда скоро шире плеч будет!

Вообще, настроение у нас обоих было фестивальное, и шутливая перебранка только подчеркивала данный факт. А чего бы не радоваться? Погоды стоят теплые, мы живые, да и войне, судя по всему, скоро конец. Вот и веселимся, тем более что только позавчера новые награды обмывали, вчера слегка «умирали», а сегодня как огурчики!

Минут через пять, когда нам обоим уже надоело гавкаться, командир нетерпеливо спросил:

– Слушай, подпольный майор, я не понял, где машина? Договаривались ведь в восемь выехать. Что-то ты совсем своих орлов распустил.

– Они такие же мои, как и твои. А время только без десяти, так что все нормально. Просто Шараф Гека со Змеем к артмастерам с утраца повез, оружие новое отстреливать. Сейчас уже подъехать должен.

Мы закурили, а я, вспомнив, как пацаны, увидев новые автоматы, вопили от восторга, только ухмыльнулся. Гек о них два месяца бредил, с тех пор как впервые побывал на испытаниях АК-43. Уже тогда, урча от вожделения, он попытался умыкнуть «калашников» прямо со стенда. Остановили напарника только моя зверская морда да ор генерала – начальника военприемки.

Ну ничего, зато сейчас пацаны оторвутся. Вон, только вчера вечером получили новенькие «43» и РПК¹, а сегодня с раннего утра уже умотали их пристреливать и отлаживать. Даже от поездки в город ради этого отказались. Только мы такой момент упускать не будем – «калаш» никуда не денется, а вот на Браунсбург когда еще посмотреть получится, неизвестно.

Вообще, для советских войск политотделами была разработана целая культурная программа. Солдаты из запасных полков не только отсыпались да отмывались. Им постоянно крутили фильмы, приезжали бригады самодеятельности и просто популярные артисты, устраивались разнообразные спортивные соревнования и давались увольнительные. Единственно, когда армия вышла за границы СССР, с увольнительными стало гораздо хуже.

Но так как людям было интересно посмотреть житие «буржуев», не пребывающих в состоянии войны, то командование приняло решение об ознакомительных поездках по ближайшим городам и городкам. Вот именно под этой маркой я и предложил желающим устроить себе увольнительную с культурно-познавательной программой. Благо время позволяло. Гораздо интереснее, конечно, смотреть в столицу Восточной Пруссии, но мы больше времени на дорогу потратим, чем на осмотр королевского дворца, одноименных ворот и главное – шикарного зоопарка.

Хотя, если получится, то надо будет найти время и все-таки туда съездить. Ведь в *этой* реальности Кениг остался практически целеньким. Гарнизон города, увидев, во что превратился Кенигсбергский укрепрайон после массированного применения тяжелых ОДАБ и напалма, *очень* сильно задумался. Поэтому, когда советские войска подошли к городу, коменданту было сделано предложение, от которого он не смог отказаться.

В виде демонстрации был совершен только один налет Пе-8² – на форты, прикрывающие город. Ну, чтобы показать серьезность намерений. А после этого наши выдвинули ультиматум – либо гарнизон складывает оружие, либо сердце Восточной Пруссии будет стерто с лица земли. Причем советским командованием было предложено вывести мирное население из города-крепости. Дескать, русские войска воюют не с

¹ Ручной пулемет Калашникова.

² Советский четырехмоторный тяжелый бомбардировщик дальнего действия.

немецким народом, а с гитлеровцами, и незачем подвергать опасности женщин, детей и прочих непричастных граждан. На все про все давалось пять дней, после чего, для сохранения жизни своих солдат, Черняховский прикажет раздолбать Кенигсберг издалика – артиллерией и авиацией.

Что могут сделать напалм, ОДАБ³ и пятитонные фугаски в густонаселенном городе, фрицы себе представляли хорошо. А кто не представлял, достаточно было посмотреть на дымящиеся руины форта, чтобы принять правильное решение. Один день там было тихо, а потом, к всеобщему удивлению, начались бои между частями СС, желавшими воспрепятствовать бегству гражданских из города и армейцами, которые вписались за цивиличных. Правда, они были недолгими – на третий день ультиматума комендант Отто фон Ляш, прикинув шансы, принял решение о капитуляции.

Фюрер в знак протеста сожрал в рейхсканцелярии все половички, но Ляшу на это было уже плевать⁴. В качестве военнопленного он отбыл сначала в штаб фронта, а потом в Москву. Так что, благодаря всем этим событиям, Кенигсберг будет, наверное, первым крупным немецким городом, практически не тронутым войной и захваченным нашими войсками.

* * *

Сделав последнюю затяжку, я щелчком отправил «бычок» в кусты, и в этот момент послышался шум мотора. Глянув на часы, пихнул в бок Гусева:

– Без пяти восемь. Все как в аптеке. *Мои* орлы никогда не подводят!

– Хм... они такие же твои, как и мои...

Я только руками развел:

– Ну, считай – уел!

Тем временем к нам подрулил открытый «виллис». Сидевший рядом с водителем Марат, ловко спрыгнув на посыпанную гравием дорожку, поздоровался и вопросительно посмотрел на нас. Полковник успокаивающе кивнул:

– Едем, едем. Все как договаривались. – И, плюхнувшись рядом с водителем, скомандовал: – Грузитесь, чего ждете?

Марат, ухватившись за дугу, закинул себя в джип. Я сделал то же самое, но уже приземляясь на сиденье, почувствовал, как в левую ягодицу втыкается что-то твердое и явно железное. Машина рванула вперед, поэтому сразу привстать не получилось и, шипя сквозь зубы от боли, пришлось несколько секунд бороться с инерцией. В конце концов все-таки удалось отодвинуться и рассмотреть, что именно пыталось лишить меня девственности.

В зажимах торчал ППС, затвор которого чуть не порвал новенькие диагональные галифе. Повернувшись к Марату и страдальчески потирая ушибленное место, я возмущенно спросил:

– Шараф, на хрена ты эти железяки сюда напихал? Хоть бы предупредил...

– Вот черт! Извини, Илья... А автоматы взял, чтобы как в тот раз, когда вы в засаду попали, не получилось.

М-да... это он правильно придумал. Еще раз скакать с одними пистолетами против диверсионной немецкой группы мне вовсе не улыбалось. Поэтому, молча кивнув в ответ и устроившись поудобнее, я, подставив лицо теплему ветру, стал разглядывать редкие войсковые колонны, которые, как и мы, шли в сторону Браунсбурга.

По хорошей дороге от места нашего базирования до города можно было доехать

³ Объемно детонирующие авиационные бомбы (недалекие журналисты их любят называть вакуумными бомбами).

⁴ Исторический факт – А. Гитлер, находясь в ярости, падал на пол и принимался грызть угол ковра.

буквально за двадцать минут. А дорога была хорошей: не пожалели фрицы бетона на строительство. И выглядит эта трасса больше похожей не на автостраду, а на взлетно-посадочную полосу.

Хотя что это я? Ее ведь именно так и использовали совсем недавно. Когда полевые ВПП раскисли от дождей, а сборно-разборное покрытие еще не подвезли, наша авиация работала с этой «берлинки». Летуны быстро сообразили, что лучшего просто нечего желать, и, перебравшись ближе к дороге, стали наносить удары именно с нее. Кстати, настолько хорошо и в нужную сторону, стали соображать не только летчики...

Два месяца назад, услышав сводку о действиях Красной армии на севере, я полностью выпал в осадок. Тогда, в середине мая, был высажен крупный морской и воздушный десант в Норвегии. Снабжение войск шло через Финляндию, которая, капитулировав и до ужаса боясь разозленного «большого соседа», шла на все, лишь бы никак его больше не раздражать. Хитрые финны даже интернировали немецкие корабли, находящиеся в их портах, и блокировали германские гарнизоны на своей территории. Причем все это было сделано еще до того, как наши войска вошли в Хельсинки.

Вообще, в тех местах военные действия закончились настолько быстро, что в Германии даже отреагировать толком не успели. А вот когда русские блокировали Норвегию и, соответственно, прекратили все поставки руды, то немцы взвыли, но было уже поздно. Сначала десантники отразили яростные попытки гитлеровцев сбросить их в море, а потом подошедшие войска поставили жирный крест на возвращении Норвегии под контроль рейха. Там даже английские моряки отметились, слегка пощипав корабли Кригсмарине, спешащие на помощь своей избиваемой группировке.

Вот фрицы и сдулись, тем более что разорваться напополам они не могли. Просто одновременно с боями на севере начался «Смерч». Именно так называлась операция по окружению и уничтожению группы армий «Центр» в Польше. А я ведь поначалу сообразить не мог, что за странные дела вокруг пшеков в генерал-губернаторстве творятся? Зато потом все выяснилось...

Четвертый Украинский фронт, выведенный из резерва, ударил с юга, а Первый и Второй Белорусские – с севера. Ох и мясорубка там была, особенно в городах, за которые немцы зубами цеплялись. К сорок четвертому году тех же гранатометов в вермахте стало просто немерено, поэтому в условиях городских боев фрицы с успехом компенсировали ими свою нехватку тяжелой техники.

Но Красная армия, в последние годы набравшаяся бесценного опыта, с успехом применила тактику, разработанную еще в боях за Харьков, поэтому немчуре приходилось крайне туго. Да и советские танки, тоже к этому времени несколько видоизменились. Теперь без защитного противоккумулятивного экрана, поставленного в мехмастерских, ни одна «коробочка» в бой не выходила. Новая же техника шла сразу со штатными экранами.

А уж КПВ⁵ в городских боях показал себя с самой лучшей стороны. БТР⁶ в населенные пункты старались не пускать, чтобы их не пожгли, поэтому тяжелые пулеметы использовали на колесных станках, которые расчеты катали вручную. Против снайперов и гранатометчиков «крупняк» работал выше всяких похвал.

И еще одно – слушая сводки, я первый раз в жизни обозвал Сталина «гнилым либералом». Про себя, конечно, но от этого не менее злобно. Обозвал из-за того, что он запретил применять по польским городам «жупел» – так в народе называли напалм и объемно-детонирующие боеприпасы. Перед Европой, небось, неудобно было... А наши

⁵ Крупнокалиберный пулемет Владимирова (14,5 мм). По сей день является одним из самых мощных (в своем классе) пулеметов в мире.

⁶ Бронетранспортер – боевая бронированная машина, предназначенная для транспортировки личного состава мотострелковых подразделений к месту выполнения поставленной боевой задачи. При отсутствии у противника противотанковых средств, БТР может поддержать пехоту пулеметным огнем.

ребята из-за этой щепетильности лишние потери несли. Хотя с другой стороны...

Пусть в мое время и называли Виссарионыча «кровавым палачом», но он никогда никого без крайней нужды не уничтожал. Даже крымских татар после всех их художеств хотел просто выслать в Казахстан. Только Колычев, который к тому времени стал главой НКВД, имел с ним крупный разговор. И когда на политбюро обсуждали этот вопрос, то пришли к мнению, что закон должен быть один для всех. Если по закону положено предателя, выступившего с оружием на стороне врага, уничтожить, то его надо судить, а не высылками заниматься. И что это в корне неправильно – одних осуждать по существующим статьям, а для других делать поблажки. Мол, массовость предательства не отменяет принятого законодательства.

До меня даже дошли слова, которые «тиран» сказал на том выступлении: «Я не Господь Бог, чтобы уничтожать целые народы, но если Политбюро так решило, то я *вынужден* согласиться с его решением». Так что, мне кажется, теперь не будет «незаконно репрессированного народа». Будут вполне законно судимые отдельные его представители. Интересно только, что-нибудь после этого от крымчан останется, если они целыми аулами выступали на стороне оккупантов? Понятно, что расстрельные статьи будут давать только особо отличившимся, но ведь и 15 лет лагерей тоже не сахар. М-да... вот теперь и можно прикинуть, зло или благо сделал в моем времени Сталин, когда, нарушив закон, всех предателей просто выслал подальше.

Так что либеральных взрывков у Верховного хватает не только в случае с Польшей. С другой стороны, как говорится – «жираф большой, ему видней». Может, Сталин и был в чем-то прав, не давая поводов к лишним претензиям для «мирового сообщества», тем более что фрицы даже без особых бомбежек были окружены, а потом и выбиты из польских городов. Полевые же укрепления перемалывались издалека, поэтому по окончании боев группы армий «Центр» как организованного воинского соединения просто не стало.

Часть немцев сумела пробиться из окружения, но более трехсот пятидесяти тысяч одних лишь пленных показали, насколько советские командиры стали превосходить немецких в классе. В общем, я так считаю, после «Смерча» путь на Берлин был практически открыт.

Единственное, что сдерживает сейчас армию, так это постоянно отстающие тылы. Ну и конечно, действия гитлеровцев, которые после потери Пруссии как с ума посходили. Но теперь надолго их точно не хватит. Помимо норвежской руды, они успели потерять все нефтяные, марганцевые и бокситовые месторождения в Восточной Европе. Так что гитлерюгенду сейчас самое время заниматься сбором металлолома, чтобы не пришлось делать танки из фанеры...

Хотя насчет фанеры это я погорячился. Танков у немцев еще хватает. С запада они перебрасывают все что можно, лишь бы заткнуть брешь, образовавшуюся после потери группировки «Центр». Только все равно эти части не чета тем, что постоянно находились на Восточном фронте...

Да и союзники, видя такое дело, активно зашевелились. Нет, вторым фронтом пока не пахнет: уж очень сильно американцы завязли на Тихоокеанском ТВД, но после «грандиозной» победы в бедуйской Африке и долгой возни на Сицилии совместные войска наконец решили высадиться в Италии. Губастый дуче был уже полгода как смещен, и новый премьер – Бадольо, только узнав о высадке антигитлеровских сил на материковую Италию, сделал финт ушами и тут же объявил Германии войну. Но итальянские войска отказались воевать как за Германию, так и против оной, и просто разбежались по домам. Поэтому высадившихся встретили те немецкие дивизии, которые еще не были отозваны на Восточный фронт. Дивизий там было – плюнуть и растереть, но союзники и здесь умудрились облажаться, плотно завязнув в районе Флоренции.

После всех этих перипетий и катаклизмов даже у Геббельса стало пропадать своеобычное красноречие. Он стал как-то сбивать, все больше призывая к храбрости, грозясь фундервафлей и объясняя все победы русских «сокращением линии фронта». Дескать, это не

Красная армия гонит немцев, а они сами «сокращают линию фронта», дабы, сократив ее до нужных размеров, ударить так, чтобы дойти сразу до Урала.

М-да... передергиванием фактов главный пропагандист рейха сильно напоминал выступления лорда Джадда. Только Геббельсу уже почти никто не верил. Немцы были не дураки и понимали, что такими темпами все решится уже к осени...

* * *

За всеми этими глобальными мыслями я не заметил, как джип сначала постепенно замедлил скорость, а потом и вовсе остановился возле большой группы солдат, митинговавших на обочине. Причем от фольварка, стоящего неподалеку, подбегали все новые и новые бойцы. Гусев, приподнявшись с сиденья, начальственным голосом спросил:

– Что здесь происходит? Старший, ко мне!

Ближайшие к нам мужики, увидев незнакомого полковника, быстренько раздались в стороны, а из толпы выскочил боец в плащ-палатке с какими-то очумелыми глазами и, козырнув, доложил:

– Старшина Пузырьков! Товарищ полковник, мы тут... мы... это... мы – Гитлера поймали!

И дернул к себе человека, до этого скрытого его широкой спиной. Хорошо, что я и так сидел, поэтому только рот открыл, рассмотрев, *кого* нам демонстрирует бравый старшина. Серега, увидев то же, что и я, просто молча плюхнулся мимо сиденья и выпал из машины. Марат с шофером выразились одинаково и совершенно нецензурно. В этом слове было все – и зависть, и восхищение, и недоверие, и ошарашенность.

А демонстрируемый нам Гитлер понуро стоял в толпе советских солдат и, отсвечивая световым ухом, вытирал юшку, бегущую из носа на знаменитые усики. Потом, подняв глаза на сидящего рядом с машиной Гусева и разглядев его погоны, фюрер начал что-то быстро и нечленораздельно бормотать. Старшина на это бормотание грозно рыкнул, от чего глава Германии моментально замолк, прикрывшись обеими руками.

У меня за это время пронесся миллион мыслей. Начиная с того, что откуда *здесь* мог взяться рейхсканцлер и заканчивая тем, что *всяко может быть*. Опять-таки вживую я бесноватого не видел – только на фотографиях. А загвоздка в том, что фотографии уже давно слились в памяти с плакатами *Кукрыниксов*, поэтому все еще больше запутывалось. Но ведь как похож-то...

Секунд пять стояла тишина, нарушаемая только ревом проезжающей мимо техники и сопением толпы, после чего командир первым взял себя в руки. Поднявшись с таким видом, будто он просто так решил посидеть на земле возле «виллиса», Серега навис над Гитлером и спросил по-немецки:

– Имя, фамилия?

Фюрер, услышав родную речь, пустил слезу и шепеляво начал объяснять, что он здешний почтальон Вильгельм Штеер. Что его за последние пять дней уже третий раз арестовывают как Гитлера (кстати, Гитлер капут). Арестовывают и каждый раз, прежде чем господа офицеры успевают выяснить его личность, бьют.

Первый раз его поймали наши танкисты и выбили два зуба. Второй раз это были кавалеристы. Они сбили его лошадей, а потом выбили еще один зуб. И вот в третий раз Штеера отловили пехотинцы. Бдительный после предыдущих экзекуций почтальон на минутку потерял осторожность и неосмотрительно выполз из своего дома, где его сразу взяли за пугундер.

«Царица полей», для разнообразия, зубы свежепойманного фюрера щупать не стала, а по рабоче-крестьянски приложила в ухо. Когда же пойманный начал вопить, добавили по носу и принялись восторженно скакать вокруг пленника. А ведь он старый, больной человек. Инвалид...

Услышав про это, я заинтересованно спросил:

– И в каком месте ты инвалид?

Битый почтальон, задрав штанину, постучал себя по деревянной, ниже колена, ноге:

– Уже двадцать лет прошло, как я лишился ступни из-за травмы на скачках. Когда меня первый раз русские солдаты отвели к господину коменданту, он тоже моим словам не поверил и даже отвозил в советский госпиталь для проверки. Там врачи подтвердили, что ногу у меня отняли много лет назад и Гитлером (Гитлер капут) я быть не могу.

Марат, слушая монолог несостоявшегося фюрера, начал ржать. Серега тоже принялся кусать губы, а я сочувственно спросил:

– Слушай, дядя, а почему ты усы не сбреешь? Ведь из моды они, я так думаю, навсегда вышли. Да и зубов просто не хватит такую гадость на лице носить!

Штеер трагически вздохнул и ответил:

– Господин комендант, после первого раза, тоже дал совет сбрить усы, но тогда будет видна моя заячья губа... Вот, сами посмотрите...

Тут уже и я не выдержал. Закатился так, что, упав на капот джипа, начал дрыгать ногами. Солдаты сначала непонимающе смотрели на ржущих командиров, но Марат в двух словах объяснил им диспозицию. Тут уж ржать начали все, кроме Пузырькова. Не веря в такой ужасный облом, старшина помертвел физиономией, а потом непримиримо произнес:

– Я его все равно в особый отдел доставлю! Может, этот фашист все врет...

Вытирая слезы, я кивнул неудачливому ловцу:

– Ты его лучше сразу домой забирай – народу показывать будешь и перед девками хвастаться! А что, почти вылитый Гитлер, в натуральную величину!

Пузырьков обиженно насупился, но в этот момент в диалог вступил Серега. Приняв грозный вид, он встал перед почтальоном и выдал:

– Как полковник Красной армии я вам приказываю: после посещения коменданта обрить голову налысо и отрастить усы, как... как у этого сержанта, – в этом месте командир ткнул пальцем в бойца, обладающего шикарными буденновскими усами. – Приказ понятен?

– Цум бефель, герр оберст!

Почтальон так резво встал по стойке смирно, что чуть не упал, а Гусев, надув щеки, чтобы опять не заржать, скомандовал нам:

– Поехали!

Но прежде чем машина тронулась, он опять вдруг выскочил из «виллиса» и, подойдя к чуть не плачущему Пузырькову, который продолжал цепко держать Штеера за плечо, сказал:

– Старшина, вы все сделали правильно. От лица командования объявляю вам благодарность! – И, пожав растерянному бойцу руку пояснил, уже обращаясь ко всем: – К концу войны фашистские бонзы попытаются скрыться от справедливого возмездия! И у вас у всех, если вы проявите достаточную бдительность, есть шанс задержать кого-нибудь из этих убийц. Они могут скрываться под разными личинами, выдавать себя за разных людей, и только от вашего внимания будет зависеть, сядут ли эти палачи на скамью подсудимых или смогут избежать заслуженной кары. А вам, старшина, приказываю доставить задержанного в комендатуру или особый отдел вашей части для выяснения личности!

Спасенный от насмешек Пузырьков, вытянувшись, ответил:

– Есть! – И, гордо оглядев остальных бойцов, потащил почтальона в сторону фольварков.

А Гусев, плюхнувшись в машину, махнул рукой – дескать, вперед.

Джип проехал уже метров триста, когда я смог прийти в себя. Ткнув впереди сидящего полковника кулаком и перекрикивая обгоняемую колонну грузовиков, прокричал:

– Ну ты мастак речи говорить. И где только научился? Видно, не зря с политруками трешься!

Серега на подначку не повелся, просто подмигнул и опять устоял на дороге, не желая надирать горло, а я, откинувшись на спинку, подумал, что таких вот случаев с поимкой «Гитлера» будет масса. В Германии подобная стрижка и усики очень популярны. Во всяком случае – пока. Бойцы же в основной массе о фюрере судят по плакатам и

карикатурам. Так что не завидую я тем гражданским немцам, которые протянут со сменой имиджа – тут ведь не просто зубов можно лишиться, но и самой жизни. Нарвется фриц подходящей внешности на обозленного бойца, тот на любой приказ плюнет, лишь бы своей рукой эту змею шлепнуть...

Глава 2

А потом мы, словно три мушкетера, шеренгой ходили по городу, знакомясь с местными достопримечательностями. Хотя, как выяснилось в процессе осмотра, архитектура и памятники давно помершим монархам меня не очень увлекают. Скажу больше – совсем не увлекают. Все эти дома красного кирпича с узенькими улочками и крохотными площадями я уже видел. И разрушенные, и нетронутые войной. Гражданских девушек, которых тоже можно с интересом разглядывать, на улицах было очень мало.

Город был взят сравнительно недавно – фрицы еще простыни из окон убрать не успели, не говоря уж о том, чтобы заниматься прогулками. В основном встречались только наши солдаты да беженцы, толкающие перед собой детские коляски, набитые барахлом. Среди гражданских, конечно, попадались молодые и возможно даже симпатичные особы, но одно дело – смотреть вслед барышне, красиво одетой и весело цокающей каблучками по брусчатке, и совсем другое – видеть лица потерявших кров людей. Смотреть им вслед никакого желания не возникало. Даже вспоминая наших беженцев, я, глядя на серую колонну, не испытывал злорадства. Хотя и особого сострадания не испытывал тоже. Как говорится – за что боролись, на то и напоролись...

Гораздо большее сожаление у меня вызывали закрытые гаштеты. Ведь из-за желания попить пива я в основном и затеял всю эту поездку. Теперь же мы бродили от одной неработающей точки местного общепита к другой, расстраиваясь все сильнее и сильнее.

Один только раз слегка поднял себе настроение, когда на маленькой площади увидел статую рыцаря. Идентифицирующих подписей под этим истуканом не было, а морда была закрыта забралом. Обойдя вокруг каменной фигуры, я предложил Марату нацарапать на постаменте его имя, убеждая Шарафутдинова, что лица все равно не видно, а займет себе прижизненный памятник – это круто! Но напарник от такой славы с негодованием отказался, предложив взамен оставить мой барельеф на стене кирхи. Причем барельеф будет даже частично живым, так как он не садист, убивать до конца своего друга. Тут уж отказался я, и, попинав закрытую дверь очередной пивнушки, мы пошли дальше.

А потом Гусев, разглядывая крылато-зубастую горгулью, установленную на замкообразном здании, упомянул о всепроникающем немецком мистицизме, и я впал в раздраженное состояние. Да и было с чего! Фрицы ударяются в мистику и носятся со своим Аненербе, как дурни с писаной торбой. Советское командование, убоявшись возможных свершений гитлеровцев на этом поприще, переориентирует нашу спецгруппу, ставя ей новые задачи. Мы их и выполняем, вот только толку от всего этого...

Ведь единственный раз, в Бальге – замке, расположенном километрах в шестидесяти отсюда – получилось реальное дело! Правда, десантного полка, как было обещано ранее, нам в усиление конечно же не дали – за ненадобностью. Не дали и батальона. Но я на это даже не рассчитывал, так как после получения последних разведданных масштабы операции вовсе не предусматривали применения крупных сил. Выяснилось, что там не было ни военнопленных, ни крупных эсэсовских частей, которыми нас пугали на начальном этапе планирования. Данные оказались верны: приданной полуроты вполне хватило, чтобы разведчики совместно с «крылатой пехотой» взяли семерых «научников», две машины документации и странный прибор с огромной антенной. Как выяснилось, по задумке, эта штука должна влиять на погоду. Не в том смысле, что вызывать легкий летний дождь, а в том, что при ее помощи можно было сгенерировать полноценный ураган. Правда, только в теории. На практике у фрицев постоянно что-то не вырисовывалось. Только все равно это было хоть что-то!

Кстати, за Бальгу вся группа награды получила, а я, на сладкое, еще и внеочередное

звание – полковник НКВД. Поэтому хоть и привык ходить в общевоинских капитанских погонах, пришлось отдать их Марату, а самому в соответствии с традицией, идущей еще с сорок первого года, стать майором.

Но после Бальги ничего толкового у нас не получалось. Более того – пошли потери, чего не случалось уже достаточно давно. При взятии объекта «Кирхбург» были ранены Козырев и Тельцов, причем Тельцов – тяжело. А под Пиллау чуть не покروшили всю группу. Во всяком случае, ранены были все...

Сам я в том бою заработал легкую контузию и частичное скальпирование гранатным осколком, а Пучков схлопотал пулю в ляжку. У остальных в основном осколочные, и ребята, отказавшись от госпиталя, обошлись медсанбатом.

И ведь главное, какой итог этих операций? В Кирхбурге всей добычи и было, что трое малохолдных «профессоров» да здоровенный меч, над которым они тряслись так, что даже сбежать не успели, пока десантура воевала с охраной. Все лопотали – «клинок Зигфрида, клинок Зигфрида»... И толку нам с этой сабли? Если только как музейную ценность в Эрмитаж сдать? А Ванька за этот «клинок» осколок в голову получил. Думал, не доживет до эвакуации пацан... Но Тельцов выкарабкался, и его, слегка откачав, отправили в подмосковный госпиталь.

Зато при взятии точки под Пиллау разведгруппа и взвод десантников натолкнулись на сильное сопротивление. А главное – откуда «вирбель»⁷ выполз, я так и не понял. ЗСУ⁸ делов тогда наворотила от души. Ее счетверенная двадцатимиллиметровка пробивала толстые кирпичные стены влегкую, и мы потеряли восьмерых, прежде чем смогли поджечь эту гадюку.

Из гранатомета не получалось по ней отработать – уж очень удачное место фрицы выбрали для своей позиции. И выбить экипаж зенитки автоматнo-пулеметным огнем тоже не вышло, потому что обычно открытая башня была прикрыта бронелистом. Самоделкины гребаные! Для стрельбы по воздушным целям после тюнинга эта хреновина уже не годилась, зато против пехоты показала себя не хуже нашего «КПВ». Вот тут нас всех и чуть не накрыло...

Зенитка долбила как сумасшедшая, и осколки даже не снарядов – кирпичей – выбивали ребят одного за другим. Моих пока Бог берег, но десантников становилось все меньше и меньше. Оно и понятно – в начале, когда все только заваривалось, разведчики охраняли захваченных «языков», согнав их в более-менее нормальное укрытие, а десантура вела прямой бой. Но в конце концов, после очередной немецкой атаки и нам пришлось браться за автоматы. Только пока «вирбельвинд» не заткнули, все равно приходилось очень тяжело...

Хотя и потом не очень-то легко пришлось. У противников еще были два орудия 37 мм и легкая «двойка»⁹, не решавшаяся, правда, подходить близко. Но самым плохим было то, что немчуры откуда-то набегало все больше и больше, а патроны уже заканчивались. Так что нас бы все равно смяли, если бы не авиация да подошедшие через сорок минут после уничтожения «вирбельвинда» передовые части дивизии Лизюкова.

Лизюковцы, как позже выяснилось, наткнулись на грамотно спланированную танковую засаду и проваландались сверх означенного времени почти три часа. Я тогда всю рацию у десантников изнасиловал, интересуясь, когда подойдут наши, но мне отвечали:

– Ждите, ведем бой. Скоро будем у вас.

И так раз за разом. В конце концов у меня почти случайно получилось связаться непосредственно с Гусевым, и пользуясь моментом, пока слышимость была более-менее

⁷ ЗСУ на базе PzKfw IV. В качестве вооружения имела четыре спаренные зенитные пушки Flak-38.

⁸ Зенитная самоходная установка.

⁹ Легкий немецкий танк PzKfw II

нормальная, я, прижимая трубку к уху, завопил:

– Гамаюн, здесь Колдун! Нас плотно зажали, несем потери. Немцы силами до роты непрерывно атакуют. С ними два орудия и легкий танк. Фрицы постоянно подтягивают резервы. «Четвертый» ведет бой в пяти километрах от нас. Короче – приплыли!

Обычно я редко паникую, но тут было можно, поэтому моментально перевозбужденный Серега заорал в ответ:

– Колдун, держитесь! Через пятнадцать минут к вам придут «горбатые»!¹⁰ Обозначьте себя ракетами красного цвета!

На это предложение я даже икнул от неожиданности. Ну Гусев, ну ухарь – удружил, гадский папа!

Нет, со штурмовиками мы еще в том году плотно контактировали. Ребята там знающие и опытные. Но ведь далеко не все! Тогда нас поддерживала элита, набранная чуть не со всего фронта, а что будет сейчас? Видел я, как фронтовая авиация обычно работает. Да они тут все раскатают, не особо разбираясь, кто где, тем более от замка до немцев и ста метров не будет. Разумеется, накроют не специально, но у меня уже рефлекс: видишь штурмовик – лучше спрячься в щель поглубже, а то они парни широкой души, и стометровый промах у них за промах не считается.

Поэтому, придя в себя, ответил:

– Гамаюн, отставить «горбатов»! Как понял?! Отставить! Говорю по буквам – Нина, Антон, Харитон, Ульяна, Йошкар-Ола!

– Колдун, прекратить панику. Работать будет «Сапсан».

– Понял, понял! Обозначаю линию обороны ракетами красного цвета! И подкиньте авиацию «четвертому», а то он буксует!

Что на это ответил командир, я не услышал, так как связь резко ухудшилась, а потом и вовсе пропала. Немного подув в трубку, в конце концов отдал ее радисту и побежал предупреждать пацанов про ракеты.

То, что к нам идет «Сапсан», он же мой тезка Илюха Щербак, меня сильно воодушевило. Я с ним дело уже имел и знал, что он со своими ребятами относился именно к тем спецам, которые бомбу в печную трубу положить смогут. Так что отработают парни ювелирно – главное, чтобы фрицы наш разговор не прослушали и не начали при подлете штурмовиков пулять красными сигналками в нашу сторону. Но это вряд ли. Чтобы они сели на нашу волну, да еще и радист знал русский – на это шансов мало.

В общем, так и оказалось. Сначала авиация проутюжила лесопосадку перед замком, из которой волна за волной перли атакующие, а подошедшие вскоре части «четвертого», в миру – лизюковцы, сходу погнали фрицев дальше.

А в результате... В результате мы захватили семнадцать пленных, семеро из которых были «черными монахами» с Тибета. И занимались эти идиоты тем, что при помощи каких-то штук, напаянных на голову, пытались связаться с подводными лодками в Атлантике.

Как я там же, на месте, выяснил – безуспешно. Дебилы, блин! Такое впечатление, что они про изобретение радио ничего не слышали. Чем сидеть с проволочной конструкцией на голове, им было проще взять рупор жестяной, обыкновенный. Тогда шансов докричаться до подлодки было бы больше...

Правда, начальство было довольно и объявляло за этих хмырей благодарности, но я для себя понял – аферисты они все! Мне порой даже смешно становилось из-за своих прежних страхов насчет наличия у немцев каких-нибудь особо действенных артефактов. Да будь у Гитлера что-то по-настоящему рабочее, то он бы его давно применил.

Но так как Красная армия находится в Германии, а не наоборот, то все колдовское и потустороннее – это обычный блеф проигрывающей стороны.

И следующее задание, при всем начальном мистицизме, только подтвердило мои

¹⁰ Жаргонное прозвище штурмовика ИЛ-2.

ВЫВОДЫ.

* * *

А начиналось все совершенно обычно. Этим же днем, когда мы вернулись на базу, командира срочно вызвали к радистам. Ну вызвали и вызвали, я даже внимания на то не обратил, так как Серега каждый день общался как с Москвой, так и с кучей самых разных людей из штабов фронта и армий. В общем, он пошел к «маркони»¹¹, а я, столкнувшись в коридоре с шифровальщиком, обрадовался и, зажав рыхлого, сутулого и очкастого Бибина в углу, затребовал у него духовной пищи.

Семен Апполинариевич Бибин – двадцатитрехлетний нескладный младший лейтенант, в глазах которого, казалось, собралась вся печаль мира, очень любил книги и возил с собой целый чемодан всевозможной литературы. Еще он любил кошек и математику. На этом любовные предпочтения летехи заканчивались. По бабам Сеня не бегал, сослуживцев сторонился, водку не пил. Нормально общаться шифровальщик мог только со своим непосредственным начальником – Мишкой Северовым. Со всеми остальными он просто молчал, хлопал глазами и потел руками.

Лично я подозревал, что мамлей нас просто боится. Домашний мальчик из хорошей семьи, выдернутый с третьего курса физмата, внезапно для себя обнаружил, что мир состоит не только из формул, доцентов и профессоров. Оказывается, есть люди, которые разговаривают матом, не знают гипотезу Римана и при этом могут разбить кулаком стопку кирпичей. Поэтому Бибин в нашем обществе себя чувствовал как визажист среди боевиков Талибана.

Нечипоренко, блюдя устав и субординацию, сначала пытался как мог помогать младшему, но потом совершенно отчаялся. Гриня по секрету мне как-то сообщил, что если бы Бибин не был лейтенантом, то бравый старшина «сделал бы человека из этого рохли и бездельника» буквально за две недели.

– Я понимаю, если бы он наставление по гранатомету или уставы изучал! – страдал Нечипоренко. – Дело важное и нужное. А то стихи читает, да еще не по-русски! И с людьми говорит так, что сразу и не понять, что он сказать хочет! Даже за личным оружием толком проследить не может! А еще москвич! Тьфу! Интеллигент!

– Ты еще скажи – «вшивый интеллигент».

– Як вшивый?! Он шо – опять белье на прожарку не сдал? Ну все! Сейчас же Северову доложу, пусть тот его вздрючит! А то не охфицер, а недоразумение!

Я пытался объяснить, что добавка «вшивый» не имеет к Бибину никакого отношения и что этот совершенно не подходящий для армии человек – на самом деле математический гений. Да и в своей работе он ас, но Гриня был непреклонен:

– Этот ас себе подворотничок пришить не может! Все пальцы исколет, а потом с нагноением в санчасть идет. Сапоги не чистит. Форма на нем как на корове седло! К нам генералы приезжают, а у этого чучела звездочка на погоне потеряна! Как его Северов терпит? Ладно Северов, как его товарищ полковник терпит?! А кто пистолет свой потерял? Это же вообще подсудное дело! Хорошо еще Карпухин все-таки нашел «ТТ» этого разгильдяя...

Тогда я, смеясь, с трудом успокоил старшину, но вот общее напряжение между народом в лице Гриши и «прослойкой» в лице Семена как было, так и осталось.

Правда Семка сам виноват. Нельзя быть настолько не от мира сего, а то живет полностью в своем виртуальном пространстве и выныривает исключительно на предмет поесть.

Только определение «интеллигент» тут наверное вовсе ни при чем. Тот же Андрей

¹¹ Жаргонное прозвище армейских радистов.

Волков – взводный у десантуры, по гражданской профессии был Семиным коллегой, а своих головорезов в кулаке держал и держит так, что они пикнуть против его слова не смеют.

Я сначала, когда только познакомился с командиром приписанных нам десантников, подумал, что Андрюха кадровый военный. И лишь в процессе общения с удивлением понял, что он студент Бауманки, который, плюнув на положенную старшекурсникам «броню», ушел добровольцем на фронт. Так этот парень, как в мое время говорилось, знает все: от Баха до Фейербаха и от Эдиты Пьехи до иди ты на ...! И в армейской среде чувствует себя как рыба в знакомом пруду. М да, посмотрел бы я на то, что стало бы с Нечипоренко, назови он Андрюху «вшивым интеллигентом»...

А ведь Волков и стишками балуется, и Гегеля в подлиннике прочесть да откомментировать может. Но все это только добавляет ему веса в глазах окружающих. Так что, наверное, все исключительно от характера зависит...

Хотя по большому счету это не мое дело. Как шифровальщик Бибин Мишку устраивает, а меня устраивает как человек, у которого всегда можно перехватить интересную книжку.

Вот и в этот раз, взяв у Семки «Звезду КЭЦ», я, насвистывая, пошел в наше расположение, предвкушая перечитывание хорошей вещи.

Только вот почитать так и не дали. Когда я уже собрался плюхнуться на широкую бюргерскую кровать, прибежал посыльный и доложил, что меня вызывают к начальству. Пришлось отложить книгу и, надев португую, топать к Гусеву.

* * *

Когда зашел к полковнику, Серега задумчиво курил, рассматривая немецкую крупномасштабную карту Кенигсберга, разложенную на столе. Увидев ее, я сразу сказал:

– Даже не думай. Там все гаштеты наверняка тоже закрыты, а разглядывать кирхи и дома, похожие на казармы, у меня никакого желания нет.

Не обратив на эту реплику никакого внимания, командир буркнул:

– Садись и не трюнди. Мне сейчас звонил Колычев. В общем, Илья, у нас крупный прокол. Этот город, – собеседник ткнул в карту, – захвачен уже тринадцать дней назад, а вот сведения, которые должны были проверить и доставить мы, я узнаю из Москвы...

– Какие сведения? Ты что загадками говоришь? «Языки» ни о каком пункте Ананербе в Кениге не говорили. Да и сам знаешь – эти «колдуны» стараются базироваться подальше от крупных городов. Во всяком случае те, кто над чем-то серьезным работает. А филиалы, занимающиеся расовой чистотой, арийской селекцией и прочим коллекционированием старинных германских преданий, нас не интересуют...

Серега на это молча встал, выглянул в тамбур и, убедившись, что там никого нет, тихо спросил:

– В твоём времени что-нибудь было известно про лабораторию «Кенигсберг-13»?

Ага, вон куда разговор повернул... Про Калининград и слухи о подземном городе я рассказывал на gross-допросе еще в прошлом году. Но вот про этот «13» сам слышу в первый раз. Командир тем временем продолжил:

– Иван Петрович предположил, что тебе может быть об этом неизвестно, но все равно приказал узнать, может, ты хоть что-то слышал про остров Кнайпхов, «Кенигсберг-13» и школу под названием «Куклы старой Магды»?

Я покачал головой.

– С Калининградом была связана целая куча легенд. И о подземных заводах, и о тайных лабораториях, и даже о том, что немецкое ядерное оружие где-то под ним спрятано. Но это все относится к байкам. Ведь что в моем времени, что сейчас, фрицы подорвали шлюзы, и что там осталось затоплено, бог весть... А про «Старую Магду» и этот остров в первый раз слышу. Он хоть где находится?

– Вот, – Гусев показал на карте, – видишь, как Преголе идет? В самом центре города

образуется островок. Совсем крохотный, но кафедральный собор там расположен. Королевский замок тоже рядышком, только на правом берегу реки. И вообще, в этом районе застройка очень плотная. Вот где-то там и расположена лаборатория.

– А почему агентурные раньше молчали? Мы, как дураки, штурмуем отдельно стоящие замки, а здесь... Город почти две недели наш, и никто ни сном ни духом... да за это время все, кто там был, давно разбежались!

Сергеа задумчиво почесал бровь и признался:

– Я этот же вопрос Ивану Петровичу задавал. В общем, выяснилось, что школа «Старой Магды» была создана чуть ли не в прошлом веке. А может быть, и раньше, но первые упоминания идут с девятнадцатого века. С одной стороны, это клуб эзотериков по интересам, и все. По всей Германии их немерено, и проверяют подобные сборища другие спецкоманды.

– Во, видишь! А наш залет тогда в чем заключается?

Полковник на эту реплику никак не отреагировал, продолжив:

– Но аналитики из твоего «любимого» УСИ обратили внимание, что Кенигсберг английская авиация бомбила несколько раз. При этом постоянно была исключительно по Кнайпхофу и рядом, хотя военных объектов там нет совершенно.

– А этим мудакам англосаксонским только дай волю – они все, что отойдет в зону нашей ответственности, в пыль превратить готовы!

– Да не перебивай ты! Короче, там уже были особые команды НКВД, но ничего не нашли. Совершенно. Ни людей, ни каких-либо документов. Поэтому принято решение отправить туда твою группу.

– Зачем? По руинам погулять? И что значит – «нет людей»? Вон домов сколько на карте обозначено, что – все жители исчезли? Или эти охотники за мистиками забыли о такой вещи, как опрос свидетелей? Так пусть вспомнят и поспрашивают местных, что там было и куда все делись. Может, «Кенигсберг 13» – это просто адрес?

– Не тебе одному подобная мысль приходила. В первую очередь проверили этот адрес. Там только разбитый дом, в котором располагалось общество «Пруссы». Тоже что-то мутное, но к «Старой Магде» отношения не имеющее. И у людей, конечно, спрашивали. Все об этой школе знают, все о ней слышали. Причем каждый из опрашиваемых болтал много, в основном пересказывая разные городские легенды, только вот местонахождение «Кукол» никто указать не смог. Строили предположения, и не более того...

– Может, бояться?

– Хм... – Гусев неопределенно хмыкнул, пояснив: – Нас на сегодняшний день они боятся гораздо больше. Исходя из этого, немцы из кожи вон лезли, чтобы помочь оккупационным властям, но все в пустой след... никакой конкретики – одни домыслы. Тут и появляется другая сторона. Зачем так сильно шифроваться обычному эзотерическому обществу? Ведь они все на самоокупаемости, а прячась, денег не зарабатывают...

– В таком случае надо искать местных богачей, которые могли выступать спонсорами. – Тут Серега, по мере сил боровшийся с моими неологизмами, недовольно изогнул бровь, и я поправился: – Меценатами. Не афишируя, втайне, и при этом гордясь принадлежностью к тайному обществу. Тогда «Куклам» гоняться за массовым клиентом действительно смысла не было. Несколько хорошо башляющих фигур – и школа в шоколаде.

– Про это тоже подумали. Но наиболее жирные денежные тузы успели эвакуироваться, а та мелочь, что осталась, – разные лавочники да управляющие магазинами, – ничего сказать не может.

– М-да, загвоздка... А тогда с чего решили, что их штаб-квартира именно на Кнайпхофе или в его окрестностях находится?

– Это ты у аналитиков спросишь. Хотя мне информация прошла – восемь дней назад, в Кенигсберге, нашим патрулем были задержаны трое бандитов. Двоих застрелили, одного удалось взять живым. При них был найден мешочек с драгоценностями. В основном это были перстни с символикой, которую люди из НКВД опознали как знак принадлежности к

«Старой Магде». Оставшийся в живых немец рассказывал, что их главарь хвастался, будто нашел вход в подземелье, где и украл это золото. Точного места своим сообщникам он, разумеется, не указал, лишь намекнул про Кнайпхоф. А это значит, что архивы и ценности тайного общества, вероятнее всего, эвакуировать не успели. Вот в УСИ связали все факты и доложили Колычеву.

Гусев снова закурил и, разогнав дым рукой, продолжил:

– Есть еще одна информация. На этот раз от немецких коммунистов. Похожа на байку, но ты ее на всякий случай тоже имей в виду.

Командир замолк, видимо, собираясь с мыслями, а я, глядя, как он пытается подобрать слова, решил подначить:

– Что, «жукольник» помимо заколачивания денег на оккультных аферах еще и «Рот Фронт»¹² втихаря поддерживали?

Но Серега, неожиданно серьезно взглянув на меня, на шутку не ответил, а просто озвучил то, что собирался сказать:

– В двадцать девятом году в Кенигсберг приезжал Гитлер. В Штадтхалле зал снял для проведения грандиозного митинга. Но перед этим с товарищами по партии, как это у них принято, нахлебался пива. А Восточная Пруссия вовсе не южная Германия, поэтому будущий фюрер простыл и охрип, словно сифилитик. Здешняя же журналистка данный факт подметила и написала весьма язвительную статью по этому поводу.

Я представил себе Алоизыча, толкающего многочасовую речь голосом Джигурды, и рассмеялся:

– Жалко, для потомков записи не сохранилось. Туда только добавить музыку – и получится новый джазовый исполнитель, похлеще Армстронга!

– А ты не очень веселись... На следующий день к той журналистке пришел молодой человек, принес цветы и наговорил кучу комплиментов. Хвалил за смелость и бескомпромиссность. А на прощание подарил плитку шоколада. Причем были свидетели, что он ей кроме комплиментов ничего не сказал. Но! Когда она после ухода посетителя развернула плитку и начала есть, то этот шоколад оказался нашпигован стеклом. Хруст по всему кабинету стоял! Люди, которые были в кабинете, пытались отобрать плитку, но та журналистка ее сожрала всю. Ногами отбивалась и ела...

Гусев замолк, а я, помотав головой, предположил:

– Блин... К ней что, гипнотизера сильного подослали? Хотя... остальные слышали, что он ничего особенного не говорил. Тогда как?

Командир тоже пожал плечами, ответив:

– Я не знаю как. Но ты имей это в виду и особенно ушами не хлопай. Конечно, возможно, все просто слухи, тем более что свидетелей не осталось, только лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Понял... Одного не пойму, с чего взяли, что к этому случаю «Школа старой Магды» отношение имеет? Может, Гитлер, того ухаря с собой привез?

– Может и так, только потом визитку на столе погибшей журналистки нашли. А на ней слова: «Уступи ему город». Это у школы после первой империалистической войны лозунг такой появился. Что он значит – непонятно, но звучит угрожающе.

М-да... вот и оставайся после такого махровым материалистом. Нет, и у нас подобные люди встречаются (один Мессинг чего стоил), но настолько сильных спецов по пальцам пересчитать можно. И что-то не хочется нарываться на подобный экземпляр с вражеской стороны. Такого поймашь, а он мозги незаметно всем запудрит и в лучшем случае просто уйдет. А в худшем... в худшем принудит нас перестрелять друг друга. Ведь заставить нажать на курок, наверное, гораздо проще, чем заставить слопать напиčkанный стеклом шоколад...

¹² «Союз красных фронтовиков» (Roter Frontkämpferbund), созданный в начале 1920-х годов. Руководил «Рот Фронтом» Вильгельм Пик, с 1925-го – Эрнст Тельман.

Правда, прикинув исчезающе-малую вероятность данной встречи, я несколько взбодрился и ответил:

– Хороший лозунг. Несколько туманный, но зато дает простор воображению. Еще что-нибудь особо страшное есть?

– Нет. На этом вся мистика заканчивается. Остается боевая проза. Поэтому завтра берешь людей, машину и едешь в Кенигсберг. Там, в комендатуре, найдешь старшего лейтенанта Одинцова из особого отдела. Он будет вас сопровождать. Идете по-боевому. Ночами в городе еще перестрелки бывают.

– Я-то пойду. Только непонятны дальнейшие действия по прибытию. Созерцание руин королевского дворца? Что мы там делать должны? Или ты думаешь, что мы этих «школьников» отловить сумеем? Вместе со всеми директорами и завучами?

– Нет, но генерал-полковник сказал, что *очень* сильно рассчитывает на твою везучесть и умение находить выход из самых непростых ситуаций. Ведь именно из-за этого тебя вообще на фронт и отпустили. Поэтому сейчас предполагается, что ты хоть что-нибудь нароешь. Вон как в случае с покушением на Черняховского получилось...

М-да... Я уже давно заметил, что Лисова используют как «заячью лапку». Только зря Серега про Черняховского вспомнил. Там я рыл совершенно в другом направлении, и если бы не МУРовцы, то в конце концов начал бы катить бочку на самого Жукова. А упорный Третьяков, прицепившийся к совершенной мелочи, на которую я и внимания не обратил, размотал это дело почти до конца. Через Розу Фильдман, сделавшую снимок, он вышел на ее любовника из НКВД¹³. Дальше был один «внешторговский» жучок, который оказался связан с МИ 6¹⁴. Так в полный рост и всплыл план английской разведки по уничтожению и дискредитации советских военачальников. Этот козел Черчилль еще с прошлого года, когда русские войска недвусмысленно показали, за кем останется победа в войне, сильно озаботился «угрозой с востока» и отдал распоряжение, позволяющее эту угрозу пресечь. То, что при этом на фронтах дополнительно могут погибнуть сотни тысяч советских людей, жирного борова совершенно не интересовало, и англы приступили к убиению с арены наиболее выдающихся командиров Красной армии.

Зато сейчас «СМЕРШ» и ГУГБ НКВД¹⁵, которые, отодвинув МУРовцев, плотно взялись за это дело, начали вскрывать целую сеть английской агентуры, как в войсках, так и в тылу. Ведь Горбуненко в ночь своей гибели, оказывается, ехал на встречу с шифровальщицей из штаба фронта. Скорее всего, именно она убила майора и водителя.

Говорю «скорее всего» потому, что эту сволочь взять так и не получилось. Видно, почуяв слежку, шпионка просто исчезла. Жалко, что подробностей всей этой раскрутки мне никто не рассказывал, только Гусев после поездки в Москву поделился известными ему сведениями.

После этих известий личный счет к союзникам приобрел глобальные размеры. Серега, который наслушался от меня о поведении англичан и американцев в будущем, тоже особой любви к ним не испытывал. Но смотрел на вещи более трезво, постоянно повторяя успокаивающую меня фразу: «Сейчас все будет зависеть от нас». И я это тоже понимал. Когда высшее руководство знает все расклады и подводные камни, ожидающие страну в ближайшее и не очень время, то всегда можно выстроить политику так, чтобы ни у кого даже не возникало мысли разговаривать с СССР «через губу». Причем как внешнюю, так и внутреннюю политику. По поводу внешней я немного могу сказать – итоги переговоров в

¹³ Народный комиссариат иностранных дел.

¹⁴ Разведывательная служба Великобритании.

¹⁵ Главное управление государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел (та самая «кровавая гбня»).

Ялте полковнику Лисову не докладывали, но вот насчет внутренней...

В последней речи Сталина, помимо всего прочего, оглашались очень интересные вещи. Мол, пролетариат, это, конечно, передовой отряд партии, но крестьяне несут не менее важную функцию сохранения традиций, обычаев и вообще являются «кормильцами и душой народа». А исходя из этого, к ним и отношение должно быть особое. Еще говорил про улучшение работы МТС, образование крупных агропромышленных объединений с новаторским подходом к работе и нормальной оплатой труда. Мимоходом упомянул о частных крестьянских хозяйствах, развивающихся трудом одной семьи. Сказал, что прежняя сверхэксплуатация деревни была вынужденной мерой для достижения достаточной индустриализации, и теперь ее можно рассматривать как некий займ труда колхозников, а поэтому отныне будет меняться сам принцип отношения к сельским жителям.

То есть минут сорок излагал планы по реконструкции деревни и изменению отношения к этому вопросу со стороны правительства. Потом, переключившись на другое, рассказал про индивидуальные предприятия, занимающиеся мелким и средним ширпотребом. Не кооперативы, которые при советской власти и так существовали, а именно про индивидуальные. Виссарионыч даже двинул мудреную фразу насчет трудового богатства, которое, как единственная морально оправданная форма богатства, совместимо с идеями социализма.

Офигеть! Это значит, что в СССР появится хоть и небольшая, но *частная* собственность. М да... видно, Верховный после всех раздумий, решил склониться в сторону «китайского социализма». Только вот не рано ли он начал?

Хотя там, наверно, постоянно шла какая-то подковерная борьба. Последние три месяца я только и слышал о перемещении, а то и отстранении одного и о переводе на новое место работы другого видного партийца. Вроде все чинно-благородно, но вот переводились и отстранялись в основном те, кто так или иначе в будущем поддерживал линию ныне покойного Хрущева.

А на их места ставились другие. О ком-то я слышал в *том* времени, о ком-то не знал. Вот, например, тот же Машеров, который руководил группировкой партизанских отрядов в Белоруссии, неожиданно оказался в секретариате ЦК. Нет, после освобождения республики он своим районом рулил очень хорошо, только подобный скачок для двадцатилетнего парня мне был непонятен. А если учесть, что в партию он вступил менее двух лет назад, то вообще...

Хотя, скорее всего, Верховный подбирал себе людей по одному ему понятным признакам и назначал на нужные посты, невзирая на стаж и возраст, преследуя определенные цели. А теперь, видно, все необходимые фигуры расставлены, и Сталин начал выполнение своего плана. Сначала в виде речей и обозначения общего направления движения. Но само начало мне уже нравится.

Да и не только мне. Армия у нас хоть и рабоче-крестьянская, но в основном все-таки крестьянская, и многие бойцы доставали политруков вопросами, касающимися именно той части речи Виссарионыча, где говорилось о крестьянских хозяйствах. Те бежали, мекали, но вынуждены были вникать в вопрос и заниматься разъяснениями внезапно вильнувшей новой линии партии.

* * *

– Понял?

– Что?

– Твою дивизию! – Серега раздраженно ткнул папиросой в пепельницу. – Опять в облаках витаешь?

– С чего ты взял? – Сделав обиженные глаза, я повторил приказ: – Завтра в пять утра выдвигаемся двумя машинами в сторону Кенигсберга. Прибыв на место, забираем Одинцова, который ведет нас на объект. Там будем искать то – не пойми что, а в частности –

местонахождение лаборатории «Кенигсберг-13», о которой никто из местных жителей даже не слышал, но бояться ее до произвольной дефекации. Потом ужинаем и ночуем в казарме при комендатуре. С утра опять на поиски. Кстати, ищем до ишачьей пасхи, или сроки ограничены?

– Кх-м... Ты, Илья, пессимист. А на поиски дается три дня, после чего вы возвращаетесь и мы выдвигаемся в Рудель. Фронт-то вон как далеко на запад ушел...

– Пессимист – это хорошо информированный оптимист! И радуется, что мы туда на три дня, а не до конца войны катим. И еще – продаттестаты брать, или ты разрулишь?

– Берите сухой паек. А ужином вас там кормить будут, я договорюсь.

– Понятно.

– Тогда у меня все. Иди ребятам скажи, чтобы готовились.

И я пошел готовить мужиков к завтрашним поискам.

Сначала планировал оставить прихрамывающего Пучкова на базе, но Гек разобиделся, и я, прикинув, что бегать нам не придется, разрешил собираться и ему. Так что едем всей группой. Я, Шарафутдинов, Гек, Змей (он же Женька Козырев) и наш новенький – Даурен Искалиев, спокойный как трамвай парень родом из Петропавловска, боевую кличку пока еще не заработавший.

Еще возьму с собой радиста, из хозяйства Северова. Марш-броски делать в этот раз не придется, поэтому толстопуз будет сидеть в «УльЗИСе», пока мы подвалы зачищать станем.

Вообще, конечно, это просто смешно. Такое впечатление, что Мишка себе подчиненных по своей комплекции подбирает. А если вдруг в его «команде бегемотов» появится худой, то через пару-тройку месяцев новенького уже не отличить от остальных упитанных и вальяжных связистов. Но невзирая на объемы, парни у него один к одному – знатоки своего дела.

Так что решено: возьму Силантьева, тем более он давно вокруг ребят вертится, раскрыв рот слушая их байки. Вот пусть и посмотрит моих «сказочников» в деле. А Искалиев – наш новый штатный радист, в этом случае может как обычный боец разведгруппы со всеми работать, потому что толку от его «шарманки» под землей все равно не будет. Заодно и притрется получше. Тренировки тренировками, но перед заброской к немцам обкатать парня в почти боевых условиях – дело очень хорошее...

Шмидта, которому Гусев дал отпуск, я решил не тревожить. Все-таки человек семью пять лет не видел. Да и в Алленбурге, откуда Макс родом, бои были сильные, поэтому никто не мог сказать, выжили ли его родственники. Наш немец, правда, ни слова не говорил о том, чтобы смотаться в родной город, хоть до него и было меньше тридцати километров.

А когда Серега снарядил «виллис» и дал сопровождающим лейтенанта Корзуна из взвода охраны, то Шмидт чуть не расплакался. Но тевтонская выдержка взяла свое, и чувства Макса выразились только в преувеличенно четких движениях при отдаче чести.

Сашка Корзун потом связался с нами из алленбургской комендатуры и сообщил, что Максимиллиан своих нашел. Не всех, но нашел. Мать у него погибла под английскими бомбежками, зато сестры и младший брат были живы. Сейчас Шмидт и Корзун помогают им устроиться в новом мире. М-да... Вот, наверное, в комендатуре шизеют от такого пассажира! Не каждый день на оккупированной территории увидишь немца, который является сотрудником НКВД.

Но комендачи действуют по закону, и поэтому родне Макса полагаются все льготы, которые существуют для советских военнослужащих. Только все равно пусть лучше он свои оставшиеся три дня догуляет. Глядишь, сестру, ту, что постарше, на работу устроит. Все навар, а то на его денежный аттестат троим людям особо не прожить.

Поэтому, придя в наше расположение, дал команду готовиться только присутствующему составу. В принципе, собрались быстро. Единственно, что я пресек желание Гека взять с собой «калаш».

– Леха, ты что, головой ударился? Мы же не в тыл к немцам идем! Ведь шариться на

виду у всех с новым оружием – это все равно что табличку на шею повесить: «осназ». А если учесть, что и террористы им еще не все вооружены, то такая демаскировка может вылезти боком. Поэтому приказываю – новое оружие сдать, а с собой брать только то, с чем раньше ходили.

– Да, но...

– Отставить пререкания.

Обиженно сопящий Гек, гордо вздернув нос, молча прошел мимо меня. За ним потянулись остальные. Я тоже встал и спросил у уходящего последним Марата:

– Думаешь, в чем-то неправ?

– Во всем прав, командир. Просто ты у них новую игрушку отобрал, вот они и надулись. И в городе с новыми автоматами действительно нельзя появляться. Уж очень приметные. Сразу вопрос возникнет – что за оружие у этих пехотинцев? И вообще, пехота ли это? А ведь там невыявленной немецкой агентуры еще полно...

Шарафутдинов своими словами полностью подтвердил мои мысли. Фрицы не дураки – обратят внимание на оружие, срисуют номера на машинах и, так как вражеских агентов в Пруссии просто немерено, быстренько вычислят наше расположение. А там и до определения ху из кто, недалеко. Так что приказ оставить новые автоматы в распоряжении части был правильным. Поэтому, кивнув, я ответил все понимающему капитану:

– Ну вот и добре. Ладно, пошли за верными ППС...

А уже ночью, ворочаясь в постели и прикидывая, что нас может ожидать в городе, вспомнил слова Колычева. М-да... Шеф НКВД, похоже, пытается из моей удачливости выжать все до капли, пока «заряд» не кончился. Ведь московские профессора выдвинули гипотезу о ее происхождении. Да и не только об этом...

Высоколобые умники подвели базу даже под мою ныне пропавшую повышенную регенерацию. Причем вроде все логично. Во всяком случае, я сам найти противоречий не смог и принял их версию на веру. Они считали, что все дело было в новом теле. Мол, у детей восстановление идет гораздо быстрее, чем у взрослых. А у пришельца тело было даже не младенческим, а соответствовало зародышу, в результате чего и наблюдалась ураганная регенерация. В их теорию ложилось даже то, что она постепенно сходила на нет и через девять месяцев исчезла совсем.

Когда Федосеев мне все это рассказывал, я неожиданно вспомнил одну из телепередач, что видел в свое время. В ней говорилось про чудо-средство, которое изготавливалось из того, в чем ребенок до рождения находится. Плацента не плацента, толком уже не помню, но из нее чуть ли не эликсир вечной жизни добывали. Или это средство из стволовых клеток добывали? А клетки, соответственно, из этой самой плаценты? Хотя какая разница – про вечную жизнь это, конечно, враки, но дыма без огня не бывает.

Если уж детское место такими свойствами обладает, то тело, которое оно должно оберегать, вообще – ого-го! И про девять месяцев тоже в самую дырочку. У меня ведь именно по истечении этого срока лафа закончилась.

Группа Федосеева и удачливость пациента не обошла стороной. Дескать, дело опять-таки в новом теле. Точнее, в еще не «закостеневших» мозговых связях, которые способствуют принятию чисто интуитивных верных решений, воспринимаемых окружающими как голимая удача.

Я тогда даже несколько обалдел от того, насколько просто все можно объяснить. А то ведь чуть было не зазнался, считая себя эдаким мессией с неограниченным запасом везения. И тут вдруг такая проза... Да еще и известие, что вся эта радость закончится в течение нескольких лет, когда в мозгах все «устаканится», вообще ввергло в уныние.

Поэтому Иван Петрович и выжимает сейчас все соки, пользуясь моментом... Правда, также можно учесть, что на допросах из меня вытянули не практически все, а ВСЕ. Как оказалось, гипноз на Лисова еще как действует, и я вспомнил даже то, о чем забыл давным-

давно. Но про это я узнал гораздо позже, когда уже после Нового года мне прокрутили запись беседы, где я отвечал на вопросы по органической химии, и попросили уточнить некоторые детали.

Вот тогда я и завис... Органику даже в школе с трудом на трояк вытянул, а тут, слыша свой голос, который шпарил как по писаному, только и смог, что хлопать глазами и пожимать плечами.

В общем, от меня во вменяемом состоянии они так ничего добиться и не смогли. А я сделал вывод, что пришелец как источник информации уже и не очень то нужен. Наши спецы надо мной поработали от души. И судя по тому, какие вопросы иногда задавались, знания, которыми была забита моя голова, были воистину обширны.

Блин, да что там говорить! С огромным удивлением для себя понял, что помимо действительно важного и нужного помнил даже Ф.И.О. разнообразных членов правительства, включая годы их жизни. Откуда – не представляю! Может, когда-то мельком плакаты разглядывал с физиономиями «слуг народа», вот они и запали? Так же как и ТТХ ТПДК-2¹⁶, способ изготовления тонированных стекол, кличка соседской кошки, да и многое другое. А уж что учил или читал, или слушал вдумчиво... м-да... под гипнозом это все я вываливал обстоятельно и со вкусом.

Одно только интересно, почему после выдаивания досуха я до сих пор остаюсь личным порученцем Верховного? По логике, теперь пришельца можно и ухлопать безболезненно, во избежание неожиданных утечек информации. Тем более ничего нового я все равно уже не скажу...

Но наверное, Сталин помнил про слова Мессинга о выполнении некой таинственной миссии и решил дать мне все возможности для ее реализации. Может, он на это тоже какие-то надежды возлагает. Эх, знать бы еще, в чем она заключается, а то я чего-то боюсь. Ведь как выполняю, так, по словам того же Мессинга, помру. Только вот помирать, зная даже про вторую жизнь, вовсе не хочется.

1 Танковый прицел-дальномер квантовый.

А тут еще и Федосеев инфу подкинул. Дескать, анализируя мои данные о событиях в будущем и сравнивая их с реальностью, они могут предположить, что я не первый временной «попаданец». Если поднять сравнительно недавнюю историю, то можно проследить два четких момента, не укладывающихся в обычную логику.

Наиболее близкий к нам – русско-японская война, где любая вероятность поворота событий складывалась в пользу японцев. Но там все расплывчато, практически недоказуемо, и только сам факт запредельной везухи японцев может наводить на размышления.

Зато в случае с Германией профессор назвал даже имя возможного путешественника во времени – Людвиг Краус. Сначала этот никому неизвестный человек появляется в окружении прусского канцлера Бисмарка. Все это происходит приблизительно в 1869 году. А уже в 1870 м политика Пруссии меняется так, что она провоцирует войну с Францией. Совершенно самоубийственную войну, потому что галлы превосходили пруссов по всем параметрам. Но Франция терпит неожиданное для всех поражение, и в результате этой войны из Северогерманского союза образовалась Германская империя.

А генератором всех идей, по некоторым данным, был тот самый Краус. Именно после долгих разговоров с ним Бисмарк и принимал наиболее важные решения...

М-да... фиг его знает, может, профессор и прав в своих предположениях, но мне во всем этом экскурсе в историю сильно не понравилась кончина возможного пришельца. Он погиб при пожаре в 1872 году. Какая-то хреновая тенденция в этом прослеживается. Надеюсь, я сам помру или от старости, или от быстрой пули. Чего мне гореть-то? Я ведь не летчик и не танкист...

Вспомнив свои тогдашние мысли о том, что неплохо было бы всюду передвигаться с

¹⁶ Танковый прицел-дальномер квантовый.

огнетушителем, я ухмыльнулся и, поворочавшись еще немного, заснул.

А ранним утром, наша куца колонна состоящая из «виллиса» и «УльЗИСа», бодро катила в сторону столицы Восточной Пруссии, города Кенигсберга.

Глава 3

Я, стоя возле дежурного по комендатуре, от нечего делать разглядывал висевшие на стенах картины. Некоторые были сняты и теперь только невыгоревшие места указывали на то, что там что-то висело. Видно, политически опасные изображения королей и баронов комендачи быстренько убрали, оставив в основном пейзажи. На них, наверное, даже у сурового комендантского люда рука не поднялась...

А вокруг приобщающегося к прекрасному майора Лисова тем временем бурлил народ. Патрули постоянно приводили каких-то гражданских под конвоем. Приводили и военных – как наших, так и немецких.

Потом какой-то фриц, пришедший самостоятельно, стал требовать встречи с помощником коменданта. Фриц был худым, длинным и эмоциональным. Размахивая руками, этот нарушитель спокойствия на корявом русском кричал, что он коммунист и что у него неотложное дело, которое может решить или товарищ комендант, или его первый заместитель. Некоторое время посмотрев на немца, я отодвинул поклонника Тельмана в сторону и спросил у дежурного:

– Послушайте, капитан, где ваш посыльный? Он двадцать минут назад ускакал на поиски моего человека. Может, он в пути заблудился? Может, стоит еще одного послать?

Тот поднял на меня красные с недосыпу глаза и спокойно ответил:

– Людей больше нет. А вы, товарищ майор, пока сядьте вон на ту лавочку. В конце концов вашего человека найдут и пригласят.

Скептически глянув на красноглазого, решил последовать его совету и отошел в сторону. Мое место моментально занял подпрыгивающий ротфронтовец, так что легкой жизни у капитана все равно не получилось. Еще минут через десять я, пробормотав под нос: «Это просто херня какая-то», опять подошел к дежурному. Тот удивился:

– Что, еще не пришел?

И видя мой отрицательный ответ, поднял трубку стоящего рядом телефона, затребовав к себе какого-то Загорулько. Через пару минут появился массивный старшина, которому капитан приказал мухой отыскать посыльного. Тот поинтересовался – какого именно?

– Федорчука! Федорчука, мать вашу! Быстро эту беременную каракатицу ко мне! Вон, товарищ майор уже час ждет, пока этот чудила приказ выполнит!

На сей вопль старшина невозмутимо ответил:

– Ни, товарищу капитан. Це не вийдэ. Я його зарестував. Он вже на гауптический вахти находится, за прэрэканія з старшим по званию.

Пока дежурный, хлопая глазами, переваривал эту новость, я, взяв ревнителя уставов за плечо и развернув к себе, веско сказал:

– Загорулько, у тебя есть пять минут, чтобы привести нужного мне человека. Не уложишься в отведенное время, я, как начальник политотдела восемнадцатой гвардейской дивизии, тебе такую веселую жизнь устрою, что десять суток на «губе» раем небесным покажутся! Выполнять!

– Товарищу майор, а кого вызвать трэба?

Окинув взглядом готового рвануть куда требуется Загорулько и не выходя из образа, я процедил:

– У дежурного узнай, – после чего демонстративно посмотрел на часы.

Через несколько секунд старшина испарился, а я подумал, что хитрость города берет. Да стой тут хоть командир полка, это не придало бы такого ускорения штабному жителю. А вот связываться с крайне говнистыми политруками опасаются все более-менее разумные люди.

Старшина оказался не просто разумным, а еще и опытным, поэтому уже через три минуты я здоровался со старшим лейтенантом Одинцовым – молодым, улыбчивым парнем среднего роста, со слегка приплюснутым «боксерским» носом. А еще через пять мы подходили к машинам. Шараф, увидев меня, ухмыльнулся и выдал:

– Ха, мы думали, ты там жить остался. Или арестовать успели...

– Арестовали, только не меня... Но комендатура – это всегда полный дурдом. Хорошо, никакого пробегающего мимо полковника не попалось, а то бы точно за что-нибудь зацепился и посадить захотел. Там, блин, все на голову ударенные... Да, знакомьтесь, мужики, – Одинцов Федор, от смежников.

Познакомились, перекурили и, загрузившись, поехали в сторону Кнайпхофа. По пути рассказал ребятам, почему настолько задержался и, покритиковав общий армейский долбобибизм, а комендантский бибизм в особенности, мы, проехав по узеньким улочкам и небольшому мостику, оказались на острове.

– Куда дальше?

Федор, привстав, показал пальцем:

– Вон шпиль виден. Там кафедральный собор. Недалеко, с другой стороны берега – королевский замок. С чего начнем?

– А что более целым осталось? Просто по развалинам лазить смысла не вижу. Англичане ведь отбомбились тут месяца два назад? И если за это время фрицы ничего не восстанавливали, значит, там ничего и не было. А если и было, то уже все перевезено в другое место.

– Ну... – Одинцов на секунду задумался и решил: – Собор пострадал сильнее. Хотя и он, и дворец почти целыми остались. Но дворец – гораздо больше по размерам. Только мы и то и другое осмотрели сверху донизу. А при осмотре собора священника местного нашли, который нам даже подземелье показывал. Только далеко по нему не прошли – завал. Кстати, поп говорил, что в соборе в основном только службы шли и ничем другим там люди не занимались. Ну, еще рассказывал, что в семнадцатом веке в той церкви, вся прусская верхушка и жители города присягнули на верность русским. Какой-то из тогдашних цариц...

– Хм, а потом, значит, переиграли. Во проститутки-то... Ну да хрен с ними. Ладно, для начала поверим служителю культа. Мне так кажется, что для тайных сборищ церковь не очень подходящее место. Опять-таки – людей полно... А вот замок – это другое дело. Кто попало там шляться не будет. Поэтому поедem туда.

Правда, увидев это сооружение, я сильно приуныл и понял, почему он назван «королевским». Наверное, из-за размеров. Эта махина занимала целый квартал, имела мощные башни по краям и здоровенное здание, похожее на кирху, прилепленное к одной из стен. Хорошо еще, что эта «кирха» была разрушена, поэтому нам оставались сушие пустыки. Проверить четырехэтажное строение размером чуть не с Зимний дворец. За три дня. Но деваться было некуда, поэтому, сплюнув сквозь зубы, я приказал:

– Разбиваемся на пары. Первая – Шараф и Змей – идут в западное крыло. Вторая – Гек и Искалиев – в северное. Силантьев – на связи. Ну а мы с тобой, – я повернулся к Одинцову, – пойдем вон туда, где на стенке герб висит. Встречаемся каждый час возле ворот. И осторожней, мужики. Тут вооруженных фрицев еще хватает, так что не нарвитесь... А сейчас оправиться – и начали!

Мы дружно, на счастье, обрызгали внутреннюю стену и разошлись каждый в свою сторону.

* * *

– Апчихи!

Я вздрогнул от громового чиха и возмущенно сказал:

– Ты хоть прикрывайся, когда чихаешь! Ведь заикой сделаешь!

Федор смущенно кашлянул и извинился, добавив:

– Тут, товарищ майор, столько пыли... Окна почти все повышибало, вот и нанесло...
– Угу – нанесло... Я вон в том зале в говно вляпался, его тоже нанесло? Причем отметить – говнецо человечье и свежее.

Через секунду до меня дошло, что моя фраза звучит несколько двусмысленно, поэтому поспешил разъяснить:

– Я его не пробовал.

Одинцов хрюкнул, а потом, став серьезным, заметил:

– Странно, мы это здание позавчера проверяли – и ничего свежего не было...

– А, – махнув рукой, предположил я: – Мало ли кто тут нагадил? Скорее всего, кто-то из немецких солдат здесь прятался. И судя по брошенной форменной куртке, он добыл «гражданку», после чего свалил. Ладно, с этим этажом тоже закончили. Пошли вниз.

Мы бродили по замковому комплексу уже четвертый час и ничего толкового не находили. Всюду был какой-то мусор, поломанная и целая мебель, куча картин на стенах с изображением пейзажей и разновозрастных мужиков, всех как один одетых в доспехи и выглядевших спесиво до невозможности. Было много бумаг, но совершенно не относящихся к делу. Какие-то накладные, листовки, плакаты... А вообще, дворец впечатлял. И размерами, и неразграбленной обстановкой. Особенно, конечно, размерами. Как представлю себе, что у него еще и подвалы есть, так оторопь берет – сколько же нам тут еще лазить придется?

Спустившись на второй этаж, мы прошли в большой зал, где я, набрав кучу очередных бумаг поднял огромное перевернутое кресло и, плюхнувшись в него, начал перебирать макулатуру, а Федор пошел дальше.

– П-ш-ш-ш!

Звук, раздавшийся почти над головой, заставил рыбкой вылететь со своего трона и, извернувшись в полете, направить ствол автомата в сторону опасности. Увидев ее источник, я только коротко матюгнулся и, убрав оружие, подошел к напольным часам, внезапно пробудившимся к жизни. Правда, подошел осторожно, ожидая должного последовать за шипением громкого «бом»! Но отбивать время этот монстр не стал, а после первого угрожающего шипа заткнулся. Посмотрев на часы еще какое-то время и поняв, что с их стороны больше подлян не ожидается, я выразил свое отношение к творению старых мастеров:

– У-у-у, сука!

После чего, встав посреди зала, начал оглядываться. Рыться в бумагах, в надежде найти хоть какие-то хвосты от «кукол старой Магды», я больше смысла не видел. Команда, в которую входил Одинцов, тут уже все проверила. Ронять рыцарские доспехи, часто встречающиеся на разных этажах, или простукивать стены в поиске тайных ходов тоже посчитал глупым. Так что, наверное, самым оптимальным будет для очистки совести быстро проскочить по оставшимся залам и галереям, а с завтрашнего дня плотно заняться подвалами.

Угу, значит, так и сделаем... Только куда Федор делся? Ведь слышал его шаги в другом зале, когда в кресле сидел, а сейчас – тишина... Или он дальше ушел?

Пройдя через высокие двустворчатые двери, я оказался в следующем помещении. Старлея здесь не было. Блин! Куда он пропал? Покрутив головой, я крикнул:

– Одинцов! Одинцов, ты где?

Его голос раздался откуда-то справа:

– Я здесь, товарищ майор. Идите сюда.

Ага, вон еще одна дверь. Пройдя в нее, я оказался в зале размером метров двенадцать на пятнадцать. Он был практически пуст, за исключением резных деревянных кресел, стоящих по периметру, и большого стола, накрытого красной скатертью. Еще присутствовал громадный камин, в котором можно было зажарить слона вместе с хоботом и бивнями. Вот из этого камина сейчас выглядывал напарник и махал мне рукой. Подойдя ближе, я поинтересовался:

– Ты чего туда залез? Тайные ходы ищешь? Так они наверняка если и есть, то только в подвале. Но мы их все равно не найдем...

– Ищу, – смущенно признался старлей и добавил: – Мы их тоже в подвале искали, но все впустую. А сейчас я подумал – а вдруг он не в подвале, а на первом или втором этаже? Вот и полез в этот камин.

– Ну и как успехи?

– Да странно как-то... – Одинцов замялся, а потом показал мне перепачканную ладонь: – Вот, смотрите... Хотя нет, я сейчас!

Быстро выскочив из камина, он, поплевав на руку, вытер ее скатертью, и вернувшись обратно, сказал:

– Вот здесь провожу – видите, палец в саже. А вот здесь – тоже в саже, но гораздо меньше. Почему?

Хм, действительно странно.

– А ну отойди. – Отодвинув Федора, я сам нырнул в черную глубину. В конечном итоге, перемазав обе руки, убедился в правильности первоначальных предположений. Но вся беда в том, что сколько я не искал тайных кнопок или рычагов, ничего не находил. Только вымазался как черт, и площадь сравнительно чистого места увеличилась до квадратного метра. В конечном итоге вылез, освободив место Одинцову. Пока он работал трубочистом, я перекуривал и давал советы. Кончилось тем, что на голову Федьке свалился шмат сажки и он моментально превратился в негра. Со словами: «Твою мать!» особист выпал из камина и застыл в согнутом положении, с разведенными в стороны руками.

– Тихо, тихо, не шевелись!

Углом бывшей красной скатерти я насколько мог оттряхнул бедолагу, после чего мы закурили уже вместе, мрачно поглядывая на печку-переростка. В конце концов старлей, сплюнув черную слюну, выдвинул предположение:

– А может, так и должно быть? Ну, тяга разная, или огонь до этого места доходил, сажу сдувая, вот там меньше и запачкалось? Я просто с каминами раньше не сталкивался...

– Я тоже... Хотя, знаешь... давай последнюю попытку сделаем. Чистое пятно было на уровне груди. Если я встану вон на то кресло, моя задница будет на том же уровне. Может что-то в трубе выше есть и сажу жопой вытерли случайно, когда ход открывали?

– Да смотрели же – там только кладка кирпичная.

– Еще раз посмотрю, может, не заметили.

Подтащив тяжелое кресло к камину, я осторожно взгромоздился на него. Потом включил фонарик и в круглом пятне света сразу увидел лежащую на одном из выступающих кирпичей черную и сливающуюся со стеной цепь, уходящую в дымоход. Кстати, кусок этой же цепи валялся под ногами. То есть, получается, она изначально длиннее была, до самого низа? Но не это главное – главное, найдено, за что дергать!

Испытывая прилив детской радости от решения задачи, я потянул за сальные на ощупь звенья. Наверху что-то бумкнуло, зашуршало и на меня свалился такой кусок сажки, что напарник по сравнению со мной сразу стал выглядеть Белоснежкой.

Точно так же, как и Одинцов, растопырившись, я выпал наружу, заклиненно повторяя:

– Ах ты ж с-с... ах ты ж с-с... вот же с-с-с...

Теперь уже старлей бегал вокруг меня, пытаясь оттряхнуть и успокоить. Через несколько секунд наконец расклинило, и получилось выразить все, что я думаю про замки, камины, тайные ходы и идиотские приказы командования. Когда выговорился, Федор заметил, что, наверное, это была задвижка. В смысле, дернув за цепь, я приоткрыл или наоборот закрыл какую-то трубную задвижку, вот на меня и свалилось все это дерьмо. Только легче от этого не стало. Протерев наконец глаза и увидев, во что превратилась форма, я впал в полное неистовство. Выдернув из разгрузки гранату, заорал:

– Бойся!

И швырнул ее в каминный зев. Глупость, конечно, только не сделай этого, просто лопнул бы от злости. А сейчас, отскочив подальше, мы пригнулись в ожидании взрыва.

Шарахнуло неслабо. Из этой долбаной печки вылетел целый фонтан мусора, с редкими осколками кирпичей, а я, распрямившись, удовлетворенно сказал:

– Вот так-то. Теперь никто больше не облажается и туда не полезет. А то – чисто, грязно... Ладно, сейчас завязываем с поисками и пойдем мыться. Я в таком виде неработоспособен...

Одинцов согласно кивнул, и мы пошли вниз, где, уже выходя во двор, столкнулись со встревоженными мужиками, прибежавшими на звук разрыва. Увидев нас, они остановились и вытаращили глаза. Потом культурный Марат спросил:

– Где это вас так извозило?

А Пучков сначала мерзко хихикнул, а потом зашелся в хохоте... козел. Причем Женька после секундной паузы к нему присоединился. Не обращая внимания на наглых щеглов, мы прошли по дорожке и направились в сторону колодца, расположенного во дворе. Стираться, конечно, не собирались: то, что на нас налипло, можно взять только горячей водой и хорошей щеткой, но вот умыться надо было всенепреренно. Гек сбегал к машине и принес мыло, поэтому минут через двадцать мы были похожи не на чертей, а просто на очень грязных людей.

Пока мылись, рассказывали о поисках тайного хода. Рассказывали серьезно, но народ, слушая наше повествование, каждое слово комментировал и угорал, как на концерте юмористов. В конце концов это веселье стало раздражать, и я уже собрался дать команду выдвигаться в подвалы, но тут ко мне подошел Искалиев. Смущаясь, как это у него было всегда, когда он обращался к начальству, Даурен предложил:

– Командир, разрешите колодец проверить? Ведь сам дворец уже до нас осматривали и ничего не нашли. А я перед войной книжку читал историческую, про французский замок Сюлле – там описывалось, что подземный ход в колодце начинался. Мол, средневековые строители сделали в колодце что-то вроде сифона, и пронырнув его, можно было оказаться в тайном подземелье...

Хм... Задумчиво почесав подбородок и достав фонарик, я заглянул в жерло колодца. Он был узкий – где-то с метр в диаметре и выложен изнутри крупными осклизлыми валунами. На глубине метра три валуны образовывали круговой наплыв, немного сужая размеры отверстия, и еще чуть ниже, в свете фонаря, блестела вода. Почему-то захотелось туда плюнуть, но помня старую поговорку, сдержался и только гукнул в сырую глубину:

– У-г-у...

После чего, пожав плечами, я уже было собрался дать отбой этой идее, как вдруг меня посетила очень интересная мысль. Поэтому вместо отбоя, ехидно ухмыльнувшись, сказал:

– Про французов, говоришь, читал... Что ж, посмотрим, отличаются ли лягушатники от фрицев...

Хитропопый Пучков, увидев мою физиономию, сразу почувствовал опасность и, сморщив лицо, принялся потирать раненую ногу, всем своим видом показывая, как у него «ноют старые раны». Глядя на эти потуги, я только хмыкнул и, переключив внимание на Змея, приказал:

– Бегом к машине и тащи сюда веревку. Кое-кто сейчас будет работать водолазом!

Женька только глазами захолопал, понимая, на что я намекаю, но возражать не осмелился и порыскал в сторону «уазика».

Конечно, в эту затею с колодцем я не верил ни на грош, но мокрый Козырев был бы хорошим отмщением. Ибо не фиг так ржать над старшими! Я бы обоих приколистов в этот колодец запихнул, но с одной стороны, сразу оба туда не поместятся, а с другой – было опасение, что чуть зажившая нога Гека после купания может воспалиться.

Да и от сержанта Искалиева это было первое предложение, которое нельзя пропускать мимо ушей. Парень только осваиваться начал, а отказав ему сейчас, вообще всякую инициативу в будущем убью. Так что пусть Женька поплавает. Заодно и подумает, во что может вылиться злобное ржание над попавшими в переделку товарищами.

Когда веревка была принесена, Даурен собрался сам лезть, но я, отобрав конец и

мстительно щерясь, собственноручно обвязал Змея, показав пальцем, мол – вперед! Жека так расстроился, что даже раздеваться не стал, а молча передал оружие Пучкову, после чего, огорченно сопя, влез на кромку и, спустив ноги внутрь, еще раз посмотрел на меня.

– Давай-давай, гусь лапчатый! Ныряй, и нечего так жалобно смотреть!

Козырев, поняв, что от купания не отвертеться, передернулся и скользнул в глубину. Скользнул, чтобы тремя метрами ниже застрять в сужении. Глядя сверху, как он, сопя, пытается протиснуться глубже, я сварливо сказал:

– У-у, мамонт! Отожрался на казенных харчах! – И скомандовал мужикам: – Тяни его обратно.

Выдернутому как репка Змею приказал снять разгрузку и идти на новый заход. В этот раз Женька, предусмотрительно раздевшись до трусов, проскочил без проблем, а еще через несколько секунд я услышал его удивленный голос:

– Командир, тут какая-то дырка...

Освещая макушку младшего лейтенанта, поинтересовался:

– Какая в жопу дырка? Змей, если ты так шутишь, то мы тебя в этом колодце так и оставим! В естественной для тебя среде. Приколист хренов!

Но подняв лицо и щурясь от света моего фонарика, Козырев продолжал настаивать:

– Вот тут, под бордюром – дырка. Ее просто сверху не видно. Большая, квадратная. – И посветив в невидимое мне отверстие, добавил: – Там ход дальше идет.

Посмотрев, куда он светит, я понял, что ход идет в сторону разрушенной «кирхи». Да куда бы он ни шел, это все равно означает, что мы попадем в замковые подземелья.

А там и посмотрим, что в них есть и кто там прячется. Если, конечно, хоть что-то есть... Пока же, сказав ребятам, чтобы они вытаскивали несостоявшегося водолаза, я обратился к Одинцову:

– В общем так: обе машины сюда, во двор. Ставите их под этот навес и ждете. Ночью с водителями и радистом организуете дежурство, а то вас, сонных, недобитки разные замочат, как два пальца. К утру мы постараемся вернуться. Контрольный срок – двенадцать ноль-ноль. Если к этому времени нас не будет – свяжешься с полковником Гусевым. Доложишь, что и как. Пусть он дальше сам решения принимает. Все понятно?

Федор кивнул, а я, улыбнувшись, его подбодрил:

– Может, ничего и не понадобится! Мы, возможно, уже через час из колодца орать начнем, так что прислушивайтесь.

– Все понятно, товарищ майор! Но нет ли смысла еще людей вызвать?

– Зачем? Вдруг там дальше просто тупик или завал, а мы всех взбудоражим. Стыда потом не оберешься...

– Разрешите выполнять?

– Давай! – И уже обращаясь к своим ребятам, я добавил: – Ну что, мужики, пора становиться диггерами.

Глава 4

– Искалиев...

– Я.

– В гробу я видел того, кто тебя в библиотеку пустил. А того, кто книгу про старые французские замки подсунул, еще и в белых тапочках. Читатель...

– А ну тихо там! Гек, отставить наезды на молодого!

Шепотом рывкнув на бубнящий арьергард, я подошел к ответвлению тоннеля и, выставив высоко над головой фонарь, присел, осторожно заглядывая за угол. М-да, опять пусто...

Мы часа три бродим по душным, влажным катакомбам, но ничьих следов до сих пор не увидели. Правда, судя по всему, настолько некомфортным это подземелье стало сравнительно недавно. Если бы с потолка постоянно так капало, то тут давно бы уже все

завалилось. А сейчас своды еще крепкие, с чего можно сделать вывод, что эта влага – результат активных английских бомбежек. Видно, обработка фугасами не предусматривалась старогерманскими зодчими и нарушила все их тонкие расчеты, применяемые при строительстве тайных ходов. Большие и маленькие осколки кирпичей на полу служили подтверждением моим мыслям – сколы были еще свежими, не успевшими потемнеть.

Из-за этого мусора скорость передвижения у нас была черепашья – того и гляди ногу подвернешь. Но, конечно, не только из-за опасения споткнуться мы настолько осторожно шли, тщательно освещая фонарями стены и пол. В этом заповеднике древности нам уже встретился вполне современный минный привет от фрицев. Хотя вначале, когда группа только попала в колодезный ход, глядя на эти доисторические стены, сама мысль о минах казалась смешной...

Тогда, протиснувшись через маленькое квадратное отверстие, мы оказались в небольшом, метра три длиной коридорчике. А вот он уже выводил в полноценный подземный ход, шириной в метр и высотой под два. Ход шел налево и направо, плавно изгибаясь, поэтому, что в нем творится десятью метрами дальше, видно не было.

Посветив фонариком в обе стороны, я принял решение и, следуя здоровому мужскому инстинкту, повернул налево, под уклон. Но уже через двадцать минут выяснилось, что в подземельях на инстинкты полагаться не следует.

Сначала шло весело, но потом началась обширная лужа, которая с каждым шагом становилась все глубже и глубже. В конце концов, зачерпнув сапогом воду, я остановился и, выругавшись, сказал:

– Блин, такими темпами еще метров через сто нам плыть придется! Поэтому – кру-угом. Шах – направляющий. Пошли назад.

Народ тихим довольным гулом подтвердил правильность принятого решения и, развернувшись в узеньком коридорчике, мы пошлепали обратно.

Идя последним, я все соображал, а верно ли поступил, что развернул ребят и не попытался пройти дальше? В конечном итоге сам себя убедил, что верно. Фрицы, конечно, просто обожают разные подземные нычки и закапываются под землю при каждом удобном случае, но жить совсем уж как крысы они не будут. Даже в самом экстремальном случае выберут место поудобней, во всяком случае до которого можно добраться, не сильно вымокнув при этом. Сушиться-то здесь проблематично, а во влажных шмотках под землей переохлаждение можно заработать на раз. Ну и все связанные с этим прелести.

Хотя лично я сразу Гусеву сказал, что людей мы здесь наверняка не найдем. Даже если они по каким-то причинам и не успели эвакуироваться, то зачем играть в Монте-Кристо и лезть в катакомбы, когда можно спокойно жить на конспиративной квартире? А может быть даже и в своем доме, так как мы просто не знаем, кого искать надо. Правда, с другой стороны...

М-да, с другой стороны, Одинцов уже рассказал, какие нравы сейчас тут царят. Как только до немцев дошло, что массовые расстрелы в честь взятия города отменяются, то у добропорядочных херров сразу проснулись старые привычки и они начали стучать. Причем куда там Ринго Стару! Тот только на барабанах, а кенигсбергские обыватели стучали на все что движется. Сосед на соседа, коллега на коллегу. Было и такое, что закладывали практически незнакомого человека, которого, к примеру, просто видели входящим в здание гебитскомиссариата.

Комендатура просто не успевала арестовывать залегших на дно эсэсовцев, гестаповцев, сотрудников СД и прочих чинов, в великом множестве оставшихся в городе. Дошло до того, что на «смотрителей домов», которым вменялось в обязанность доносить гитлеровским спецслужбам о «неимперских» настроениях жильцов, шуцманов и даже бывших солдат вермахта, успевших спрятаться дома, просто махнули рукой.

Так что в этой обстановке на конспиративной квартире не очень-то отсидишься – соседи моментально заложат. С другой стороны – ну посидят прячущиеся под землей месяц,

посидят второй, и что дальше? Это ведь не одесские партизаны, чтобы в катакомбах годами сидеть. У тех хоть стимул был – они возвращения своих ждали, а у этих?

Впрочем, какая разница? У нас есть задача – найти документацию или людей, имеющих связь с «Кенигсберг-13», вот мы и ищем. Найдем бумаги – хорошо, найдем людей – еще лучше!

Блин! Уткнувшись в спину остановившегося Змея, я сбился с мысли и недовольно поинтересовался:

– Чего стоим, кого ждем?

Колодезный отнорок мы прошли уже давно, и ход в этом месте перестал вилять, превратившись в прямой коридор, просматриваемый метров на тридцать. Подняв фонарь, я осветил стоящего впереди колонны Шарафутдинова и спросил уже погромче:

– Шах, чего встали?

Одновременно с этим начал протискиваться к капитану, распахивая мужиков в стороны. Когда почти дошел до Марата, он, не глядя на меня, посветил за поворот тоннеля, сказав только одно слово:

– Мины.

Оба-на. Вот вам и старинные ходы. Так как тевтонские рыцари совершенно не шарили в минно-взрывном деле, то можно предположить, что эта закладка дело рук их непутевых потомков. И значит, этот ход не заброшен и фрицами не забыт, поэтому, возможно, выведет туда, куда нам надо. Я, правда, слабо представляю, куда именно нам надо, но в том, что это подземелье «действующее», сомнений уже не осталось.

Пока в голове крутились все эти мысли, я подошел вплотную и, глянув, куда падал луч фонаря, только присвистнул. Сразу за поворотом начиналась густая паутина растяжек. Несколько секунд проследив глазами за причудливо расходящимися в вертикальной плоскости проволочками, не смог удержаться от приглушенного мата. Нет, ну в самом деле, гадство – хуже не придумаешь. Ткнувшийся в спину Пучков выглянул у меня из-за плеча и, хмыкнув, уверенно констатировал:

– Это не снять. Это только тралить!

Знаток, блин! Как будто без него не видно! Но Шарафутдинов молчал, и у меня появилась надежда, что все может обойтись малой кровью. Осторожно пихнув гения саперного дела в бок, я спросил:

– Марат, что скажешь? Сможешь обезвредить?

Он, ничего не ответив, сначала сел, а потом вообще лег на землю, высвечивая что-то только ему понятное. Не желая мешать, я заткнулся, лихорадочно соображая – если тралить, то может рухнуть потолок, и на этом экспедиция закончится. Завал мы разобрать не сможем. А снимать подобные штуки смертельно опасно. С такими уже приходилось сталкиваться – там, в закладке, наверняка и электродетонатор, и нажимной, и натяжной...

Да все что угодно может быть. Причем вовсе даже не обязательно, что это стандартная мина. Может быть, просто мешок с гвоздями, в который запихнули заряд. И растяжки эти идут к разным детонаторам. Тут хрен угадаешь – какую срезать, а какую не просто трогать нельзя, но и смотреть не рекомендуется. И самое гадство, что большая часть из этих проволочек – ложные. Их можно спокойно снять и обойти остальные. Но как узнать, какие куда расходятся? М-да... Про подобное говорят – близок локоть, да не укусишь.

Шах наконец встал и я робко поинтересовался:

– Что, глухо совсем?

Марат, пожевав губами, ответил:

– Еще не знаю, но я, кажется, его логику понял. Здесь затейник типа нашего Макса поработал, и судя по всему... – Тут Шарафутдинов прервался и попробовал пойти обратно, но, наткнувшись на сгрудившихся пацанов, неожиданно вспылil и злым шепотом выдал: – А ну, на хрен все отсюда! Метров на сто по коридору отойти и там сидеть безвылазно!

Я тут же добавил:

– Исполнять приказ! Пучков, отойти до третьего поворота и там ждать! Быстро!

Пока народ откатывался назад, Шах молчал, и только когда все скрылись в темноте, ухмыльнулся:

– Вообще-то, Илья, к тебе это тоже относится.

Поправив автомат, я миролюбиво ответил на наглость напарника:

– Пойду, если ты за проход возьмешься. А сейчас мне просто интересно, что ты в коридоре искать собрался?

– Заряд. Тут недалеко, судя по всему, должен быть заряд, замаскированный в стене. Там, в растяжках, наверняка что-то маломощное, а если это тралить, то удобнее всего отсюда. – Шах остановился и, высвечивая стенку, кивнул: – Угу, а вот и он.

А потом, показывая на замазанный какой-то грязью участок стены, кирпичи из которого только что не выпадали сами, пояснил:

– По задумке фрицев, тот кто будет это снимать, из-за поворота, рассчитывая, что находится в укрытии, кидает «кошку» и тянет. А основной заряд – вот он, прямо над головой. И судя по всему... – Марат осторожно вынул один кирпич и заглянул в отверстие. – Да, судя по всему, тут килограммов восемь. Поэтому ход гарантированно завалит. И всех, кто в нем находится. Так что, командир, я сейчас всем этим займусь, а ты, от греха, иди к ребятам.

– Хочешь большой заряд снять?

– Я не псих. У него наверняка стоит элемент неизвлекаемости «на разгрузку». Так что максимум – детонатор сниму.

– Может, хоть фонарик тебе подержать, подсветить?

– Не надо. Я как закончу, вас позову.

– А ту, что за углом, все-таки тралить придется?

Если сейчас Марат скажет «да», то с мыслями поймать кого-нибудь из подземных жителей придется распрощаться. Услышав взрыв, они моментально смоются. Шансов на то, что мы здесь найдем людей, конечно, очень мало, но ведь они есть, и очень не хотелось бы эти шансы профукать. С другой стороны, приказывать Шарафутдинову снять практически неизвлекаемую мину я тоже не могу. Но мудрый Шах, у которого в голове наверняка были похожие мысли, успокоил:

– Я постараюсь сделать проход. Посижу, подумаю и сделаю. У меня и «прищепки» есть, так что все должно получиться.

После этих слов сапер, не обращая больше ни на что внимания, начал выкладывать перед собой зеркальце, целлулоидную линейку, складной немецкий нож, «крокодилы» с куском провода и прочие узкоспециализированные причиндалы. Глядя на приготовления, я еще раз предложил помощь, но опять получив отказ, потопал к мужикам.

Первые минут десять все сидели как на иголках, прислушиваясь и стараясь уловить хоть какой-то звук из коридора. Но там было тихо и, переведя дух, мы стали тихонько общаться между собой. Потом у меня начала мерзнуть мокрая нога, и я очередной раз уверился в правильности решения не ходить по затопленному коридору.

Пока ждали, я несколько раз порывался пойти посмотреть, как дела у Шарафутдинова, но постоянно сам себя останавливал.

А еще через час в темноте появился луч фонарика, и мы ломанулись навстречу идущему Марату. Я быстрым лосем доскакал до него первым и на выдохе выпалил:

– Ну как?

Напарник, глядя на мою физиономию, победно ухмыльнулся:

– Проход есть!

– Ну молоток, братан!

От избытка чувств я крепко прижал Марата к себе и только тут понял, что он весь взмокший. М-да... сложный ребус в этот раз парню достался. На пустом месте наш подрывник мокрым как мышь не станет. Только с этим надо что-то делать, а то еще через пятнадцать минут его начнет от холода трясти. Поэтому я молча начал сдирать с себя разгрузку и гимнастерку, чтобы отдать нательную рубашу Шаху. Тот, понимая правильность

решения, даже брыкаться не стал и, переодевшись, пошел показывать нам сделанный проход.

Подойдя к обезвреженной ловушке, Шараф показал выстриженную в проволочной паутине дыру и пояснил:

– Вот тут, ползком вдоль стенок, мы и пройдем. Не дыша, на цыпочках. И не дай бог вам что-нибудь зацепить. Все понятно?

Гек, присев перед лазом, сумрачно посмотрел на сапера и пробурчал:

– У меня на брюхе цыпочек нет. Что, пошире нельзя было сделать?

– Нельзя... Остальные растяжки я так и не разъяснил...

Дав легкий подзатыльник Пучкову, я прервал его причитания и, оценив размеры хода, скомандовал:

– Первым идет Шах. За ним я. Потом Змей и Даурен. Гек – замыкающий.

Пацаны только кивнули, а я, глядя, как Марат примеривается ползти, добавил:

– Шараф, ты как на ту сторону перейдешь, сразу глянь, нет ли там еще сюрпризов.

– Хорошо, командир. Конечно, вряд ли ход по всей длине заминирован, но я лучше сейчас постоянно впереди идти буду.

На том и порешили, после чего, просочившись без происшествий через сделанное отверстие, еще минут двадцать шли за Маратом, как гусята за гусыней, пока не дошли до этой развилки.

Тут уже я вылез вперед и, отодвинув сопящего Шарафутдинова в сторону, принялся оглядываться. Пользуясь заминкой, примолкший Леха, который ушиб колено и теперь хромал на обе ноги, опять начал бурчать, в этот раз на Искалиева:

– Все люди как люди – Беляева читают и Толстого. А этого «мудреца» к французской классике потянуло... Нарвемся сейчас на мину хитрую – даже хоронить не надо будет, и так уже под землей!

Я, наконец выбрав направление, повернулся к мужикам, сказав:

– Идем в правый коридор. Налево мы уже один раз ходили, так что пора менять концепцию. И еще – Гек, будешь гундеть, отправлю обратно! На хер мне тут инвалиды плачущие нужны. А Даурен молодец – вовремя про французов вспомнил! Без его идеи все до сих пор бы по замку вхолостую лазили... О! Кстати, Искалиев... мы тут подумали, и я решил – как поклоннику галльской беллетристики быть тебе отныне Жаном!

– Принято, командир!

– Ну и добре. Тогда потопали дальше...

* * *

Пройдя метров пятьдесят и встретив по пути еще одно ответвление, которое оказалось заваленным, мы, следуя изгибу хода, неожиданно вышли в большой зал. Помещение метров пятнадцать на пятнадцать, со множеством колонн и каких-то ниш по стенам. Но это я потом заметил. Вначале же, буквально на входе, в лицо пахнуло свежим воздухом. В тех коридорах, где мы шли до этого, атмосфера была спертая и душная, а здесь ощущался сквознячок.

Почувствовав на лице прохладу, я вскинул предупреждающим жестом руку и, остановившись, выключил фонарь. Шедшие за мной моментально затихли, и где-то с минуту мы прислушивались и приглядывались. Правда, глядеть было некуда – тьма египетская. Да и слушать нечего. Поэтому, включив фонарик, свет от которого резанул глаза не хуже прожектора, осторожно двинул вперед, где и разглядел все это подземное сооружение. После узкого хода оно впечатляло...

До сводчатого потолка было метра три. Массивные колонны, которые поддерживали купол, располагались ближе к стенам, а посередине зала стоял большой каменный стол. Еще присутствовали металлические держатели, в которых кое-где торчали погасшие факелы. В ближнем от коридора углу виднелось круглое, выложенное кирпичом отверстие. Судя по

ведру, стоящему рядом, – еще один колодец. Вообще, обстановка сильно напоминала картинку из компьютерной игрушки. Не хватало только скелета, прикованного ржавыми цепями, и подвывающего привидения.

Хотя кандалы присутствуют – вон на этом каменном столе лежат и цепи и оковы. Жертвоприношениями тут, что ли, развлекались? А может, обычная пыточная? С другой стороны, для пыточной размеры уж очень большие. И вон, характерной для таких мест, нет... Епрст! Да какая разница, что тут было раньше. У нас сейчас задача совершенно другая, и отвлекаться на гадания – только время терять! Стряхнув с себя довольно мрачные ощущения, навеянные окружающей обстановкой, я еще раз провел желтым пятном света по стенам, приказав:

– Осмотреться. И осторожней там!

Ребята шустро рассосались по помещению, и уже через несколько секунд Змей с другого конца зала громким шепотом доложил:

– Командир, тут дверь.

– Не трогай ее!

– Да я и не трогаю...

Пройдя вперед, увидел Козырева, стоящего перед небольшой деревянной дверью с массивным кольцом вместо ручки. А над этой дверью, что характерно, висела забранная в решетку электролампочка. Так... похоже, начинается цивилизация. Оглядев потемневшие доски, я спросил у подошедшего Марата:

– Как считаешь – ловушки есть?

Шарафутдинов только что не обнюхал возможный выход, а потом, пожав плечами, ответил:

– С этой стороны – чисто. А с той... я не волшебник, поэтому ничего сказать не могу.

– И что делать будем?

Шах вздохнул и предложил:

– А что еще делать? Открывать надо... вы пока давайте, за колонны уходите.

Глянув на заострившееся лицо нашего подрывника, я возразил:

– Ты уже сегодня по краю прошел. Теперь моя очередь, тем более никаких особых навыков сейчас прилагать не надо, – и видя, что он пытается что-то возразить, жестко добавил: – Это приказ! Двигай вместе с остальными в укрытие.

Марат, коротко ругнувшись, побрел к столу, а я, дождавшись, когда все отойдут в дальний конец зала, осторожно надавил на дверь, рассчитывая в приоткрывшуюся щелку рассмотреть, нет ли с той стороны какой-либо подланы. Дверь не поддавалась. Надавил сильнее, а потом, поняв, что преграда даже не шелохнулась, стал ее толкать изо всех сил. Фиг вам! Мысль, что там может быть подвешен нехилый заряд взрывчатки, и соответственно связанный с этим страх куда-то пропали. Осталось только недоумение – почему она не открывается?

Попыхтев с полминуты, не добился ничего, только ладонь занозил. Ладно, не хочет по-хорошему, значит, будем действовать, как обычно! Сойдя со ступенек, я снял автомат и, прислонив его к колонне, попробовал атаковать дверь с разбега. Неудачно... дело закончилось тем, что, поскользнувшись на второй ступеньке, совершил короткий полет и врезался в доски головой.

Видимо, от удара мозги наконец заработали и стало понятно, что дверь не рассохлась и не заклинила, как мне казалось раньше. Она элементарно заперта. Тем временем мужики, прислушивавшиеся к моей безуспешной борьбе, после последнего «бум», раздавшегося, когда я башкой забодал препятствие, повылезали из укрытий. Подошедший Гек ехидно поинтересовался:

– Что, Данило-мастер, не выходит каменный цветок? А на себя тянуть не пробовал?

– Умный, да? Ты на петли посмотри – видишь? И я их не вижу. Значит, открывается в ту сторону.

Упертый Пучков моим объяснением не удовлетворился, а несколько раз дернул за

кольцо. Дверь, как и следовало ожидать, даже не дрогнула. Марат, глядящий на эти попытки, заметил:

– Наверное, на засов заперта. И где он крепится – непонятно. Да и просто так ее не выломать – вон как железными полосами оббита!

Я уже отошел от удара и, почесывая гудящую макушку, внес предложение:

– Рвать надо. Как бы ни хотелось все сделать по-тихому, но другого выхода не вижу.

На эти слова Змей резонно возразил:

– Тогда, если там фрицы есть, они сразу поймут, что к ним гости пожаловали.

– Да и хрен с ними! Вариантов ведь больше нет. Блин, и гранатой эту дверцу не возьмешь... Может, у кого противотанковая есть?

Мужики переглянулись и замотали головами, а Шах ответил:

– Не надо ударяться в ересь глобализма. Ты бы еще авиабомбу предложил использовать. Зачем? Я ее сейчас вскрыю аккуратненько, с малым шумом.

Вот, конь педальный, моим же выражением насчет глобализма меня и приколот. Я уже хотел было достойно ответить, но в этот момент капитан достал из кармана разгрузки шматок трофейной итальянской «мастики» и, отщипывая от нее кусочек, задумчиво посмотрел на дверь. Увидев этот взгляд, я чуть не кубарем скатился со ступенек и, прошипев «Все за мной!», быстро рванул в сторону каменного стола.

На фиг, на фиг! Когда у Марата глаза начинают светиться таким особенным блеском, то надо тикать как можно дальше и пережидать устроенный им «бабах» в хорошем укрытии. Ребята тоже были ученые, поэтому мой приказ выполнили без промедления, моментально разбежавшись по всему залу.

Через пару минут я, глядя, как Шарафутдинов, мурлыкая себе под нос, обжимает в детонаторе подозрительно короткий хвостик огнепроводного шнура, передернулся и, усевшись на пол за массивной ножкой стола, широко открыл рот, приготовившись к крику «Бойся». И он раздался, но вслед за этим произошло сразу несколько событий. После маратовского предупреждения послышался странный глухой удар, потом металлическое бляканье, вскрик и маты.

Выставив голову из укрытия, в свете лежащего на полу фонарика я с удивлением увидел открытую дверь, валяющуюся на ступеньках канистру и улепетывающего на четвереньках Шаха. Не понял... Что это там произошло? Почему дверь уже открыта, а наш подрывник показывает рекорды по бегу на четырех конечностях? И откуда канистра взялась? Но спросить ничего не успел, потому что в эту же секунду долбанул взрыв, который меня ослепил и оглушил.

Плюхнувшись от неожиданности на задницу, я только и смог, что раздраженно ругнуться. Но сильно развить тему косоруких пиротехников мне не дали, так как Марат с криком «Держи его» исчез в открывшемся проходе. Перед глазами еще плавали зайчики, поэтому я чуть не на ощупь двинул за ним. Перешагнув через канистру, только подумал: «Кого интересно мы ловим?», как в десяти шагах дальше по коридору, промигавшись, увидел лежащее тело в гражданском прикиде. Возле него уже находились Жан с Маратом. Искалиев стоял, направив фонарик и ствол в глубь хода, а Шах сидел на корточках возле гражданского. Подбежав ближе, я спросил:

– Живой? Дышит?

– На ладан он дышит. Вон, болт дверной из затылка торчит. Похоже – хана фрицу...

Шарафутдинов вытер окровавленную ладонь о пиджак полудохлого немца и поднялся. Тем временем проскочившие вперед Гек и Змей тормознулись возле поворота и, заглянув за него, одновременно отпрянули. Тут же с той стороны раздалась автоматная очередь, а ребята, выдернув из разгрузки по гранате, на «три-четыре» запулили подарочки в невидимого мне стрелка.

Блин! Как-то все слишком быстро завертелось. То ползали улитками в темноте и тишине, а теперь совсем не понятно, что творится. Крики, стрельба, самооткрывающаяся дверь...

Двойной взрыв, смягченный поворотом тоннеля, стеганул по ушам, и я наконец вышел из транса:

– Хер бы на этого жмура! Давай вперед! Постараемся стрелков живьем взять, если получится!

И мы побежали за ушедшими вперед бойцами.

В нескольких метрах за поворотом оказалась еще одна дверь, на этот раз распахнутая настежь. А практически прямо на проходе лежал покрошенный осколками эсэсовец, с погонами оберштурмфюрера, уткнувшийся лицом в STG-44. М да... при жизни покойник отличался либо запредельной храбростью, либо такой же глупостью. Город русскими занят две недели назад, а он свою черноворотниковую форму до сих пор не сменил. Выходит – в плен этот хмырь точно не собирался...

Ну и флаг ему в руки, только если так и дальше пойдет, то вместо говорливого «языка» мы будем иметь исключительно молчаливых жмуриков. Тем более что немцев тут мало осталось.

Данный вывод напрашивался после того, как я осветил помещение. Это была небольшая комната, в которой помимо стола, каких-то ящиков и нескольких табуретов стояло пять коек. На столе, среди кружек и мисок, лежали остатки сухпайка, который обычно выдают немецким парашютистам. Там же торчали два больших аккумуляторных фонаря. Рядом, на маленьком столике, примостился примус. Еще четыре фонаря висели на стенах, но все они были погашены. В дальнем углу рядом выстроились узкие десятилитровые канистры, несколько больших автомобильных аккумуляторов и рация, антенна которой уходила куда-то в отверстие вентиляции. В общем, комната была вполне обжитой. А если так, то, судя по койкам, в ней жило пять человек, двоих из которых мы уже ухлопали.

М-да, тщательнее надо работать... Пока я оглядывался, топот впереди стих и раздался крик Гека:

– Командир, тут опять дверь запертая! А фрицы именно сюда нырнули.

Епрст! Да сколько тут этих дверей?! Но медлить нельзя – с каждой секундой подземные жители уходят все дальше. Поэтому, подбежав к препятствию, поторопил нашего подрывника:

– Марат, рви ее быстрее. – И пока он возился с взрывчаткой, спросил: – Что за байда там случилась? Почему ты на четвереньках бегал?

– А... – Шарафутдинов мотнул головой и, пристраивая комок «мастики» к косяку, ответил: – Только шнур поджег, как засов с той стороны стукнул и дверь открылась. А я на корточках сидел и даже среагировать не успел, когда этот гад по мне, как по мячу, пробил. Потом еще канистрой сверху добавил и тикать. Он в одну, а я в другую сторону, так как шарахнуть вот-вот должно было...

К концу своей речи он закончил делать закладку и, чиркнув спичкой, сказал:

– Все в коридор!

Мы ломанулись подальше, а когда Марат добежал до нас, раздался взрыв. Из прохода выметнулось пыльное облако, и я, отплеываясь, подбодрил ребят криком:

– Вперед, вперед! Не тормозить! И гранатами старайтесь не очень, а то всех положим!

Про гранаты я вовремя напомнил, увидев, как Жан выдернул из кармана разгрузки бочонок РГ 42. После моего предупреждения он сунул ее обратно и нырнул в еще не осевшую пыль. Я, идя следом, думал, что у немцев есть фора минуты в четыре. На их стороне еще и хорошее знание здешних ходов. Но если не будет никаких развилок, то мы их загоним. Никуда эти дети подземелья не денутся.

Про развилку я сглазил... Пробежав по коридору еще метров пятьдесят, моя команда уперлась в это самое разветвление. Зараза! И ведь никаких следов на полу нет, поэтому, куда свернули беглецы, мы узнать не сможем. Значит, как бы этого не хотелось, надо разделяться. Еще несколько секунд лихорадочно крутил фонарем, вглядываясь в оба коридора, и потом

принял решение:

– Я с Маратом иду прямо. Остальные – в левый ход. Если там опять завал или тупик, возвращаетесь и двигаете за нами. Мы поступим так же. И главное – на рожон не лезьте... Все, разбегаемся!

Хлопнув каждого ныряющего в черноту хода парня по плечу, я повернулся к Шаху и, подмигнув, выдал:

– Ну что, тряхнем стариной? Утрём нос щеглам?

– Отож! Главное, чтобы немцы именно в этот коридор нырнули...

– Будем надеяться. Погнали!

И мы рванули вперед.

Глава 5

Уже через сто метров после очередного поворота стало понятно, что средневековая романтика закончилась. До этого то, что на дворе двадцатый век, показывал только кабельрост с проводами, идущий под кирпичным сводчатым потолком. Зато сейчас мы выскочили во вполне современный бетонный ход. Кабели шли в нише правой стены, а слева проходили какие-то трубы. Через каждый десяток метров под потолком висела лампочка. Правда, иллюминация не работала, но нам это неудобств не доставляло – фонари после очередной смены батарей светили достаточно ярко, а бежать по ровному и не усыпанному осколками кирпичей полу было одно удовольствие. Тревожило только одно – двери. В подобных местах обычно ставят металлические двери с клиновыми запорами. Если упрямся в такую, считай все – приехали. Но пока их нет, надо наращивать скорость. Только хотел прибавить, как вдруг бегущий сзади Шах окликнул:

– Командир, смотри!

Резко затормозив, я остановился и оглянулся. Шарафутдинов что-то стер пальцем с пола и, теперь разглядывая его, обрадованно сказал:

– Кровь! Свежая! Видно, кто-то из фрицев ранен!

– Это здорово, значит, они медленнее нас идут. Так что – ходу, ходу!

А после еще одного изгиба тоннеля мы увидели спины преследуемых. Рысаящий впереди тащил на закорках какого-то мужика, одетого в пальто, и даже не сбился с шага, когда его осветили наши фонарики. Зато третий, который шел последним, увидев отсвет, тут же развернулся и, выхватив пистолет, открыл огонь. Но долгий бег и волнение не располагали к меткости. Пули с противным воем рикошетили от стен, и только одна прошла прямо возле уха, заставив рефлекторно вжать голову в плечи.

Нет, так не пойдет. Если мы еще ближе подойдем, то в этой кишке он нас просто расстреляет – здесь ведь укрыться негде. И ждать нельзя: я даже отсюда вижу ту самую металлическую дверь, которую так опасался встретить. А несущий раненого до нее не дошел буквально пару десятков метров. Поэтому, призвав рикошеты, которые могут положить немцев, упав на колено, дал длинную очередь над головами беглецов, рассчитывая их хоть немного напугать. Пули еще взвизгивали впереди, когда я, почти тут же перенеся прицел, вlepил трехпатронную по ногам стрелка. Судя по тому, как его скрючило – попал. Пытаясь выиграть время, пока раненый не отошел от шока, я рванул будто на стометровке. Почти успел...

Когда был от него в нескольких шагах, то увидел, что недобиток, закусив губу, поднимает пистолет. Мой фонарь, болтавшийся на шнурке, ни хрена не освещал, зато оставшийся сзади Марат своим ручным прожектором давал очень хорошую подсветку. И в этом свете отверстие ствола, глянувшего мне в глаза, показалось катастрофически огромным. Тут уже стало не до живых языков – самого бы не ухлопали! Заработавший на полную катушку инстинкт самосохранения заставил нырнуть рыбкой и, одновременно вскинув автомат, доработать остатки рожка в бледное лицо немца. Куда метил, конечно, не попал, но из десятка выпущенных пуль несколько нашли свою цель, и все-таки успевший сделать

выстрел немец плавно завалился на спину. Я же брякнулся на бетон, как лягушка, – ободрал себе руки, колени, подбородок и отбив пузо. Сгруппироваться не успел, поэтому и шваркнулся так, что аж зубы клацнули. Но шипеть от боли и восстанавливать дыхание не было времени. Последние два фрица уже открывали дверь и через несколько секунд, захлопнув ее, оставят нас с носом.

Я только начал подниматься, как перепрыгнувший через меня Шарафутдинов, сделав еще пару гигантских скачков, успел упереться в закрывающиеся препятствие. Глядя, как он пыхтит, скользя сапогами по бетону, мне пришлось шевелиться активней и быстренько присоединяться к нему. Против сдвоенного советского напора тевтонская немочь не протянула даже нескольких секунд, и дверь распахнулась. Я, еще не отошедший от предыдущего падения, просто выпал в открывшийся проем, а Марат, ловко кувыркнувшись внутрь, дал очередь вверх и завопил:

– Хенде хох, хенде хох, аршлох!

Еще не поднявшись с пола, я поймал свой фонарик и осветил двух немцев, стоящих возле входа. То есть один – здоровый белесый детина, тяжело пыхтя, стоял задрал руки в гору, а второй, оказавшийся худощавым мужиком лет сорока– сорока пяти, сидел на одном из ящиков, которыми было в изобилии заставлено помещение. Ну, теперь можно выдохнуть, теперь они наши...

Покряхтывая, поднялся на ноги и, подойдя к молодому, поставил того в четвертую позицию. Ну, ее все знают – ноги пошире и подальше от стены, а руками упор на эту самую стену. Вообще, после подобной установки обыскиваемому полагается расслабляющий удар по почкам или между ног, чтобы не дергался, но я решил этим пренебречь. Просто у самого все тело после плюха на бетонный пол болело так, что совершать резкие движения лишний раз не хотелось. Поэтому ограничился легким пинком по косточке на ступне, раздвигая ноги «языка» пошире, и принялся охлопывать свежепойманную тушу со всех сторон.

Найдя, бросил на пол полную обойму для пистолета, только самого пистолета так и не нащупал. Зато снял с пленного холодное оружие, явно указывающее на его корпоративную принадлежность.

Нет, никакой «школой старой Магды» здесь и не пахло, все было гораздо проще. Этот ножичек имел на лезвии многозначительную надпись: «Моя честь зовется верность» и был обыкновенным эсэсовским кинжалом. Правда, судя по цепочке и ножнам, не совсем обыкновенным. Такие вещи давались только «старой гвардии», тем, кто вступил в СС до 1933 года. Так что «язык» попался заслуженный. А исходя из этого, для дальнейшего обыска удар по его почкам просто необходим – такие зубры легко не сдаются. Это вначале от усталости и неожиданности он лапки поднял и стоял тихим козлом. Зато теперь отдышался и все осознал, значит, вполне может выкинуть какую-нибудь пакость.

Бросив кинжал в сторону, я приготовился выполнить задуманное, но опоздал на какое-то мгновение. Блин, ведь знал же, что пренебрежение правилами всегда выходит боком, только не рассчитывал, что этот «бок» проявится настолько быстро. И главное, насколько точно был выбран момент атаки...

Эсэсовский нож только брякнул по полу, как вдруг у меня отцепился от крепления фонарь и, резанув лучом по глазам, упал под ноги. И тут же фриц из крайне неудобного положения нанес удар ногой, развернувший меня так, что сектор обстрела Марату я перекрыл напрочь. Как это у него вышло, ума не приложу, но тот удар получился на славу! Такое впечатление – как будто лошадь лягнула! Причем в самое уязвимое место. Больно было настолько, что ни вздохнуть ни выдохнуть. Даже крикнуть не получилось – смог лишь, выпучив глаза, схватиться за поврежденное хозяйство. А фриц, сорвавшийся с шеи согнувшегося лопуха-Лисова автомат, упал на задницу и, еще одним ударом ноги отправив меня в сторону напарника, яростно оскалившись, нажал на курок.

Когда я, в свете валяющегося фонарика, второй раз за последние пять минут увидел черный провал направленного в лицо ствола, в голове мелькнула только одна мысль: «Теперь точно – пипец...»

Но секунда прошла, я уже шлепнулся под ноги Шаху, только фриц так и не выстрелил. При этом морда у него из торжествующей стала вытянутой и недоуменной. В этот момент коротко прогрохотал автомат Шарафутдинова, и здоровяк, выронив оружие, как сидел, так и откинулся назад, глухо ударившись затылком о бетонный пол. Живые так не падают, поэтому можно считать, что с моим обидчиком покончено.

Но Марат этим не удовлетворился и, судя по звукам, принялся молотить второго «языка». Видимо, во избежание... Значит, теперь можно заняться собой. Обезболивающий адреналиновый выброс, который на несколько секунд отвлек меня от повреждений, нанесенных интимному месту, слегка поутих, и не в силах больше сдерживаться я промычал:

– У-у-у...

Как же мне, оказывается, больно! Аж глаза выскакивают и кажется, будто стали, как у рака – на стебельках. Неостанавливаемые слезы обильно потекли по щекам, полностью опровергая постулат насчет того, что мужчины не плачут. Плачут! Еще как плачут! В три ручья! Просто все зависит от повода...

– У-у-у...

Это неинформативное подвывание отвлекло Шарафа от обработки пленного, и он метнулся ко мне:

– Илья, фриц тебя что, зацепил? Ножом? Ты не молчи! Куда?!

– У-у-у!

Однотонный вой вверх напарника в смятение, и он начал лихорадочно лапать меня в поисках крови, должной бежать из страшной раны, которой наградили его друга. Лапанье сильно мешало сосредоточиться на отбитом месте, поэтому, собравшись с силами, я озвучил свои претензии более членораздельно:

– У-у-у... у-у-у, сука! Прямо по яйцам! Когда очухаюсь, я его второй раз убью! У-у-у!

Шах, поняв, что необратимых повреждений командир не получил, прекратил попытки его разогнуть и, лишь легонько похлопывая по плечу, успокаивал:

– Ничего, ничего... на пяточках попрыгаешь и все пройдет! А тому немцу уже все равно –дохлый он.

Потом, оставив меня в покое, подошел к труп и, подняв валяющийся автомат, начал его разглядывать. Отстегнул магазин, хмыкнул и, вернувшись, опять присел рядом.

Первая, самая сильная боль к тому времени несколько притупилась, и я, застыв скрюченной мумией, смог наконец перевести дух. Увидев, что глаза у командира из выпученных и бешеных стали более или менее нормальными, Марат сунул магазин мне под нос и спросил:

– Ты что, не перезарядился?

От этого простого вопроса я почти пришел в себя. Так вот почему фриц не стрелял! А ведь действительно – остаток патронов был выпущен в стрелка перед дверью. Потом я брякнулся всеми костями на пол так, что чуть дух не вышибло. И сразу, вскочив, побежал помогать Шаху открывать дверь.

Немец, захвативший мое оружие, просто не мог предположить, что оно будет без боеприпасов, потому что следить за ними у воевавших бойцов вбито на уровне инстинктов. То есть, по логике, магазин я должен был сменить совершенно автоматически. Но не сменил... И это нас спасло: ведь у того кабана целых две секунды было, пока я своей спиной Шаху цель перекрывал. Сквозь меня напарник выстрелить не смог бы, зато эсэсовец вполне мог прошить нас обоих одной очередью.

И вот интересно, к чему это отнести – к везению или к интуиции? Ну откуда мне было знать, что попадетсЯ противник с подготовкой не хуже, а даже лучше моей? А если интуиция мне это подсказывала, почему не подсказала, невзирая на боль в отбитом теле, перед обыском сразу садануть его покрепче и связать? Или все-таки за счет чистого везения в этот раз выжил? А Марат, видя, что на его первый вопрос я отрицательно покачал головой, задал второй:

– Как ты вообще умудрился так подставиться?

Как, как... каком кверху! Только теперь анализируя собственный промах, я понял, что имело место быть стечение сразу нескольких обстоятельств, о которых честно и рассказал:

– Еще там, в коридоре, сгруппироваться не успел и брякнулся так, что все нутро отбил. Поэтому и шевелился, как червяк полураздавленный. А когда к этому пленному второй раз подходил, то фонарик отцепился. Поэтому начало движения фрица даже увидеть не смог – в глазах «зайчики» плавали. Вот он меня и достал...

– М-да... – Шах покрутил головой. – Это мы еще удачно отделались.

Я кивнул и вдруг понял, что отбитое тело не болит! Хозяйство болит, а все остальное прошло моментально. Видимо, правильно люди говорят, мол, «клин клином вышибают» и что при мигрени достаточно садануть себя молотком по пальцу, как голова пройдет сразу. Палец будет болеть, это да, зато головная боль прекратится. Только испытывать на себе это средство я точно не буду. Да и незачем – данный постулат только что подтвердился без всякого молотка...

А еще минут через пять я смог наконец осторожно разогнуться и даже с помощью напарника встать на ноги. Приняв почти вертикальное положение, огляделся. Пожилой фриц лежал лицом вниз на одном из ящиков. Лежал тихо, спокойно, не делая попыток перевернуться, и только иногда шевелил пальцами на связанных за спиной руках.

Молодец Шарафутдинов! Он его не только хорошо отоварить успел, но еще и связать. Только, видимо, в ажитации сильно перетянул петлю, и теперь второй «язык» пытается хоть как-то восстановить кровоток.

Кивнув в его сторону Шаху, я осторожно, как роженица, начал передвигаться по помещению, разминаясь и прислушиваясь к себе. Снимать штаны, чтобы разглядеть повреждения воочию, было попросту страшно. Хотя, с другой стороны, судя по саднящей боли на внутренней стороне бедра, тот резвый фриц немного промахнулся. Основная сила удара пришлась на ногу, а всему остальному досталось гораздо меньше, чем немец рассчитывал. В противном случае из меня моментально сознание бы вышибло. Но так как даже хожу самостоятельно, то все не настолько страшно...

Пока Марат снова вязал «языка», я после очередного круга решил немного передохнуть и остановился, опершись на стеллаж из ящиков. Отдыхая, вслушивался в себя, точнее в состояние той части организма, что находилась ниже пупка. Но чуть позже обратил внимание и на окружающую действительность: прямо перед носом оказался запор одной из этих упаковок. А на нем болталась пломба. Осветив ее, некоторое время просто стоял ни о чем не думая, а потом разобрало любопытство – что это тут фрицы спрятали, да еще и опломбировали? Эти зеленые ящики с орлами были похожи на гаубичные укупорки, но при чем тут пломбы?

Эта мысль увлекла настолько, что, прекратив заниматься самосозерцанием, я сорвал свинцовый кругляш и, щелкнув «лягушками» замков, откинул крышку верхнего ящика. Сверху лежало что-то типа вощенной бумаги, под которой обнаружились стандартные чертежные тубусы, упакованные плотно, словно патроны в цинке. Достав один из них, я немного побряхтел, переживая очередной приступ боли, и вытряхнул в руку рулон ватмана. Подсвечивая себе фонариком, пытался разобраться, что это за чертежи.

Вообще, на первый взгляд эти схемы напоминали детали двигателя. Кинув тубус обратно, я вытянул второй и убедился, что он плотно забит подобными бумагами.

Угу, понятно... Похоже, фрицы здесь заныкали документацию по какому-то крупному агрегату... а может, и не по одному агрегату – уж слишком много тары вокруг. Еще раз глянув на чертеж, я только зубом цыкнул – нет, это не для моих мозгов. Чересчур сложные. Простые чертежи я бы прочел без труда – в институте нам это хорошо вдолбили. Но тут что-то уж очень сильно навороченное.

В штампе было указано, что это Walter HWK и еще какие-то цифры. Я задумчиво почесал нос – что же получается: на «Карл Вальтер Ваффенфабрик» решили подкалывать и, помимо оружия, занялись производством движков? Хм... вроде подобные метания у немцев не приветствуются. Хотя кто их сейчас поймет...

Ладно, что тут гадать, кому надо – те разберутся, тем более что ход, который мы обнаружили, не на один километр тянется. Тут, судя по всему, разного барахла еще немерено складировано. Но этим пусть занимаются специально обученные люди, а то вскроешь такой вот ящичек, а потом кишки по потолку собирать придется... Епрст! До меня только сейчас дошло, какую несусветную глупость я только что совершил! Ведь знал же, что в подобных местах фрицы не просто любят, а прямо-таки обожают оставлять различные «сюрпризы» для непосвященных. Мину или термитный заряд в ящик сунуть да насторожить – много ума не надо. А вот у меня, похоже, мозги стали атрофироваться, если о такой простой штуке забыл. В раздражении плюнув на открытую крышку, я зябко передернулся и прикинул, что пора отсюда выбираться, а то с самого начала мне как-то не везет. Тем более, имея на руках раненого фрица и ушибленного командира, все равно много не побегаешь. Да и батарейки к фонарям кончаются...

Голос из угла помещения отвлек меня от ближайших планов на будущее, и я потопал к Шаху, который занялся предварительным допросом пленного. Тот уже сидел и, глядя преданными глазами на Марата, раскалывался вдоль и поперек.

Дескать, он вовсе не комбатант, а гражданский человек. Дембель. Служил в небоевом подразделении ваффен-СС, а именно – в частях охраны имперской почты. Никогда ни в кого не стрелял, вынимал оружие из кобуры только на стрельбище. И вообще, Феликс Гильденбрандт, как нам представился «язык», настолько белый и пушистый, что проклевывающиеся в районе лопаток крылья, наверное, доставляют ему сильные неудобства. И документы при этом Феликсе были. Обычный аусвайс, который он получил при комиссовании из-за болезни мозга, три месяца назад.

– Слишком много или слишком мало?

Мой вопрос заставил сбиться пленного, но он быстро взял себя в руки и заискивающе улыбаясь ответил:

– Болезнь моя проистекала не из-за количества мозгов, а из-за высокого черепного давления. Я даже сознание часто терял.

– А как же тебя такого дохлого в СС взяли?

Гильденбрандт, пожав плечами, коротко ответил:

– Тотальная мобилизация. И осмелюсь напомнить, что взяли во вспомогательные тыловые части.

– А с этими, – я мотнул головой в сторону труп, – как оказался?

– О, это длинная история...

Фриц закатил глаза, но, видя, что мы никак на это не реагируем, вынужден был продолжить:

– Сам я из Гамбурга, а в Кенигсберг приехал повидать племянницу. Только уехать уже не успел, так как русские блокировали город. Это произошло настолько неожиданно, – немец растерянно покачал головой, – что меня, невзирая на купленный билет, даже не пустили на пароход, который вместо пассажиров принял на борт раненых солдат. Так я и остался у Луизы. А бедный Артур, – пленный трагически скосил глаза на валяющийся возле стены труп, – был ее мужем.

– Это понятно. Непонятно, как вы оказались в подземелье.

– Просто дом племянницы разбомбили при последнем русском налете. Она погибла под руинами...

Феликс начал шмыгать, но Марат подзатыльником заставил его рассказывать дальше:

– После этого мы с Артуром жили у его знакомого. А когда город пал, Артур сказал, что русские убьют всех бывших эсэсовцев, но он, как родственник, поможет мне спастись...

Когда Гильденбрандт ляпнул про разбомбленный дом, я несколько удивился, зная, что наши город не обрабатывали. Поэтому попросил уточнить, в каком доме жила его сестра.

– Луиза проживала на Мариненштрассе двенадцать. Это рядом с фортом, на который были сброшены очень большие бомбы. Ее дом оказался слишком близко к основной цели...

Хм... На въезде в город я действительно видел руины возле форта. Наверное, этот фриц

о них и говорит. Но как у него все замечательно сходится! И главное – свидетелей никаких не осталось. Там даже соседей опросить вряд ли получится – тяжелые бомберы вместе с фортом раскатали чуть ли не целый квартал. Хотя...

– Где работала ваша племянница?

– Она не работала. Артур был против этого, выступая за три «К»¹⁷ для женщины. Сам же он служил в СС-штандинг «Курт Эггерс», в чине оберштурмфюрера.

Что?! Этот хмырь пытается мне втереть, что человек, обладающий подготовкой ведущего инструктора террор-групп, был обычным журналюгой? От такого заявления я вытаращил глаза, но быстро взял себя в руки, продолжив допрос:

– А про подземелья он откуда узнал?

– Не знаю. Когда русские вошли в город, я очень испугался и пошел за ним, не задавая лишних вопросов. Мы и трое его сослуживцев несколько дней прятались в разрушенном доме, но потом нас обстрелял патруль и меня, уже раненого, перенесли сюда.

– Через ход в колодце?

– Нет, тот вход был замаскирован в подвале большого гаража на Фридрихштрассе.

Блин! Как у него все гладко получается – обычный гражданский, который прилип к родственнику и оказался в крайне двусмысленной ситуации. И подкопаться вроде не к чему – легенда очень хороша!

На все прочие вопросы пленный отвечал так же охотно и быстро. И глаза были честные-честные. Я не верил ему ни на грош. Шах, похоже, придерживался моего мнения, так как через десять минут допроса сказал:

– Врет как сивый мерин!

Я тут же откликнулся:

– Однозначно – брешет. Даже не учитывая других моментов, ты мне скажи, какой идиот в здравом уме будет говорить нам про службу в СС? Пусть даже во вспомогательных частях. Это может делаться лишь для того, чтобы объяснить татуировку под мышкой. Кстати, надо глянуть, что у него там за тату.

Марат кивнул и, развязав веревку, приказал Гильденбрандту:

– Раздевайся!

Тот, врубившись, что мы ему не врачебный осмотр устраивать собираемся, штаны трогать не стал, а скинув пальто и пиджак, принялся расстегивать рубашку. В конце концов разоблачившись и сразу же покрывшись гусиной кожей, он поднял левую руку. Осветив фонарем букву группы крови, я довольно сплюнул и, повернувшись к Шарафу, спросил:

– Ну что скажешь?

Напарник, который тоже осмотрел татушку, удовлетворенно ухмыльнулся:

– Я же говорил, что врет! Он нам трындел, что попал в СС по тоталке. А там, во-первых, далеко не всем группу крови проставляют, а во-вторых, ее уже два года делают только латинским шрифтом. А тут мы имеем готический! И это значит, что наш Феликс, как ты любишь говорить – «лапшу на уши вешает»!

Умница, Марат! Вот что значит иметь большой опыт и не спать на лекциях. Немец, наверное, на лопухов рассчитывал. Думал, что даже если его в «СМЕРШ» сдадим, то и там эта история прокатит. Только недодумал, что лопухи у нас практически все закончились. Может, при большом скоплении народа на фильтрах ему удалось бы отмазаться, но в случае с нами сыграл роль еще и психологический фактор. Документы у Гильденбрандта чистые, сам он человек гражданский. Спрашивается – зачем под землю полз? Поверил свояку? Но ведь оберштурмфюрер СС-штандинг «Курт Эггерс» не мог не знать, что опасность его родственнику не грозит. Тем более что этот самый «Курт Эггерс» является подразделением военных журналистов, которые прекрасно знают, что почем.

Только меня всерьез терзают смутные сомнения по поводу армейских борзописцев.

¹⁷ Kinder, Kitchen, Kirche – дети, кухня, церковь (нем.).

Этот Артур, судя по подготовке, такой же журналист, как я племенная корова Зойка. Чтобы из настолько неудобного положения успешно атаковать, годы тренировок нужны. Даже я не решился бы бить в промежность, по которой легко можно промахнуться, а влепил бы по надкостнице. Но этот немец не просто ударил, но еще и развернул меня так, чтобы я собой заслонил его от Шаха. И сам момент атаки был выбран просто потрясающе – надо же было настолько молниеносно воспользоваться падением фонарика! А уж то, как он с меня автомат сдернул...

То есть по всем параметрам рукопашник в «родственнике» чувствовался самого высокого уровня. Это уже вторая несообразность в рассказе Феликса. Третья – то, что оберштурмфюрер при смертельной опасности для себя тащил раненого до самого конца. И ведь фриц, которого я замочил в коридоре, сознательно остался их прикрывать, а не рванул вперед, пользуясь тем, что был налегке. Почему?

И последнее – готическая буква группы крови. Уже два года ее ставят только латиницей. А при теперешнем бардаке конца войны бывает, что и не ставят даже боевому составу, не говоря уж о вспомогательном. В обязательном порядке ее можно получить, только пройдя специализированный тренировочный лагерь. Но опять-таки – латиницей!

А значит, Гильденбрандту ее нанесли более чем два года назад. То есть ни о какой тотальной мобилизации, которая началась в прошлом году, даже речи быть не может. И что у нас получается? Артур имел кинжал, выдаваемый только тем, кто вступил в СС до тридцать третьего года. Вряд ли чужой – к этому они относятся щепетильно. То есть заслуженный гитлеровец с высочайшей физической подготовкой опытного бойца тащил кого-то, рискуя жизнью. Этот «кто-то» – мужик сорока пяти лет с худощавым волевым лицом и подтянутой фигурой спортсмена – имеет татуировку эсэсовца. Кем он может быть? Родственником? Не смешите мои тапочки! Командиром? Вот оно! Именно раненого командира можно выносить, оставляя бойцов в прикрытие!

И если убитый был старым партийцем, то можно предположить, что и чин у него не маленький. Минимум – гауптштурмфюрер. Просто вряд ли настолько прыткий мужик не дослужился бы хоть до капитана. А беря во внимание то, что высшим чинам СС группу крови вообще не татуируют, и исходя из разницы в возрасте между пленными, логично предположить, что...

Удовлетворенно выдохнув, я осторожно поменял позу (удар мудака Артура очень даже сказывался) и, улыбнувшись, предложил Марату:

– Забьемся?

Шах, связывающий пленного, тут же отозвался:

– По поводу и на что?

– Как обычно, на шелбан. А повод... Я предполагаю, что наш говорливый «язык» на самом деле минимум – штурмбанфюрер. Ваша версия?

Шарафутдинов, не помедлив ни секунды, выпалил:

– Штандартенфюрер.

М-да... напарник, видимо, похожие мысли в голове прокручивал, поэтому и не замедлил с ответом. Единственно, что мне не понравилось, так это то, как пленный при слове «штандартенфюрер» зыркнул глазами. По-русски он, очевидно, ни бельмеса, но вот на звание среагировал четко. А не понравилось мне это потому, что при споре мы с Маратом друг друга не жалеем и Шах за последний год наострился ставить очень звонкие и болючие фофаны...

Машинально почесав лоб под фуражкой, я кивнул, соглашаясь с предложением друга, и хотел уже напомнить, что «штурмбанфюрер – это минимум», но не успел, так как в коридоре, из которого мы пришли, послышался топот ног и замелькал отблеск фонаря.

Похоже, это вторая часть группы, поймавшая вместо немцев хрен в мешке, рысит к командованию. Но автомат (в котором уже торчал снаряженный магазин) на всякий случай взял на изготовку. Только опасения были напрасны – увидев свет наших фонарей, остановившийся Гек издали подал голос:

– Командир, это вы?

– Мы, мы! Давай сюда!

Пока ребята приближались, я, насколько позволяла боль в поврежденном хозяйстве, принял горделивую позу и приготовился на их восторженные вопли при виде пленного толкнуть речь по поводу опыта «старичков» и никудышности молодежи. Но не успел. Просто, когда они подошли ближе, я только что и смог, как удивленно хлопать глазами.

А все дело было в их внешнем виде. Гек и Змей были мокры по пояс. Только Гек был мокрый от пояса и ниже, а Змей – от пояса и выше. Жан был сухой, но очень грязный. Не так, как я, – в саже, а просто как будто его кирпичной пылью посыпали. При этом обычно узкие глаза Искалиева были расширены до невозможных для азиата пределов. У остальных, кстати, тоже – зенки какие-то бешеные.

Не обратив на пойманного нами «языка» никакого внимания, Гек как старший в команде подскочил ко мне и, тяжело пыхтя, показал в сторону коридора, откуда они появились, выпалив только одно слово:

– Там!

Мне сделалось обидно, что наши достижения при поимке немцев никак не отметились новоприбывшими, поэтому я язвительно спросил:

– Что «там»? Тень отца Гамлета увидели? Или прима-балерины Большого театра вам танец маленьких лебедей сплясали? Докладывай нормально!

Но докладывать нормально Пучков не стал, а метнулся к Жану и сразу полез в его «сидор», висающий за спиной. Я с интересом следил за Лехиными телодвижениями, до тех пор пока он не выцарапал из вещмешка какой-то маслянисто блеснувший металлический брусок и не протянул его мне:

– Держи, только смотри – он тяжелый.

Брусок был действительно тяжеленький – килограммов двенадцать. С другой стороны, чего бы ему не быть тяжелым – золото, оно всегда своим весом славилось! Вертя в руках желтоватый «гробик», я пораженно разглядывал двуглавого орла на нем и надписи с ятями. А Гек, избавившись от груза, заполошно вопил:

– Там этого – кучами! И царское золото есть и фашистское! Все помещение в ящиках! Слитки в маленьких, а в больших – разные кольца, серьги, монеты! Вот!

Что «вот», я сразу не понял, занятый разглядыванием трофея, и только подняв глаза, увидел, что Пучков, как Буратино, протягивает мне ладонь, на которой лежит пять золотых монет. Только это вовсе не червонцы были. Те – мелкие, а тут были крупные золотые блямбы с незнакомым мужиком на аверсе. Мужик был лохматый, бородатый, на тоненьких ножках и с палкой, которую венчал мальтийский крест. Наверное, это гульдены... или талеры. Хотя черт его знает – я этих талеров и в глаза не видел, просто название само на ум пришло. С тем же успехом это могли быть и невиданные мною соверены. Хотя нет, не соверены – это точно, надписи шли не по-английски.

Отдав слиток Змею и забрав монеты у Лешки, я принялся разглядывать желтые тяжеленькие кругляши. Марат, взяв один, тоже с удивлением крутил его в руках.

Суестьющийся и подпрыгивающий Гек бегал вокруг нас, призывая поскорее вернуться в найденные закрома. В конце концов мне это надоело и, сунув монеты в карман, я сказал:

– Отставить «золотую лихорадку»! У нас на руках, если вы до сих пор не заметили, раненый «язык», поэтому бегать не будем, а пойдем медленно и печально. Да и командир ваш слегка ушибся при падении, – при этом я глянул на Шарафутдинова и он согласно кивнул, тоже не желая рассказывать о моем досадном промахе, – так что – никакого бега. Золото от нас никуда не уйдет! А сейчас вы спокойно расскажете, как вы его нашли и почему у вас такой непрезентабельный вид. Начнем с тебя. – Ткнув пальцем в Пучкова, я приготовился выслушивать его нормальный доклад.

Глава 6

– Вот, теперь сюда надо лезть!

– В эту щель?

– Да, только осторожнее – земля скользкая, а ниже – вода.

Освещая пролом в кирпичной кладке, я только головой покачал. Как они вообще додумались лезть сюда? Столбовая дорога в виде темного коридора уходила влево. А здесь была какая-то ниша, из которой вывалились кирпичи, обсыпалась земля и имелся черный провал куда-то вниз, откуда несло могильной сыростью.

– А вон там что?

Стоящий рядом Марат указующе посветил фонарем в сторону коридора.

– Там, – Змей пренебрежительно махнул рукой, – метров триста ход свободный, а дальше идут завалы. И в главном тоннеле, и в ответвлениях. Четыре отнорка, в которые метров на сто можно пройти, а потом – глухо.

Понятно... Хотя чего Шах про это вообще спросил? Пока мы тащились сюда, ребята все уши прожужжали о своей находчивости и смекалке. И как они пустые ходы быстро проверили. И как Жан уже на обратном пути сунулся в эту нишу и чуть не был погребен под грудой кирпичных обломков. Ему еще повезло... там ведь и крупные кирпичи помимо мусора были, поэтому радист сейчас периодически болезненно морщится и осторожно щупает бока и спину. Хорошо – голову уберег.

Объяснилась и странная мокрота братьев-акробатов – Змея и Гека. Леха просто съехал по земле и шлепнулся в воду. А вот пытающийся его поймать Женька скатился на пузе, влетев в обширную лужу вперед руками. Нырлящик, блин! А потом, не желая зачерпнуть воду в сапоги, не стал разворачиваться, а при помощи Пучкова выполз, пятась как рак.

Очередной раз сменив батарейку в фонаре, я прислушался к себе. Вроде нормально, вроде расходился... Место удара подлюги Артура еще болит, но вполне терпимо. Только первым в эту дыру все равно Козырева запущу. Пусть он меня там ловит. По ровным поверхностям я передвигаюсь нормально, но вот к акробатическим трюкам еще не готов. А Змей – кабан здоровый, поскользнувшегося командира поймать – ему раз плюнуть. Но если вдруг не удержит и уронит, то я его моментально награжу орденом Сугулова, с закруткой на спине.

Отдав грозное распоряжение Женьке, повернулся к остальным:

– Гек и Искалиев остаются с пленным. «Языка» не развязывать. Захочет в сортир – пустить, но глаз с него не спускать! А то у него напарник слишком уж резвый оказался. Глядишь, и этот фриц коленце какое выкинет. Понятно?

Остающиеся кивнули, показывая осознание серьезности момента. Ну еще бы! Как бы ни страдала моя гордость, но дело превыше всего, поэтому, пока мы шли, я рассказал, как именно приткий немец подловил командира. Мужики против ожидания прикалываться не стали, а только головами крутили, выслушивая мое повествование. Так что сейчас охранять Феликса будут со всеми предосторожностями.

А я, убедившись, что меня поняли правильно, вздохнул и полез следом за Змеем в сырой мрак. Метра полтора съезжал по земле, усыпанной кирпичами, а потом, когда нога попала на сырую глину, коротко матюгнувшись, скользнул вниз, в руки бдительного Козырева. Буркнул ему:

– Теперь ставь меня на место и лови Марата.

Я, будучи отпущенным на осклизший пол, принялся с интересом озираться. М-да, а этот ход на верхний не очень похож. Какой-то он старый и замшелый. Тот, который выше, просто дышал благородной стариной, крестоносцами, главными магистрами и прочими Медичами. А этот похож на подвал старой пятиэтажки. Сырой, с крошащимися кирпичами... И почему-то воняет мокрицами. Ко всему прочему данный коридор с одной стороны плотно, как пробкой, завален землей, из-под которой сочилась вода, собирающаяся в обширную лужу под ногами. Из лужи, куда-то в темноту, вытекал довольно солидный ручеек. Прикинув его напор, я вспомнил школьную задачку про резервуары и, моментально этим озаботившись, задал вопрос Женьке, который как раз закончил страховать Шаха:

– Слушай, Змеюка, а там, впереди, плыть не надо будет? Смотри, как вода шурует!

– Не, не надо. Мы сначала тоже боялись, но потом увидели, что весь этот ручей дальше утекает. В помещении какие-то трубы зарешеченные стоят, вот в них он и уходит. Да что там говорить, быстрее показать. Пойдем, тут недалеко совсем!

И Козырев, подавая пример, зашлепал вдаль по проходу. Идя за ним, я опасливо косился на странно просевший потолок и пытался сообразить, как в этих катакомбах вообще могло оказаться золото. То есть как – вполне понятно. Скопидомные фрицы его сюда и приволокли. Но вот почему здесь бросили!? Кто им мешал вывезти весь этот запас из города? Понятно, что Кенигсберг Гитлер сдавать запретил, но если бы все упиралось в его волю, то война закончилась бы нашим проигрышем еще летом сорок первого. И если предположить, что ни у кого мыслей не было город сдавать, то потом, когда стало все понятно, почему не подсуетились и не организовали эвакуацию? Время ведь было? Это же не дешевающие с каждой секундой рейхсмарки...

Но додумать мысль не успел, так как следом за ребятами вышел в довольно просторный зал. Чем-то он напоминал тот, который уже видел наверху. Такие же колонны, ниши и держак для факелов. Только тут не было каменного стола и колодца. Зато вместо него возле дальней стены на уровне пола присутствовали две выложенные кирпичом зарешеченные трубы, которые являлись стоком для ручья. Еще этот зал был гораздо дряхлее, даже на мой непросвещенный взгляд.

Но главным было не это. Главным было то, что вдоль ближней стены выстроились ящики. Много маленьких, размером чуть больше патронного, и штук десять больших, похожих на ящики из-под снарядов. Змей уже стоял возле одного из них и, откинув крышку, демонстрировал разложенную в коробочках ювелирку. Блин, чего там только не было! Кольца, браслеты, монеты, цепочки, подвески... Все аккуратно рассортировано, и можно было сказать наверняка, что в коробочке с цепочками точно не будет монет, а в коробочке с перстнями, не будет сережек. Немцы еще те педанты и, по-видимому, их тевтонскому духу просто претил сундук Монте-Кристо, в котором драгоценности лежали грудой. Более того, каждая коробочка была пронумерована, а поверх всего лежала папка с описью. М-да... серьезно народ к делу подходил – на каждую финтифлюшку в описи имелась строчка с указанием названия и веса.

Я же, перебирая все эти украшения, к своему удивлению, совершенно не чувствовал никакого повышенного сердцебиения. Даже странно... помню, как-то раз с черными копателями ради интереса в поиск ходил. Так там сначала рыл без особого воодушевления, но когда нашел насквозь проржавевший немецкий карабин, то копать начал – экскаватору не угнаться! Сил уже не оставалось лопату поднять, а все равно долбил и долбил. Кстати, именно тогда и понял, что такое «золотая лихорадка».

А сейчас ничего подобного не ощущал. Ну золото, ну много... и что? Не мое же. С меня хватило нервотрепки по поводу наездов Колычева за мизерные траты во Франции. Тогда я десять суток «губы» получил, а если сейчас буду дергаться, то получу десять лет непрерывного расстрела... Это ведь не один ящик, насчет которого еще можно было бы подумать. А такие объемы трофеем не назовешь. Это уже величины государственного масштаба. Вот пусть оно и разбирается.

Все эти мысли проскочили в одну секунду где-то на уровне подсознания, наверное, из-за этого и отнесся к сокровищам удивительно равнодушно. Гораздо больше интересовал вопрос, почему его не вывезли? Что могло помешать?

Только вот информации, даже для построения гипотез, было крайне мало, поэтому, ссыпав все перебираемое обратно, я пошел к ящикам со слитками. Три из них были уже вскрыты и слабо посверкивали желтыми «гробиками» в свете фонаря. Марат, подошедший следом, глянул на них и задумчиво сказал:

– Да, хорошо, что наши ухари остановились на трех... Я пока пойду, проверю остальные пломбы.

Кивнув напарнику, попробовал приподнять один из ящиков. Тяж-ж-желый, зараза!

Килограммов восемьдесят! Те, кто их будет отсюда вытаскивать, умрут три раза, пока все это на поверхность извлекут.

Глядя на мою возню, стоящий рядом Змей поинтересовался:

– Командир, а почему на этом золоте надписи по-русски и орлы царские, а не немецкие? Откуда у фрицев царское золото взялось? Причем вот в этом, – Козырев ткнул пальцем в стоящую рядом тару, – все нормально, орлы со свастикой, а в этих – российские.

Я только плечами пожал:

– Хрен его знает, честно говоря... Может, это то золото, что в Германию по Брестскому миру ушло? Хотя вряд ли. Они его, скорее всего, до прихода Гитлера проели... Гусев еще рассказывал, что в двадцатых годах то ли Эстонии, то ли Финляндии чуть не пятнадцать миллионов рублей золотом заплатили. Тоже по какому-то там договору. Может, это оно? И вообще, после революции царский золотой запас по всему миру разошелся, поэтому вариантов – масса... Вот только не надо спрашивать, почему это все тут оставили. Сразу говорю – не знаю!

Козырев, уже открывший было рот, при моих словах его захлопнул, а вернувшийся из глубины зала Шах негромко проинформировал:

– Ящичков со слитками – сто две штуки. Больших – двенадцать штук. Пломбы вскрыты на трех маленьких и на одном большом. Нам еще повезло, что эти орелики на радостях все не раскупорили, – меньше отписываться придется. И хорошо, что опись есть. – Потом, немного помолчав, добавил: – Ты, Илья, про монеты не забудь. Чую, трясти будут так, что за каждую пропавшую единицу душу вынут...

Я согласно кивнул и, вынув из кармана золотые кругляши, ссыпал их к остальной мелочевке. Про то, что душу вынут, – это Марат правильно сказал. В СССР охота за валютой шла ежедневная и безостановочная. А если учесть, что золотой запас с начала войны сильно поистощился, то и вообще...

Кстати про запас. А сколько тут всего складировано? Если грубо считать каждый ящик по сотне килограммов? Быстро произведя вычисления в уме, я офигел. Это же почти одиннадцать с половиной тонн золота! И если переводить в те же баксы, то получаются... получаются... получаются просто сумасшедшие деньги!

После эпопеи с обручальным колечком для Хелен, когда с меня вычли его стоимость, я от нечего делать заинтересовался, а сколько оно может стоить реально? Соответственно узнал и стоимость золота на мировом рынке. И теперь, лихорадочно шевеля губами, пытался перевести унции в килограммы и тонны. В конце концов, безбожно округляя, получил цифру в пятнадцать с половиной миллионов долларов. Вот это прибыль! Двадцать пять процентов, как за находку клада, нам, конечно, не светит, но вот благодарность получим наверняка. А может даже и на ордена не поскупились...

Над головой что-то зашуршало, и с потолка свалилась половинка кирпича, вырвав меня из сладких грез. Глядя на шлепнувшийся в ручей обломок, я чертыхнулся и скомандовал:

– Так мужики – сваливаем. Я не знаю, что за идиот спрятал золото в таком ненадежном месте, но его надо срочно вытаскивать, пока тут все не обвалилось и не затопилось.

Змей, окинув взглядом штабели, представил перспективы и, передернувшись всем телом, робко поинтересовался:

– Нам вытаскивать?

– Щаз! Ты что, за грузчика меня держишь? Выходим наверх, связываемся с командованием, и пусть оно быстренько начинает шевелиться.

Окрыленный моими словами, Женька тут же, пока я не передумал, рванул в коридор. Пришлось даже несколько умерить его прыть:

– Ты не очень торопись. Кто нас подсаживать будет? Сам-то уже мокрый, поэтому тебе терять нечего. А мы сухие и почти чистые, так что пойдешь последним.

– Есть!

Когда я выбрался в верхний коридор, то застал ту же картину, что и была перед

спуском. Пленный с очень мрачным видом сидел на полу между моими ребятами, а Гек что-то поучительно выговаривал Искалиеву. Увидев меня, он замолчал и спросил:

– Ну как там?

– «Там» все просто замечательно, но нам сейчас надо торопиться.

И перейдя на немецкий, обратился к «языку»:

– Феликс, выход на Фридрихштрассе далеко отсюда?

Гильденбрандт несколько секунд молчал и, когда я уже хотел дать ему затрещину, наконец выпал из мрачных дум и ответил:

– Полчаса ходу от того блока, где вы меня взяли.

– Он не заминирован?

– Нет. Мы ведь именно через него на поверхность попадали...

Понятненько... Дождавшись, когда из пролома вылезут остальные, обращаясь к ним, сказал:

– Будем выходить возле гаражей. Через ту паутину, которую мы прошли, раненого не протаскать. Да и тралить ее тоже не очень хочется... Там бабахнет, а здесь может все обвалиться. Понимаю, место минирования далеко, но лучше перебдеть. Поэтому, Жан...

– Я!

Вытянувшийся по стойке смирно Даурен ел командира глазами, и я, усмехнувшись, продолжил:

– Вольно, блин... В общем так, Жан, возвращаешься обратно, только через закладку осторожно проходи. Когда вернешься в замковый двор, берешь за хобот Одинцова с машинами и следуете к гаражам на Фридрихштрассе. Я не знаю, где они находятся, но старлей должен быть в курсе. Там и встретимся. Название улицы не забудешь?

Видно было, что мой вопрос обидел Искалиева, поэтому, потемнев лицом, он, вытянувшись еще больше, коротко ответил:

– Никак нет! На память не жалуюсь!

– Да ты не злись! Название нерусское, поэтому не хотелось бы, чтобы транспорт нас ждал на какой-нибудь Франкштрассе...

– Фридрихштрассе названа в честь прусского короля из династии Гогенцоллернов, поэтому спутать тяжело.

Удивленный тем, что сержант без запинки произнес неудобоваримое название старинной династии, я только крякнул и ответил:

– Понял... Все предыдущие претензии снимаются. А сейчас, Даурен, давай – бегом! – И обращаясь к остальным, добавил: – Подъем! Мы тоже выдвигаемся.

Гек, поправив автомат, поинтересовался:

– Часовых оставлять не будем?

– Зачем? Чтобы это все вытащить, хотя бы в верхний коридор, взвод полдня пахать должен. Так что – оно здесь неизвестно сколько лежало, поэтому еще пару часов полежит без проблем. А нам еще раненого на себе тащить. Поэтому – шагом марш!

И мы, подхватив закрикующего Гильденбрандта, быстрым шагом двинули в темноту коридоров.

* * *

Та-та-та-тах! Фьють, фьють!

Очередь, пройдя над головой, выбила кирпичную крошку из стены гаража, заставив меня нырнуть обратно за дверь. Не понял юмора... Это что за херня? Ни «здрасте», ни «до свидания», а просто молча сразу начали садить на поражение. Интересно – кто там такой умный?

Вообще, пока мы топали подземными коридорами, таща на себе вовсе не легонького фрица, я прикидывал разные варианты встречи с поверхностью, но на подобное совершенно не рассчитывал. В лучшем случае первым нас встретил бы Одинцов. Он все-таки на колесах

и доехать до этих гаражей должен был быстрее, чем мы дойти пехом. Присутствовал и второй вариант – по каким-то причинам старлей задерживается, а мы натыкаемся на патруль. Тоже ничего страшного – документы и пропуска у нас в порядке, так что встреча с патрулем не грозила долгими разбирательствами.

Поэтому, когда наша компания дошла до тупика, заканчивающегося короткой лестницей, ведущей вверх, я в самом радужном настроении обернулся на немца, взглядом спрашивая, что делать дальше. Феликс, висящий на плечах Шарафутдинова, понял меня правильно и, стирая со лба испарину, ответил:

– Вон, справа два рычага. Синий – расстопаривает дверь. Красный с цифрой «два» – открывает проход.

Подойдя к рычагам, находившимся в неглубокой нише, я на несколько секунд замер, оглядывая их в поисках «сюрпризов», но потом подумал, что фрицы не полные же параноики, чтобы постоянно используемый ход минировать. Да и Гильденбрандт на самоубийцу совершенно не похож. Поэтому смело потянул за синюю металлическую ручку, напротив которой красовалась цифра «1». Что-то глухо «бумкнуло», и больше ничего не произошло. А когда потянул за второй, над головой практически бесшумно распахнулся небольшой квадратный люк. Уважительно хмыкнув в ответ на эту демонстрацию немецкой техники, я, быстро поднявшись по лесенке, с интересом огляделся. Хм... похоже в бокс попали. Осветив четыре стоящих в помещении «ГАЗона», вдохнул свежего, пусть и пахнущего бензином воздуха и, повернувшись к проему, скомандовал:

– Выходи, приехали.

А потом, дождавшись, когда вылезут остальные, прошел вперед, к калитке, находящейся в здоровенной ангарной двери. Перед ней помедлил, соображая, что если в боксе стоят грузовики с военными номерами, то в этом гараже расположилась какая-то наша часть. Скорее всего – автобат или авторота, уж больно место для них подходящее. И это значит, что территория охраняется часовыми.

То есть изображать из себя крадущегося диверсанта вовсе не следует, а самым лучшим вариантом будет выйти наружу и сразу начать вопить о том, что я – свой. Руки тоже лучше поднять вверх, а то часовые – народ пугливый. Решив так и действовать, я распахнул калитку, сделав шаг наружу. В серых, предрассветных сумерках увидел несколько грузовиков, стоящих на площадке перед боксами, легковушку и стеллаж ящиков, накрытых брезентом. Боковым зрением даже успел заметить неясную тень шагах в двадцати справа, но обозначить себя уже не успел. Тень, не говоря худого слова, расцвела вспышками выстрелов, а я кубарем метнулся обратно.

Фигассе тут часовые службу тянут! Мочат все, что шевелится! Поднимаясь с пола, увидел удивленно вытянувшиеся физиономии мужиков, только свои чувства озвучить не успел, так как вслед за стрельбой послышался громкий крик ломающимся баском:

– Стой, кто идет! Стой, стрелять буду!

Мы переглянулись, и Гек выразил общее мнение, рявкнув в приоткрытую дверь:

– Ты, прендегаст ушастый, сначала кричи, а потом стреляй! Уставы учить надо, мудака долбаный! Выйду – ноги вырву!

При этом, однако, претензии озвучивал, предусмотрительно не подходя к дверному проему. А я неожиданно вспомнил старинный армейский прикол и, нервно хохотнув, сказал:

– Лучше уж так, чем «Стой, стрелять буду! Стою... Стреляю!». В неподвижную мишень даже такой лопух с пятнадцати метров попал бы.

Тем временем снаружи послышался топот множества ног, и начальственный голос поинтересовался:

– Савельев, что за стрельба?

Басок, видимо слегка опасаясь начальства, ответил:

– Товарищ старший сержант, там, в гараже – немцы. Один вылез, так я его пристрелил... – И после небольшой паузы наябедничал: – А остальные ругаются, грозятся...

Сержант попался бывалый, поэтому сразу уточнил:

– С каких это пор ты по-немецки понимать начал? – И повысив голос, крикнул: – А ну, кто там сидит – выбрасывай оружие и выходи с поднятыми руками!

Спорить с этим я не стал и крикнул в ответ:

– Свои! Сержант, стрелять только не вздумайте и олуха своего тупорылого подальше уберите, а то он нас тут чуть не положил!

Сержантюга секунды две переваривал мои слова, а потом озвучил предложение повторно:

– Оружие выкидывайте наружу и, выходя, руки в гору! А там разберемся, кто есть кто.

– Понял! Мы выходим!

Уже собираясь бросить автомат за дверь, я услышал, что в беседу издалека вступил новый персонаж:

– Пичугин, отставить!

Так, интересно, а это кто там командует? Но если он орет про «отставить», то и мы погодим выходить. Вдруг у этого Пичугина все подчиненные столь нервные, что открывают огонь только увидев силуэт.

Я принял правильное решение, так как через минуту возле дверей послышался знакомый голос:

– Товарищ майор?

– Майор, майор... Заходи, что ты там мнешься...

После этих слов в дверях появился Одинцов, сопровождаемый незнакомым капитаном. СМЕРШевец, увидев нас живыми и здоровыми, облегченно выдохнул и сразу зачастил, оправдываясь:

– Машины пять раз патрули останавливали, а наши спецпропуска только что на зуб не пробовали, поэтому мы и подзадержались. Да и свернули вначале не туда... Я город еще плохо знаю, вот и заплутал. А когда сюда приехали, нас сначала на КПП мурыжили и только потом к командиру провели. Пока мы с капитаном разговаривали, слышу – выстрелы. Ну думаю, все... Не дай бог, кого-то из группы подстрелили...

Федор, несмотря на вечернюю прохладу, утер пот рукой и, закончив рассказывать, виновато опустил голову. М-да... Испереживался человек. Ведь если бы кого-нибудь из нас часовой положил, то потом начальству было бы по барабану – хорошо он знает город или плохо. Такой фитиль могли вставить – мама не горюй! Но все хорошо, что хорошо заканчивается. Поэтому я сказал:

– Ничего, главное, успел почти вовремя.

Потом с улыбкой ткнул его в плечо и повернулся к капитану. Тот, увидев мое внимание, козырнул, представившись:

– Капитан Звонарев!

– Майор Лисов.

Пожав руку Звонареву, я сразу начал его беззастенчиво грузить:

– Слушай сюда, Звонарев. Есть дело государственной важности, поэтому время не терпит. Мне срочно нужно отделение бойцов с толковым командиром. Кстати, тот, который нас брал, вполне подойдет.

– Пичугин? Так он сейчас начкаром...

– Точно так – Пичугин. Снимай его с караула и передавай в подчинение младшего лейтенанта Козырева. Вот он стоит. – Я показал пальцем на Змея и продолжил: – Надо срочно оцепить один коридор в подземельях. Боевых действий там не предвидится, так что функции у твоих ребят будут исключительно охранные. А максимум часа через четыре их сменят. Ну? Добре?

Звонарев от этого предложения несколько замялся, но тут вступил Федор:

– Товарищ капитан, вы что, отказываетесь помогать военной контрразведке?

– Никак нет! Только завтра, то есть уже сегодня, у меня работы по плану и каждый человек на счету. Здесь ведь не пехотный батальон, а автомобильная рота. Да и без разрешения непосредственного начальства я не могу. Скажет майор Листьев дать вам всю

роту – всех дам и сам пойду. А без его приказа...

Капитан развел руками и замолчал.

В принципе он где-то был прав – сваливаются на голову какие-то непонятные орлы и начинают права качать... Только вот рассусоливать у меня просто времени не было. Забредет в «закрома» неучтенный фриц, набьет карманы золотишком, а нас потом высушат за несоответствие описям. Уже жалея, что не оставил хотя бы одного человека возле золотоносной дыры, я в раздражении ударил кулаком в ладонь и сказал:

– Звонарев, я тебя понимаю, но люди мне нужны и нужны срочно. У тебя связь с комендатурой есть? – Дождавшись кивка капитана, продолжил: – Сейчас вместе с Одинцовым выходите на полковника Свиридова. Он подтвердит все наши полномочия. А чтобы тебе мало не показалось, то и твоего Листьева сюда выдернет. Где он, кстати, вообще обитает?

– Майор Листьев расположился при штабе батальона, в пяти кварталах отсюда!

– С ним связь есть?

– Так точно!

– Тогда действуй, но если через десять минут я не увижу здесь готового к выходу отделения, то пеняй на себя. Понял?

– Так точно! Разрешите выполнять?

– Не так быстро. Мне сейчас сюда Птичкина направь, я ему пока задачу ставить буду.

– Пичугина?

– Блин... правильно – Пичугина. И еще – у нас на руках раненый «язык». Дай человека, пусть его к санинструктору проводят. – Обернувшись к своим ребятам, приказал: – Гек, Жан, – в сопровождение пленного. Шах, проконтролируй. И чего все стоят? Бегом, бегом!

Капитан козырнул и, захватив моих ребят, убежал, а я в ожидании сержанта начал инструктировать Женьку:

– Когда с автобатовцами уйдешь вниз, то четверых оставишь в том зале, где мы встретились. Пусть ящики с документацией охраняют. Остальных ведешь с собой и выставляешь парные посты в коридоре, возле хода на нижний ярус. Сам же сиди возле этого провала безвылазно. Солдат к нему даже не подпускай. И не трепи, что именно там находится. Будут интересоваться, скажешь – документы важные. Понял?

– Понял... И долго мне там сидеть?

– А вот как особицы охранную роту пригонят и все оцепят, так считай, наша работа закончилась..

– У-у-у, это минимум до утра торчать придется...

– Не стони... Сколько надо будет, столько и просидишь. Но я думаю, все гораздо быстрее будет происходить – мы все-таки не продсклад обнаружили, а нечто совсем другое! Только все равно, иди лучше с Жаном гимнастерками поменяйся, а то околеешь там в волглой торчать.

Змей кивнул и поплелся переодеваться, а через пару минут ко мне подскочил молодой парень и, вскинув руку к пилотке, отпрапоровал:

– Старший сержант Пичугин прибыл в ваше распоряжение!

– Майор Лисов. Слушай, Пичугин, что у тебя за бойцы странные? Им уставы вообще не писаны, или это мне так повезло нарваться на часового, больного на всю голову?

Сержант на мой наезд отреагировал совершенно спокойно и, нисколько не виноватясь, ответил:

– Рядовой, из нового пополнения. Неделю как пришел, вот еще и не обтерся. А вчера караульных обстреляли со стороны кочегарки. У нас потери, а нападавшие ушли, как и не было... Поэтому молодой так себя и повел.

– Ладно, считается. А теперь – к делу. Ты со своими людьми сейчас пойдешь под землю. Мой лейтенант вас расставит где и как надо. Воевать там не придется, считай, будет продолжение наряда под землей, но все равно винтовки и карабины не брать – с ними в коридорах не развернуться. Берите автоматы. И фонари не забудьте!

– Товарищ майор, у нас переноски в основном. Ручных фонариков штук пять на взвод. А с других взводов просто не дадут. И автоматов во взводе только четыре, а остальные – с карабинами. Мы же не пехота...

– Насчет этого я с ротным разберусь, ты пока людей отбери.

– А надолго нас туда, в подвалы?

– Часа на четыре, потом вас сменят наши люди. Все понятно?

– Так точно! Разрешите выполнять?

– Давай!

А еще через пятнадцать минут вся сборная команда уже выстроилась возле дальней стены бокса. Там, в полу, чернел зев открытого тайного хода, вокруг которого крутились Звонарев с прилетевшим как на пожар майором Листьевым. Автобатовский начальник, выдернутый командованием из теплой люли, прибыл буквально только что, но тут же развил бурную деятельность, создавая режим наибольшего благоприятствования людям из контрразведки. Судя по всему, Свиридов своим звонком его хорошо накрутил, поэтому майор из кожи вон лез, компенсируя недавнюю медлительность своего подчиненного. Тихим, ласковым словом он придал всем нужное ускорение, а потом, когда нашлись и фонари, и запасные батареи, и автоматы, издав издали попробовал у меня выяснить, а в чем, собственно, дело? Выдав ему стандартную версию о найденных бумагах, я рассказал и показал, как мы проникли в этот бокс. Майор, с удивлением разглядывая люк, все приговаривал:

– От же хитрецы. От же придумщики! И ведь как замаскирован!

Но потом, смущенно кашлянув, отвлекся от созерцания и, дождавшись, когда бойцы выстроятся, двинул им короткую, но информативную речь. Смысл ее заключался в том, чтобы не совать свою голову туда, куда собака, кхм, писю не сунет, а в остальном – тащить службу согласно приказаниям товарища младшего лейтенанта. Короче – стандартный армейский инструктаж по технике безопасности. Закончив, вопросительно посмотрел на меня. Я тоже долго не распространялся:

– Товарищи, хочу обратить особое внимание, что ходы практически все заминированы, поэтому от места, определенного старшим, не отдаляться. Обращаюсь к тем, кто будет находиться в большом зале – ящики с документацией не трогать ни в коем случае, так как они скорее всего начинены «сюрпризами». То есть ваша задача – выполнять все обязанности часового, определенные уставом, и следовать указаниям младшего лейтенанта Козырева. Тогда все будут живы-здоровы. Вопросы?

Один из бойцов, вытянувшись, представился:

– Ефрейтор Сазонов! Разрешите поинтересоваться: так там что – все в минах?

Листьев на такой откровенно опасливый вопрос негодуяще рыкнул, но я, жестом остановив его, ответил:

– Мины могут быть в ящиках да в необследованных коридорах. Поэтому и предупреждаю, чтобы зря не шарились ни там, ни там. А где вы будете нести службу, мин нет. Мы же там прошли и, как видишь, – все нормально. Еще вопросы?

Вопросов больше не было, поэтому я махнул рукой, дескать – вперед!

Женька нырнул первым, а за ним, кряхтя и матерясь под нос, потянулись остальные. Глядя на их «сидоры», подумалось, что этим бойцам крупно повезло с сержантом. Пичугин хоть и выслушал внимательно слова про «замену через четыре часа», но, будучи парнем тертым, наверняка приказал прихватить с собой жратву, зная, что в армии – где четыре, там и десять. Молодец, парень, соображает, что к чему.

Когда в проеме исчез последний солдат и перед люком встал часовой, я повернулся к вернувшемуся Шарафутдинову и спросил:

– Пленного перевязали?

– Должны бы уже. Я когда уходил, санинструктор рану заканчивал обрабатывать.

– Понятно. Тогда сейчас мы связываемся с командованием, а потом идем беседовать с

этим найденышем. Уж очень личность попалась неординарная, тебе не кажется?

– Да, «горбатого лепит» так, что заслушаться можно. И ты обратил внимание, как его перекосило, когда Гек находку демонстрировал?

Вот за это я и люблю Шаха! Все замечать и фиксировать – этого у моего друга не отнять! Сам я заметил метаморфозу, произошедшую с пленным, уже на последней стадии, когда он практически справился с чувствами и опять налепил на физиономию угодливую улыбку. В начале даже подумал – показалось. Но, как сейчас выяснилось, не показалось. Так что пленный у нас очень «мутный» и от этого вдвойне более интересный.

Кивнув Марату, поинтересовался у стоящего рядом капитана:

– У вас тут комната найдется, где можно спокойно поговорить с «языком»?

Звонарев, как будто ожидавший этого вопроса, тут же ответил:

– Так точно! Здесь сейчас моя авторота стоит, а при фрицах не менее батальона располагалось, так что помещений – на любой вкус!

– Вот и хорошо. Тогда мы через полчаса к вам подойдем, а сейчас можете быть свободны.

Капитан, козырнув, удалился, но прежде чем мы пошли к машинам, Листьев предложил:

– Товарищ майор, может, перекусить? Как я понял, вы со вчерашнего дня не жрали.

Подумав пару секунд, я вынужден был отказаться:

– Благодарю, наверное, чуть позже. Сейчас у нас времени совсем нет...

Майор понятиво кивнул, а мы быстрым шагом двинули к рации.

Глава 7

– Ты точно все сдал?

Серега, нависнув надо мной, грозно сопел и слегка прищуренными глазами пытался проделать дырку в башке подчиненного. Привстав со стула, я, приблизившись к его уху, шепотом, но внятно и отчетливо произнес:

– Гусев, иди ты в жопу! – А потом, не выдержав, заорал: – Достал! Третий раз говорю, что все! Еще раз спросишь, пошлю в пеший сексуальный маршрут!

– Не ори! Я о вас же забочусь – вдруг вы кроме этого слитка еще что-то «забыли».

М-да... со слитком неудобно получилось. Он ведь в вещмешке у Искалиева так и болтался с самого начала – его туда Змей засунул после демонстрации. А потом, когда мы полезли в сокровищницу, Гек с Жаном остались сторожить «языка» и забросить золото в ящик у сержанта не было возможности. Ну а позже пустоголовый Лисов только выбравшись из нижнего хода тут же развил бурную деятельность и послал бойца на встречу с Одинцовым. Стеснительный Даурен, посчитав, что так и должно быть, а командир знает, что делает, безропотно потащил эту тяжесть по коридорам. Натер плечи узкими лямками «сидора» и, выбравшись наверх, с удовольствием закинул вещмешок в кузов «УльЗИСа». После чего о нем все благополучно забыли. То есть я забыл, потому что все завертелось очень быстро.

Сначала стрельба, потом разборки со Звонаревым. Дальше – больше. Только водители ушли под землю, как нарисовался комендантский взвод вместе с полковником Свиридовым и подполковником Рыковым, который представлял родное НКВД. Пока я, так сказать, вживую докладывал о находке, коменданчи быстренько занялись выпроваживанием бойцов автороты со своей территории. Как только водилы убыли в распоряжение батальона, в гараж стали въезжать тентованные грузовики: три «ЗИС-5», три трофейных «Опель-Блиц» и четыре «ГАЗ-63». В голове и хвосте колонны шли по одному бэтэру. Когда вся эта гусеница вползла на площадку перед гаражами, то ворота закрыли, солдаты комендантского взвода оцепили периметр, а из кузовов «ГАЗонов», посыпались шустрые как электровеники бойцы охранной роты. Получив массу ЦУ, их старший, капитан Баринов, понятиво кивнул и, потребовав Гека в сопровождающие, вместе со своими людьми двинул в сторону тайного

хода.

Вскоре оттуда, подслеповато щурясь от света, полезли ребята Пичугина. К своим их не отпустили, а загнали в караулку. Ну понятно – им еще светят беседы с особистом и взятие подписок о неразглашении. Так что сержант, который перед выходом затарился продуктами, один черт – не прогадал. От особиста просто так не отвяжешься, поэтому завтрак и обед его пацаны проведут, треская свой сухпай.

Мне было немного неудобно перед водителями, но по-другому тогда я поступить все равно не мог. А лишняя подписка еще никого не убивала. Я их сам столько написал, что мне впору уже язык отрезать за ненадобностью, так как какую тему ни затронь, Лисову о ней говорить категорически запрещено.

А когда из люка вынесли первый ящик с документацией, я, извинившись перед Рыковым и Свиридовым, сослался на срочные дела и убыл на второй этаж казармы для беседы с пленным. Серега должен был подъехать только часа через полтора, во дворе торчать смысла больше не видел (тут и без меня командиров хватает), поэтому решил заняться делом.

Зайдя в пустующее помещение, увидел, что Гильденбрандт лежит на голой панцирной кровати, а Марат с Жаном, сидя рядом на табуретах, о чем-то оживленно беседуют. Увидев меня, Шах отвлекся от разговора и спросил:

– Как я понял – все нормально идет?

– Вполне. Рыков вовсю рулит, а Свиридов у него на подхвате, так что и без меня справятся. А ты, я смотрю, еще не начинал?

Шарафутдинов, правильно истолковав вопрос, отрицательно покачал головой:

– Куда ж я без тебя? – И подтолкнув ногой один из стоящих табуретов, ближе к койке с пленным, скомандовал: – Подъем! Сесть!

Немец, невзирая на раненую ногу, резво вскочил и, усевшись на предложенную мебель, застыл, положив руки на колени.

Я, поставив между нами солдатскую тумбочку, некоторое время барабанил по ней пальцами, а потом сказал:

– Предлагаю все начать с чистого листа. Чтобы сэкономить время, сразу хочу предупредить – вашим предыдущим словам мы не верим и даже заключили пари относительно звания захваченного «языка». Хочу порадовать – один из нас решил, что вы штурмбанфюрер. Поэтому давайте с самого начала – имя, фамилия, звание, номер части?

Гильденбрандт, по мере того как я говорил, выпучивал глаза и прижимал к груди связанные руки. А после моего вопроса плаксиво ответил:

– Господин майор! Я вам говорил чистую правду! Мы с моим кузеном...

– Жан!

Даурен, стоявший за фрицем, мой окрик понял правильно и мощной оплеухой сбил пленного на пол. Потом, подхватив его за шкварник, усадил обратно и, чуть отступив, опять неподвижно замер. Поощрительно ему кивнув, я опять воззвал к благоразумию немца:

– Видите ли, слишком много факторов говорит о том, что вы являетесь не тем, за кого себя выдаете. Готическая татуировка опровергает ваши слова о тотальной мобилизации. Поведение убитых в подземелье тоже убеждает в том, что вас, как командира, пытались эвакуировать с поля боя. И еще... вы не смогли сдержать разочарованных эмоций, когда поняли, что мои люди обнаружили золото. Не удивления при виде слитка, а именно разочарования, что говорит о каком-то вашем отношении к этому кладу.

– Господин майор, вы меня не так поняли! Я готов поклясться, что...

– Жан!

Искалиев повторил предыдущую операцию и, посадив утирающего юшку фрица на место, снова отступил назад. А я завел волюнку по новой, создавая максимальный контраст между своим вежливым обращением и хлесткими ударами Даурена:

– Вы же достаточно взрослый человек, неужели у вас не хватает мозгов понять, что смешаться с общей массой пленных уже не выйдет? Поймите, мы ведь не патруль, который

поймал подозрительного человека во время облавы. В этом случае у вас действительно был бы шанс выскользнуть. Но не сейчас. Каждое ваше слово будет скрупулезно проверяться и перепроверяться. И если им не будет подтверждения, то вас просто отдадут «мясникам». А эти ребята церемониться не будут, и получившийся на выходе инвалид расскажет все. Оно вам надо? И заметьте, я вас не пугаю, просто даю реальную картину будущего... На фанатика вы не похожи, тогда – зачем это странное упорство? Даже если вы руководили зондеркомандами, то советую рассказать об этом сейчас. Не буду скрывать – в этом случае, после проверки вас просто расстреляют и все. Но ведь быстрая смерть гораздо предпочтительнее долгих пыток. Так что?

Выговорившись, я сложил пальцы домиком и опять уставился на пленного. В этот раз тот не спешил уверить меня в своей белой пушистости, а задумчиво молчал, уставившись в одну точку. Где-то через пару минут ожидания, когда я уже хотел ускорить фрица посредством Жана, тот наконец заговорил:

– Хорошо. Развяжите меня и дайте в конце концов сигарету!

Ага! Похоже – дело пошло! Судя по всему, «язык», взвесив все шансы и прикинув, что вывернуться не удастся по-любому, решил говорить начистоту. Вот и умница. Сразу видно трезвомыслящего человека, а то до некоторых это доходило только тогда, когда они превращались в визжащие отбивные...

Кивнув Марату, я выложил на тумбочку пачку папирос с зажигалкой, опять уставившись на «Феликса». Тот, вытянув «беломорину» из пачки, прикурил, закашлялся, сморщился, но папиросу не выкинул, а просто стал затягиваться гораздо осторожнее. Сделав несколько «пыхов», как будто в руках у него была сигара, фриц осторожно положил окурочек на край тумбочки и, пригладив рукой редеющие волосы, решительно заявил:

– Я – штандартенфюрер СС Карл Густав Вельдберг. Зондеркомандами не руководил, но номера своей части дать не могу, за неимением оного. Подразделение, которым я руководил, называлось просто – «Команда В» и подчинялось непосредственно рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру. Так что могу поздравить вас, господин майор, в ваши руки попала птица очень высокого полета.

После этих слов я быстро взглянул на расплывшегося в улыбке Марата, машинально почесал лоб, представив будущую экзекуцию, и, решив зря не травить душу, поинтересовался:

– А чем вы занимались в вашей «команде В»?

Бывший «Феликс» взял бычок и попытался его раскурить. Но поняв, что тот уже потух, удивленно пожал плечами, вытянул из пачки новую папиросу и, пустив клуб дыма, насмешливо улыбнулся и ответил:

– Я бы вам не советовал. Не советовал интересоваться такими вещами. Свое имя и звание я уже назвал, и теперь самым лучшим выходом из сложившейся ситуации было бы отправить меня дальше по инстанции – к вашему командованию. Просто есть такие вещи, о которых можно говорить только с соответствующими людьми. Ведь как говорится в русской пословице, «меньше знаешь – крепче спишь». Поэтому я возвращаю вам ваш вопрос – «оно вам надо»?

Ну-ка, ну-ка... Ой, как интересно... Боясь спугнуть удачу, я тоже закурил и принялся размышлять. Судя по гонору и понтам, фриц говорит правду. Но не это главное! Ведь может так случиться, что он окажется моим коллегой! Гусев еще год назад доводил до нас глухие и неподтвержденные слухи о существовании у немцев спецкоманд, выполняющих функции подобно нашей. Но подтвердить эти слухи было некому. Своего Штирлица, который бы рылся в сейфе у Гитлера утром, в обед и вечером, у нас, к сожалению, не было, а агентурный, давший нам намек на подобные подразделения, был как-то очень быстро арестован. Причем непонятно, то ли гестапо его взяло, то ли СД. Только сгинул человек с концами и потом, сколько ни искали следов этих хитрых спецкоманд, так ничего и не нашли.

Неужели сейчас повезет? Ведь не на пустом же месте этот Карл Густав сейчас туман напускает? Хотя все, конечно, надо еще прояснить, а то непосредственное подчинение

Гиммлеру – это как-то... В общем, это чересчур сильно. Может, он назвал известную каждому солдату фамилию, лишь бы не буцкали больше? Так сказать, для придания себе солидности? Ладно... будем разбираться:

– «Оно» мне надо. Только я бы хотел уточнить, у вас на рейхсфюрера был прямой выход или все-таки через доктора Эрнста? И к какому конкретно департаменту принадлежала ваша «команда В»?

Было видно, что Вельдберга мой вопрос несколько озадачил. Он прежде чем ответить, потер раненую ногу, побряхтел и лишь потом выдал:

– Знаете, господин майор, вы меня опять удивили. Там, под землей, я думал, что на нас наварлась обычная группа «чистильщиков». Но ваше звание – майор... Оно больше подходит начальнику отдела СМЕРШ дивизии, а то и армии. И я очень удивился, когда увидел ваши погоны в тех коридорах. Но даже если предположить, что вы просто решили тряхнуть стариной и пошли с поисковиками, то скорость, с которой началась вся эта суета, – пленный кивнул на окно, за которым слышались отрывистые команды и легкий мат бойцов НКВД, внезапно превращенных в грузчиков, – наводит меня на странные мысли. А ваши пехотные эмблемы еще больше укрепляют меня в них...

Блин, мне не интересно, что за мысли возникают сейчас в башке Вельдберга, хотя надо отдать ему должное – соображать он умеет. Будь я обычным особистом, то, обнаружив такие немереные запасы золотишка, начал бы докладывать по команде. Доклад сначала ушел бы наверх и, только пройдя всю цепочку, вернулся бы с необходимыми ЦУ. А во дворе практически ночь была, значит, те, кто мог принимать решения, отдыхали. То есть пока их замы разбудят, пока они врубятся, что к чему, пока перезвонят выше, то всяко-разно часа полтора—два до начала активных действий пройдет. У нас же все произошло практически молниеносно, вот эсэсовский полковник и задумался. Только мне его логические умозаключения сейчас вовсе не нужны. Мне нужна информация. Поэтому, ломая сложившийся ход допроса, я бросил бычок на пол, раздавил его сапогом и рывкнул на возмнившего о себе штандартенфюрера:

– Слушай сюда, мудака! Я тебе вопрос задал! Будешь отвлекаться, сержант начнет обработку! Ну, отвечай!

Карл моего наезда не сильно испугался, но, видимо, поняв, что с понтами и вальяжностью он несколько переборщил, ответил:

– Моя команда номинально относилась к первому департаменту РСХА. Отдел «А5». Но подчинялась непосредственно Кальтенбруннеру и Гиммлеру.

Отдел «А5». Так, так, так. Это что за звери? Первый департамент РСХА – это кадры... А вот отдел «А5»? Блин! Вообще-то я думал, что фриц окажется или из четвертого или из шестого департамента. Соответственно гестапо – оно же контрразведка или СД, оно же разведка. На «кадры» совершенно не рассчитывал и теперь лихорадочно вспоминал структуру главного имперского управления безопасности. Марат, видя, что я задумчиво морщу репу, тихонько подсказал:

– Фельде.

Йоп! Точно! Руководитель – Густав фон Фельде. А вспомнив его, увидел перед глазами развернувшуюся заученную таблицу: «А5» – это не соцобеспечение, кадры гестапо или общие вопросы. Это партийные кадры и кадры СС. Только вот общую картину такое знание совсем не проясняет.

Хотя... мы ведь тоже до прошлого года относились к какой-то комиссии партконтроля. Что в этой комиссии происходило, я до сих пор не знаю, но подчинялась группа Колычева непосредственно генеральному комиссару. Может, и здесь так же? А ну-ка...

– Какие именно задачи ставились перед вашей командой?

И когда немец стал их перечислять, то я понял – есть контакт! Это был именно *коллега*! Вот ведь свезло так свезло!! Ну, теперь его на полную раскрутят! Как соловей петь будет до тех пор, пока наши не вскроют всю систему спецкоманд! До Шаха, по-видимому, тоже дошло, кто сидит перед нами, поэтому он в возбуждении незаметно для немца ткнул меня в

бок локтем. Ответив ему шальной улыбкой, я жестом прервал продолжающего говорить Густава. Про *это* он действительно будет рассказывать в другом месте, а сейчас меня чисто по-человечески интересовало, как такого важного чина могли оставить в городе? Это ведь равносильно тому, что мы бы Колычева в Могилеве забыли... Пх-х! Несерьезно! И куда делись остальные члены его команды, так как те, кого мы положили в подвалах, совершенно не тянули на бойцов спецгруппы. Ну... Кроме сволочного Артура, конечно.

Когда я задал этот вопрос, немец, кивнув, ответил, что его команда эвакуировалась на корабле, а сам он должен был убыть самолетом. Но «Шторьх», ожидающий на аэродроме, в последнюю минуту сожгла русская авиация, поэтому штандартенфюрер был вынужден искать альтернативу. Времени у него не оставалось совсем, так как советские войска уже входили в блокированный город, вот Вельдберг и обратился к Артуру Бонке, который был одним из руководителей групп «Вервольфа».

Бонке со своими людьми проводил полковника на конспиративную квартиру и начал искать возможность безопасного выхода из Кенигсберга. Но десять дней назад на квартиру вышла советская контрразведка. Была перестрелка, в результате которой раненого Вельдберга оставшиеся в живых «вервольфовцы» спрятали в подземелье. А на золото они сами наткнулись – чисто случайно. И про документацию наш «язык» тоже ничего сказать не мог. В смысле – почему ее оставили в городе. Мол, он этим не занимался.

Слушая пленного, поощрительно кивал ему, а когда он замолк, сказал:

– Очень хорошая «легенда». Я прямо заслушался. Но вы ее придумали наспех, поэтому есть некоторые огрехи. Не будем говорить про «подпольщика», который даже не удосужился сменить эсэсовскую форму, – это мелочи. Но вот то, что руководителя сверхсекретной группы оставили одного в городе, я не верю. – И видя, что фриц хочет что-то возразить, продолжил: – Просто я очень хорошо знаю всю эту кухню. Даже если вас задерживали особо важные дела, то при командире всегда должны были оставаться как минимум четверо «волкодавов» из вашей команды. Это не считая взвода охраны. И путей эвакуации в этом случае должно быть как минимум три, а не один. Значит, вы опять врете. Зачем? Что вы сейчас пытаетесь скрыть? Что-то оставшееся в подземельях? Так это бессмысленно. Сейчас саперы и войска НКВД там исследуют все до последнего закоулка. Так что?

Вельдберг на мою отповедь уже не пытался возражать, а только молча сидел, барабанив пальцами по здоровой ноге. В конце концов, досадливо дернув плечом, он заговорил:

– Господин майор, я действительно сказал неправду об обстоятельствах, заставивших меня остаться в городе. Но я настоятельно вас прошу – передайте меня своему командованию! У меня есть очень важные сведения, не терпящие промедления! Вас за задержку могут подвергнуть очень суровому взысканию!

Хм... все интереснее и интереснее. Но как же этот Густав к командованию-то рвется... И судя по его виду – бить этого хмыря сейчас бессмысленно. Молчать будет до последнего. Или дезу сливать. Видно, у него есть какой-то козырь, которым он хочет себе купить благосклонность русских. И странному пехотному майору этот козырь раскрывать совсем не хочется. Ну ладно... Попробуем по-другому:

– Я бы вас отправил к своему командованию. Но оно находится в Москве. А если вы хотите торговаться, то можете торговаться со мной, так как я обладаю всеми необходимыми полномочиями и выполняю те же функции, какие выполняли вы в своей армии. Только вы были руководителем группы, а я являюсь его замом. Так я слушаю...

Фриц несколько секунд смотрел на меня, а потом, как-то разом обмякнув, пробурчал себе под нос что-то типа: «А я ведь почти правильно догадался», и начал рассказывать.

Слушая его – я фигел, херел и дурел. Это же надо так все наворотить! Куда там Флеммингу с его Бондом! А все дело было в золоте...

* * *

Карл Густав Вельдберг был человеком умным, рассудительным и, главное, очень

предусмотрительным. Верить в победу любимого рейха он перестал еще в сорок третьем, а весной этого года окончательно утратил всяческие иллюзии и принялся соображать, как же ему жить дальше. Предполагая, что будет с Германией и с эсэсовцами, а тем более такого ранга, как он, штандартенфюрер начал присматривать будущую страну спокойного проживания.

Аргентина ему очень нравилась, но все упиралось в деньги. Да и сама Аргентина в свете последних выступлений глав антигитлеровской коалиции, где они грозились отыскать нацистских преступников хоть в Африке, хоть в Антарктиде, уже не представлялась землей обетованной. И когда Вельдбергу в руки попался английский разведчик, то немец понял, что это возможный шанс к договору. Отпустив британца, хитрый Карл вышел через него на иностранный отдел бюро секретной службы Его Величества. Почти полгода они активно полоскали друг другу мозги, нещадно торгуясь, и вдруг месяц назад немцу выпал шанс. В числе прочих задач его группе было поручено курировать эвакуацию тринадцати с половиной тонн золота в глубь Германии.

Здесь Вельдберг и показал себя виртуозом кидалова! Он крутил-вертел, всячески оттягивая эвакуацию, и буквально в последний день перед сдачей города умудрился загнать все эти тонны в секретные подземелья. Потом, симитировав свою гибель, вместе со старым знакомым Бонке и его людьми, разминировав подходы, на себе перетаскал золото в другое место.

Кстати, этот Артур оказался еще тем типусом. Он и со Скорцени служил, и инструктором немецких террор-групп, и под началом фон Залиша поработал. То есть зверюга еще тот. И как ни странно, действительно был родственником Вельдберга – каким-то троюродным кузеном. Вот они по-родственному и снюхались. У Карла Густава было золото и схема подземных ходов, а у Бонке – надежные люди. Только в процессе таскания золотишка выяснилось, что его люди, может, и надежны, но не все. Как там, в арии Мефистофеля было – «люди гибнут за металл». В общем схлестнулись они между собой. Самых корыстных смутьянов быстренько постреляли, в результате чего общее количество людей сократилось более чем наполовину, а полковник получил пулю в ногу. Ну а оставшиеся в живых, стали ждать... подводную лодку.

В этом месте допроса я подпрыгнул на стуле и попросил рассказывать поподробнее. Штандартенфюрер кивнул и стал говорить более детально. Оказывается, только узнав о золоте, он решил, что все – пан или пропал, и вышел с интересным предложением на англичан, благо связи были достаточно налажены. Вельдберг хотел гражданство, чистые документы, билет в Новую Зеландию и долю малую от сданного «лимонникам» богатства. Под долей он подразумевал четверть миллиона фунтов стерлингов. В МИ-6 думали недолго и согласились с предложением, сократив сумму до двухсот тысяч. Задействовали даже свою агентуру в Кенигсберге, которая, убедившись, что золото действительно имеет место быть, дала подтверждение этому на остров. Ну а потом все завертелось как хорошо смазанная машина, так что через десять дней лодка должна принять на борт груз и пассажиров.

– Где?

Немец, сбившись от моего вопроса, растерянно заморгал:

– Извините?

– Я спрашиваю – где должна вас подобрать лодка? Это ведь не катер и не шлюпка какая-нибудь! Это – подводная лодка. А золото находится под землей. Как вы планировали погрузку?

Карл, поняливо хмыкнув, объяснил:

– Вы, наверное, видели в том зале, где лежат слитки, зарешеченные ходы? Так вот – решетки съемные, а сами ходы выводят в другой тоннель. В нем даже узкоколейная дорога проложена для вагонеток. А этот тоннель тянется на несколько километров и выводит к подземному причалу для подводной лодки. Причал считается совершенно секретным, но доступ к подобной информации у меня был, так же как и карты фарватера. Их я уже передал английскому резиденту, поэтому проблем с проходом не будет.

Охренеть... Золото, предательство, англичане, разборки... Блин, как в книге про пиратов! Я помотал головой, приходя в себя, но чувствуя некоторую неувязочку, решил уточнить:

– Интересно, почему вы думали, что англичане вас не обманут? Не проще – забрать груз, а вам пулю в голову и всего делов? И даже если бы они себя вели по-джентльменски, во что я совсем не верю, то как вы думали делить деньги с остальными членами вашей подземной команды?

– Страховка... У меня была страховка. Операция должна была начаться только после того, как на мой счет в Цюрихе поступит вся сумма. Точнее после того, как мой человек в Швейцарии подтвердит это поступление. Вчера я получил радиogramму, подтверждающую честность англичан. А насчет пули в голову, это даже смешно... Они еще летом жаждали заполучить меня к себе. Знания, которые хранятся здесь, – немец постучал себя пальцем по виску, – стоят очень дорого. Но мы все никак не сходились в объемах вознаграждения. А тут – двойная удача! Англичане не только пополняют свой золотой запас, истаявший за время войны, как дым, но еще и получают меня в придачу. Так что за жизнь свою я совершенно не опасался. Были опасения только в размере оплаты. Великобритания сейчас практически нищая страна, и они дрожат над каждым пенсом, но после получения такого куша им ничего не стоило выделить мне несколько процентов от общей суммы.

– А ваши люди?

– Ну... – фриц замялся, а потом, решившись, сказал: – Своим я считал только Артура и даже готов был выделить ему восемьдесят тысяч, после того как обоснуюсь в Новой Зеландии.

Марат, выслушав этот перл, коротко хохотнул, а я поинтересовался:

– Он про это знал?

– Да! – Вельдберг с вызовом посмотрел мне в глаза. – Знал и верил, что я его не обману!

– Ну-ну... блаженны верующие... А как вы планировали поступить с остальными компаньонами?

– Я ничего не планировал. Планировал Бонке...

– Понятно...

М-да... с разборками в стиле незабвенного Флинта действительно понятно, зато со всем остальным – нет. Например, чем думал Артур когда согласился плыть с родственником в Англию? Это Вельдберг со своими знаниями им нужен, но вот Бонке... Хотя нет. Такие зубры англичанам тоже нужны. Особой щепетильностью «лайми» никогда не отличались и вполне могли взять бывшего немецкого диверсанта инструктором в тот же САС – командос дрессировать.

Я опять закурил и начал соображать, что же в рассказе пленного все-таки не дает мне покоя. Способ добычи золота? Нет, при его полномочиях повернуть подобную операцию вполне возможно. То, как они собрались убрать лишних? Ну, это уж совсем нет. Как говорится – «звериный оскал капитализма» и «человек человеку волк». То есть тут тоже все нормально. Связь с англичанами и своим человеком в Цюрихе? Рация, виденная в их лежбище, подтверждает и эти слова.

Кстати про рацию, когда я ее увидел, еще подумал: насколько основательно они тут устроились – даже связь поддерживают с командованием. Только, как выяснилось, эта связь была не с немецким командованием, а со Швейцарией и через шведскую резидентуру, с Лондоном. Так что и про получение денежной страховки хитрый Карл скорее всего не наврал. Тогда что же меня беспокоит?

И тут вдруг подал голос молчавший весь допрос Марат:

– То есть вы утверждаете, что в советскую зону оккупации придет английская подводная лодка? И совершит практически боевую операцию в зоне ответственности наших войск?

Ай, молодца! В корень зрит напарник! Вот оно то, что меня цепляло постоянно!

Никогда, никогда при существующих раскладах англичане не пойдут на открытую конфронтацию с СССР. Во всяком случае, сейчас. Да, нас они ненавидят до зубовного скрежета и из-за угла пакостят как только могут (одна операция по устранению наших военачальников чего стоит). Но это все очень втихаря, через десятки руки и практически недоказуемо. А если их отловят сейчас? Мало ли как жизнь повернется, и вдруг произойдет неожиданный захват лодки с экипажем нашими солдатами? Это же не просто международный скандал! Это скандалище с большой буквы. Нас поддержат даже американцы, которые сейчас вовсе не похожи на чванливых янки моего времени и только-только начинают набирать силы. Сильная Британия им никуда не уперлась, поэтому возможность попинать островного льва амеры не упустят. Все эти мысли промелькнули за пару секунд, и я с интересом уставился на пленного в ожидании ответа. Но у Карла и на это был готовый ответ:

– Я не говорил, что лодка будет английская. Британцы не идиоты посылать сюда боевую единицу своего флота. Подлодка скорее всего будет немецкая с немецким же экипажем.

Удивившись этому, я поинтересовался:

– Откуда она у лайми взялась? Или у вас настолько сотрудничество уже налажено, что друг другу корабли с легкостью одалживают?

Вельдберг пожал плечами и ответил:

– Мне не докладывали, но по своим каналам я знал, что в феврале этого года в Атлантике англичане смогли захватить поврежденную, но не затопленную лодку со всем экипажем. Скорее всего пошлют именно ее.

– Странно... мы про это ничего не знаем...

Немец, с превосходством улыбнувшись, пояснил:

– Эти сведения были сразу засекречены, а подлодка проходила по всем документам как потопленная. Фюреру не нужна была огласка столь прискорбного факта, а англичане про это тоже промолчали исходя из своих соображений. И предугадывая ваш следующий вопрос относительно контроля над подводниками... С уверенностью говорить не могу, но в этом случае я бы поступил так: на борту лодки помимо неполного экипажа находились бы человек шесть англичан с документами пилотов. По «легенде» их подобрали в море, после того как они выбросились со сбитого самолета. Пять-шесть вооруженных солдат вполне достаточно для контроля команды. А если все пойдет не так и операция провалится, то они сами – пленники и с них взятки гладки. Подозрения будут, но реальных доказательств не будет точно. Хотя, я думаю, контролировать команду особо не понадобится – после полугода интенсивной моральной обработки немцы не станут выкидывать никаких фокусов. Да и в экипаж наверняка вошли только те, кто добровольно согласился сотрудничать с британцами...

М-да... все предусмотрели... Вот жуки! Да и этот Карл Густав не хуже! Меня при взгляде на вальяжного даже сейчас немца не покидало ощущение, что он один черт что-то недоговаривает. Ну не считает «язык» сидящего перед ним офицера достойным того, чтобы рассказывать ему все и сразу. Хотя, конечно, человек, обладающий такой властью и отчитывающийся только перед высшими руководителями рейха, имеет столько тузов и козырей в рукавах, что я для него – мелочь пузатая. Даже невзирая на то, что фриц знает, что я – из спецгруппы ставки. Ну и черт с ним! Хвастаться своим реальным положением перед сидящим гитлеровцем точно не буду, тем более что основательно и вдумчиво его трясти начнут только в Москве.

А сейчас Вельдберга можно оставить в покое. И даже более того – сдуть с него пылинки, чтобы штандартенфюрер, не дай бог, не простыл, или каких-нибудь коликов у этого хмыря не приключилось, а то мне будет очень больно об этом вспоминать. Серега лично голову открутит и не поморщится...

Поэтому лучше всего будет отвезти ценного немца в госпиталь, а потом накормить обедом, чтобы не зачах. Кстати, про госпиталь это я правильно вспомнил. Хоть здешний

санинструктор и говорил, что рана неопасная и заживает хорошо, но если вдруг будут осложнения, с меня спросят так, как будто этого Карла я сам подстрелил и помощь не оказал.

Решив так и сделать, я, позволив немцу лечь на койку и, оставив с ним ребят, пошел на улицу. Там всю продолжали кипеть погрузочно-разгрузочные работы. Народу, кстати, тоже прибавилось – за каждой парой бойцов, тащивших ящик, теперь следовал как минимум сержант НКВД. На меня – чумазого, небритого, с ободренным подбородком и странной походкой – новоприбывшие косились с подозрением, но пока никто не пытался схватить непонятную личность. Показав неприличный жест наиболее пристальным глядельщикам, я закурил и, усевшись на бордюр, принялся крутить головой в поисках наших машин. И тут ко мне подскочили Гек со Змеем. Женька шествовал, держа руку подальше от тела и с брезгливой миной таща грязный вещмешок, а Леха, который рысил налегке, добежал до меня первым и сразу начал с претензий:

– Илья, куда вы все делись? Мы тут уже минут двадцать крутимся, но никто толком ничего не говорит. Какой-то подполковник подсказал, что ты пошел заниматься делами, но куда именно пошел, он не в курсе. И главное – машины наши стоят, а вас нет!

– Где машины?

– Там... – Пучков махнул рукой в глубь двора: – На мойке. Водилы, пользуясь случаем, решили свои таратайки помыть. А Витька-то Пальцев что учудил!

– Что? Опять чего-то стырить для своего «козла» хотел, а его поймали?

– Нет. – Гек со смехом отрицательно помотал головой. – Он машину внутри помыть задумал, поэтому все из нее повыкидывал и горкой в сторонке сложил. А на самом верху – вот.

С этими словами Лешка показал на Козырева, возле ног которого лежал мокрый и грязный «сидор».

– Что – «вот»?

– Да это же тот слиток, с которым Даурен таскался! Он его в «виллис» положил, а Палец сейчас чуть вообще не выкинул. Завязки мешка намокли, развязать не получилось, чтобы посмотреть, что там, вот он и швырнул не глядя. Еще бурчал, что мы какое-то тяжелючее и грязное говно в его машину постоянно норовим подсунуть.

Хорошо, что я и так сидел... Мысль о том, что мы влекую могли бы прощелкать килограммов десять–двенадцать золота, и о том, чем это могло обернуться, молнией пронеслась перед глазами, заставив покрыться крупными мурашками. Немного придя в себя, я поднялся и толкнул речь, начинающуюся словами:

– Вашу маман!!!

По-хорошему, конечно, ругать надо только самого себя, но это было бы неинтересно да и глупо. А так – выговорился и сразу отпустило. Мужики к моим словесам отнеслись с пониманием и слушали внимательно, не перебивая, глядя на пыхтящего командира смеющимися глазами.

После облегчения души я от греха подальше забрал драгоценный «сидор» у Змея, и как раз в этот момент во двор торжественно въехал Гусев. Быстро поздоровавшись с попавшимся на пути Рыковым, Серега нашел меня глазами и, подскочив, принялся обнимать, похлопывая по спине и приговаривая:

– Ну, Илья, ну молодец, ну порадовал! Я уже наверх... – он ткнул пальцем куда-то в небо, – доложил о твоей находке! Это же надо! И сколько там этого добра?

– Чуть больше тринадцати тонн, но не это главное...

Я хотел сказать про пленного, но не успел, так как Гусев продолжил говорить:

– Понимаю, там еще документация какая-то вам попала, но с ней спецы разбираться будут! А вы – крутите дырочки! И от меня лично вам всем – благодарность!

Еще немного похлопав меня по плечам, Серега, неожиданно став серьезным, понизил голос и спросил:

– Я надеюсь, вы там ничего не «затрофеили»? Учти, Илья, дело будет на таком контроле, что самая мелкая вдруг всплывшая цапка может всем жизнь испортить...

– Нет, все ссыпали обратно. Я же понимаю. Единственно – вот... – Мотнув вещмешком, я расстроено пожал плечами. – Это сразу не скинули, теперь таскаемся как дураки с писаной торбой...

Гусев молча посмотрел на «сидор», зачем-то одернул китель и, издав горлом странный звук, ухватил меня за рукав и поволок в сторону ближайшей казармы. Там, зайдя в расположение и убедившись в отсутствии посторонних ушей, подозрительно ласково поинтересовался:

– Что у тебя в этом вещмешке?

– Я же говорю – один слиток, что мне ребята показывали, так и болтался с нами всю дорогу. Я о нем забыл, а потом вообще все резко завертелось, поэтому только сейчас и вспомнил про это золото. Но не это главное!

– Завертелось, говоришь, – прошипел Серега, после чего стал густо краснеть и, задыхаясь, расстегнул верхнюю пуговицу кителя. – Не это главное, говоришь?!

А потом командир стал реветь, как атомоход в тумане. В этом реве было все: и то, что он думает обо мне, и мысли о моей группе, и даже красочные описания нашего будущего, выданные исключительно в матерных и мрачных тонах. Я, помня себя десятью минутами раньше и отношение ребят к моему ору, спокойно стоял, не возражая, лишь кивая в нужных местах.

Но Гусев распалялся все больше, и в конце концов, когда мне это надоело, я начал орать в ответ. В запале даже пнул валяющийся мешок, ушибив себе палец, а после этого мы оба как-то быстро успокоились. Командир пытался еще чего-то вякать, но уже без души, а я, пообещав заслать его в пеший сексуальный маршрут, окончательно убедил Гусева в отсутствии у меня мыслей прикарманить этот долбанный кусок аурума. Потом мы помолчали, и командир, в знак примирения протянувший мне свою коробку папирос, спросил:

– А что ты все время говорил про «неглавное»? Чего вы там еще нарыли?

Вытянув папиросу, я, подняв палец, ответил:

– Вот! Вот с этого и нужно было начинать, а не орать кастрированным бегемотом!

– Ладно, хватит! Просто все это очень серьезно... Поверь мне на слово, золото – это такая сволочная вещь, которая не одну жизнь изломала. Вот я за вас и испугался... неужели поддались?

– Нет, – тоже став серьезным, я покачал головой, – даже в мыслях не было. Честно скажу – будь там всего десяток монет, то на сувениры бы их разобрали и все. Да еще и перед тобой похвастались такими прикольными трофеями. А здесь... здесь Серега масштабы совершенно иные. Государственные... Поэтому тот металл нами как золото и не воспринимался даже...

Командир, проникнувшись моими словами, покивал, а потом, ткнув кулаком в плечо, выдал:

– Ты извини, что я так на тебя распалился.

– Проехали! А теперь про главное! Я докладывал, что мы взяли «языка». Так вот пока ты ехал сюда, я его успел слегка расспросить. Знаешь, кем он оказался?

Собеседник вопросительно поднял бровь, и я принялся рассказывать внимательно слушавшему Гусеву результаты допроса штандартенфюрера СС Карла Густава Вельдберга.

Глава 8

– Но до меня хоть доведут итоги?

– Все, что будет необходимо в рамках твоей компетенции, доведут.

Командир ответил таким спокойным голосом, что стало понятно – можно даже не трепыхаться. Результаты операции по захвату ряженой подлодки до меня действительно доведут: в строго необходимых для дальнейшей работы объемах. То есть скорее всего – никак. Этим делом теперь занимаются совершенно другие люди, а мы после четырех дней перекрестных допросов и составления целой кучи рапортов опять сидели у себя на базе.

Вообще, конечно, странно... На кенигсбергскую операцию по нахождению каких-либо следов школы «Старой Магды» нам давалось три дня, после чего группа должна была отбыть в Гарц. Никакой школы мы, конечно, так и не обнаружили, да и глупо было бы ожидать другого. Этих поклонников престарелой Магды с прошлого века пытались найти, но они находились только тогда, когда им это было выгодно. Судя по всему, в сотрудничестве с советскими оккупационными войсками они никакой выгоды для себя не видели, вот и легли на дно. А может, и вообще давно сбежали от быстро надвигающегося фронта. Ведь тот мешочек с перстнями вовсе не означал, что вся эта организация во главе с магистрами будет водить вокруг него хороводы. Масштаб у них не тот, чтобы за подобную мелочь переживать.

Конечно, хрен его знает, как он оказался в подземельях, но сейчас эти катакомбы активно трясут спецгруппы НКВД, поэтому все, что там есть, будет извлечено на свет божий. И если найдут хвосты «Кенигсберга 13», то уж эту ниточку не упустят. Правда, насколько я успел за это время узнать – основные ходы все-таки оказались затопленными, а в других ребята чуть не каждый день напарываются на хитрые минные ловушки, но даже то, что уже накопили, превосходило самые смелые ожидания. Конкретно по чужим находкам ничего сказать не могу, так как Рыков на прямые вопросы только закатывал глаза и многозначительно мычал, но я ориентировался по нашим трофеям. Тринадцать с лишним тонн золота это вам не цапки-пецки! А те ящики с чертежами оказались документацией на жидкостные ракетные двигатели Вальтера. Как они там оказались, можно только предполагать. Скорее всего, все эти бумаги были из подземного затопленного завода, что находился под Кенигсбергом. Там, по данным разведки, активно работали над какой-то высокоскоростной торпедой, схемы которой нашлись среди тех же ящиков.

И теперь получается, что цена этих документов вполне сравнима с ценой найденного золота. Ведь эта торпеда или ракета (черт знает, как ее правильно называть) аналогов не имеет. То есть ближайший аналог – это СПР «Шквал», которая будет стоять на вооружении в далеком будущем. ТТХ этой штуки мне, конечно, никто не рассказывал, но сам факт того, с какой скоростью все эти ящики были отправлены в наш глубокий тыл, говорит сам за себя. Мне Серега рассказал, что сначала эти ящики, в отличие от золота, хранились прямо в здании комендатуры. Но потом, когда из Москвы приехали четверо очкариков, все забегали как наскипидаренные. Эту документацию даже не рискнули отправить самолетом, а выделили специальный литерный состав. И охраны чуть не три вагона.

А мы все сидели и сидели на своей базе безвылазно. Уже прошли все опросы, сверки, составление отчетов и написание рапортов, только спецгруппа никуда так и не передислоцировалась. Гусев на все вопросы относительно дальнейших планов отвечает просто: «Занимайтесь по распорядку» – и с самого утра, прыгая в джип, укатывает в штаб фронта. Поэтому после его отъездов приступаем к «занятиям», то есть: спим, трескаем яблоки с соседних садов, слушаем сводки, болтаем и наблюдаем за странными и поначалу загадочными для меня отношениями между Нечипоренко и хозяйкой соседнего хуторка.

Гриня, имеющий жену с двумя малолетними дочерьми, в последние полгода крепился изо всех сил и в походах налево замечен не был. Да и ходить-то особо стало некуда. Это ведь не Россия да и не Украина с Белоруссией, где на постое всегда можно найти подходящую бабенку и договориться с ней о скоротечном лямуре, упирая на то, что «война все спишет». Здесь, как ни крути – Германия, и возникший в связи с этим непреодолимый языковой барьер, мешающий в полной мере рассказать о пусть и скоротечных, но больших и светлых чувствах. Можно, конечно, было объясниться на пальцах, что в общем-то наши бойцы периодически и делали, но у старшины никак не получалось показать мимикой, что же он собственно хочет. Немки здоровенного парнягу с шикарными усами пугались и старались убежать в самом начале беседы, от чего Гриня молча страдал.

В попытках изучения ненавистного, но оказавшегося столь нужным языка, он даже пытался обратиться за помощью ко мне. Только вот момент выбрал неудачный – настроение у меня было игривое и, узнав, зачем нашему хохлу понадобилось знание немецкого, быстренько написал ему на бумажке наиболее ходовые фразы из виденной мною полста лет

тому вперед немецкой порнухи. Уж не знаю, как именно Нечипоренко применял сакраментальные «дас ист фантастиш» и «о-о-о я, я, натюрлих», но старшина после первой же попытки вернулся сильно обиженным и не разговаривал со мной целую неделю.

И здесь вдруг неожиданно показала себя смычка крепкого трудового крестьянства и чахлой интеллигенции. Когда я в первый раз увидел сидящих рядышком и мирно беседующих Бибина и Нечипоренко, то чуть не упал! Семка же неожиданно для всех оказался прекрасным учителем, а после того как Гриня успешно применил полученные знания, у старшины появился новый любимчик. Теперь новые портянки, погоны, подворотнички и прочие ништяки мамлей получал в первую очередь.

Правда, побочным эффектом этих лингвистических изысков стало то, что Нечипоренко начал изъясняться, как Савва Игнатьевич из фильма «Покровские ворота». А если учесть, что старшина и по-русски говорил с непередаваемым украинским акцентом, то слушать его без улыбки стало совершенно невозможно.

Но Нечипоренко это совсем не смущало, и практически каждый день он в сопровождении двух-трех добровольцев часа по два проводил на соседнем хуторе. Мы поначалу были в недоумении от количества ухажеров, ходящих к немке. Что такое группенсекс сейчас, может, и знают, но вот на практике его применять считается очень неприличным. Да и Гриня подобного не потерпел бы, не говоря уже об Ирме, хозяйке хуторка, обремененной парализованным дедом и четырьмя детьми.

После их первого похода я целый день терзался любопытством, моделируя ситуацию и так и эдак. Спрашивать ни у Гусева, ни у Покатилова, с чего это наши бойцы толпой ходят к немке, не хотелось. Думал сделать разминку для мозгов и расколоть этот орешек по методу Холмса. Но, вероятно, с дедукцией у меня напряги, поэтому не выдержал и послал на разведку Гека. Быстро обернувшийся Пучков доложил, что наши ребята занимаются там обычной хозяйственной деятельностью. То есть чинят свинарник и поправляют завалившийся забор. К хозяйке приставаний не наблюдается совершенно. Бойцы, глядя на нее, только улыбаются, но рук не распускают. Нечипоренко же выступает в роли переводчика и основной рабочей силы.

Полностью заинтригованный этим докладом, я поймал старшину, возвращающегося с очередного похода, и, зажав его в угол, прямо спросил:

– Григорий Богданович, скажи-ка мне как на духу – ты альтруист?

– Шо-о-о?

Глядя на раздувающегося, словно рыба-шар, собеседника, я быстро добавил:

– Стоп! Не надо так страшно шевелить ушами и краснеть глазом! Альтруист – это вовсе не то, что ты подумал!

А потом, почесав затылок и осмотрев сопящего Гриню еще раз, перефразировал вопрос:

– Ты зачем к немке ходишь? Да еще и бойцов с собой берешь?

Вспомнивший о субординации, старшина осторожно ответил:

– Так вже товарищу ген... отставить. Товарищу полковник добро дал!

– То, что Гусев разрешил, я и сам догадался. У нас здесь воинское подразделение, а не слет юных натуралистов. Без ведома командира никаких движений не делается. Но я тебя спрашиваю, с какого переполоху вы у Ирмы стройку затеяли?

От этого вопроса Нечипоренко засмутился и, только что не шаркнув ножкой, ответил:

– Стосковалися мы с хлопцами по работе. Все война, война... А тут забор поправил и как будто дома побывал... Ребятишки вокруг бегают, смеются... сад как подле моей хаты...

Гриня, говоривший все тише и тише, под конец вообще замолк, а я, слушая его излияния, только и смог что выдать из себя:

– Офигеть...

Тогда, отпустив собеседника, я потопал к себе в расположение, по пути соображая, что о причинах мог бы догадаться и сам. Ведь очень часто замечал, с какой тоской наши ребята,

в основном призванные из деревень, периодически смотрят на невспаханные поля или сгоревшую пшеницу. Мне, урбанизированному жителю, этого не понять.

Зато теперь, увидев старшину с бойцами, идущих к ближнему фольварку, я опять вспомнил этот разговор. И разговор и ощущения, оставшиеся после таких простых Гришкиных слов. Состояние тогда было... в общем хреновое...

Вот и сейчас накатило... Блин! Неужели я действительно настолько бесчувственный чурбан, которому все до лампочки? Но ведь не все, точно знаю, что не все! Просто реагирую на окружающее и происходящее немного по-другому, чем остальные люди. Тогда почему Гришка на меня тогда смотрел, как на дите неразумное? Встав с лавочки, я побрел по дороге, идущей вокруг нашей усадьбы, пытаюсь впервые за долгое время заняться самокопанием. Почему очень многое проходит мимо меня? Не задевает так, как окружающих? Ведь хоть и воюю вместе с ними, но как будто не по-настоящему. Без того надрыва, что есть в остальных людях.

Может, оттого, что знаю, чем, что и как все закончится. Знаю и то, что будет со мной, если сегодня или завтра убьют. Да и вообще: ощущаю себя персонажем исторического фильма, самые страшные события которого если и цепляют душу, то гораздо меньше, чем этих мужиков. Я ведь все это видел. Еще в детстве видел. И поля, забитые сгоревшими танками, и разрушенные города, и черные остовы печей, оставшихся на месте сожженных хат. Пусть и в хронике, но большую часть эмоций отпереживал еще тогда.

Хотя, с другой стороны, когда мы ездили в первый крупный освобожденный концлагерь, увиденное оказалось таким же шоком, как для остальных. Причем настолько сильным, что после посещения лагеря нажрался до полной отключки, хоть и зарекался этого не делать. Просто опыт опыту рознь. К виду трупов я уже привык, и за нутро зацепились даже не ямы, заваленные похожими на мумии телами, а оставшиеся в живых. Это было по-настоящему страшно...

Еще я всем творцам готов был молиться, чтобы тот лагерь был не детский. Тогда моя группа, во главе с командиром, имела бы реальный шанс поехать крышей. Но и взрослые, которые весят по двадцать килограммов, пахнут неотличимо от лежащих в ямах – и все как один с огромными глазами, недели две не давали толком уснуть.

И ведь угораздило нас сразу попасть не в рабочий, не в пересыльный, а именно в лагерь уничтожения! Подслушанный же разговор армейских медиков, которые осматривали заключенных, добил окончательно. Оказывается, практически никого из освобожденных было уже не спасти. Поздно – крайняя стадия истощения. У них ведь почему глаза такие большие – в последнюю очередь организм вытягивает жир из век, и если это случилось, то все – шансов нет. И эти глаза, в которых стояла беспросветная боль, меня преследовали очень долго...

Так что в некоторых случаях и опыт прошлой жизни не спасал. Именно тогда я понял чувства бойцов, которые перли на пулеметы даже не стреляя, а мечтая вогнать во врага штык или просто вцепиться ему в горло. Такое бывает, когда пуля не приносит удовлетворения, когда хочется рвать тех сук собственными руками. Хорошо еще, что Колычев, который в то время был нашим командиром, поняв состояние подчиненных, почти полмесяца не выпускал нас за передок. Иван Петрович, глядя на наши лица, тогда только крякнул и сказал:

– В дальнейшем подобные выезды запрещаю. Одни раз глянули и хватит! Это для пехоты полезно – боевую ярость повышать, а вы же теперь всех «языков» прямо на месте пластать будете, пока жажду крови не утолите.

Ох, прав был мудрый «полковник»...

Хотя знание того, что увижу, в основном все-таки выручало. Вон, осенью сорок первого, когда мы возвращались с рейда и заметили, как зондеркоманда сгоняет людей в большой овин, я *знал*, что последует дальше, поэтому быстро увел своих ребят оттуда. Были большие сомнения, что у разведчиков хватит выдержки только наблюдать. Уходя, палец себе изгрыз, но в бой так и не ввязался.

Мужики еще удивлялись, почему мы оттуда бежали, как от облавы – на рывок. А я

рассказал, что там готовилось, только когда добрались до базы. Так мне сначала чуть морду не пбили, но потом, остыв, признали, что сделал все правильно: мы бы и людей не спасли и здесь три дивизии в котле без наших данных оказались бы. Но что характерно – каждый сознался, что даже зная о важности добытой информации, они от неожиданности и шока вполне могли начать стрелять. А я просто был *готов* к тому, что увижу. И эта готовность почти всегда давала мне выдержку. Поэтому даже самое страшное воспринималось как будто со стороны и как давно пережитое. Ну, за редким исключением...

Но ведь остальные все это видят впервые и жизни в запасе тоже не имеют. Поэтому и отношение, и взгляды на эту самую жизнь у нас несколько разнятся. Даже сейчас, привыкнув к зверствам, встречавшимся им каждый день на войне, они не могут себе представить, что в мирное время кто-то может украсть ребенка и посылать его родителям по частям с требованием выкупа. А я вполне могу, потому что в моем времени это – свершившиеся факты. Они не могут себе представить, что в будущем кто-то может резать ошалевшим от страха пацанам головы, а потом пленку демонстрировать широкой общественности да еще и похвалиться при этом, выдавая свои зверства за «героическую борьбу с оккупантами». И общественность бы это хавала...

Эх, блин! Да что же у нас все раком-то получается?! Ведь и сейчас пленному голову могут отрезать, но от такого «героя» отвернутся свои же, посчитав за опасного маньяка. А в «светлом будущем» – нормально.

И ведь еще одна странность – *там* были и знакомые и приятели, но вот друзей было очень мало. Их я приобрел именно тут. Да и какие раньше могли быть друзья? Институтские? Раскидало нас сильно, так же как с армейскими. А позже пошла новая жизнь с весьма своеобразными знакомствами. И быть в авторитете среди сва-а-их па-а-ца-а-нов, с гнутыми пальцами, вовсе не значит иметь там же друзей. Хотя и в том круге нормальные люди встречались...

М-да... помню, помню, как я тоже какое-то время ходил с распальцовкой. А потом, неожиданно даже для себя, решил со всем этим кончать. Видно, давно зрело, но последней каплей, как это ни смешно, стала услышанная песня. Автора точно не назову – вроде фамилия Трофимов или звать Трофим, зато слова запомнил крепко:

Летним вечером, тихим вечером
Вышел я до ларька табачного,
Там старушка в платочке клетчатом
Христа ради деньжата клянчила,
Дал я ей пять тыщ: – На вон, на обед
Или фруктами, вон, побалуйся.
А она прошептала мне в ответ:
– Вона как оно, не задалось-то...

Говорю я ей: – Зря ты, бабка, так,
Посмотри, как люди поднялись-то,
Если жить с умом, будет все ништяк,
А ума-то у нас прибавилось!
А что деньги разрухой нажиты,
Так ведь каяться будем в старости.
А она отвечала все так же мне:
– Вона как оно, не задалось-то...

А потом меня будто прорвало,
Стал я бабушке вдруг рассказывать,
Что куда ни глянь, так одно фуфло
И что с этим пора завязывать,

Ведь во мне самом, как ни вороши,
Не найти ни добра, ни жалости.
А в ответ, будто стон моей души:
– Вона как оно, не задалось-то...

Я пошел домой, а она вослед
Все крестила да причитала мне,
А вокруг нее то ли божий свет,
То ли солнце садится алое...

Тогда, прослушав диск и почесав затылок, понял, что с добром и жалостью у меня действительно появились сильные напряжения. Да и вообще, от прежнего Илюхи почти ничего не осталось. Поэтому заявился к «браткам» и сказал – все, ухожу. Открою свое дело и буду стараться жить по-человечески. Объяснил, что да почему. Больше всего тогда поразило не то, что меня не удерживали (это только в чернушных, напроць оторванных от жизни боевиках бывает), а то, что со мной решили уйти еще двое, причем по похожим причинам.

И кх-гм... кстати, они потом и стали мне теми, кого можно смело назвать друзьями. Только Сашка Морозов в политику подался и все время в Москве пропадает, поэтому видимся редко, зато с Игнатом пересекаемся чуть ли не каждый день. То есть пересекались... Вот они там, наверное, на ухах стояли, когда я пропал. В принципе, что Сашка, что Игнат вполне могли такого шороху навести в поисках своего друга, что я никому не позавидую. Особенно Морозов, который сейчас при власти. Ему только попадись под горячую руку...

М-да... зато за отца можно быть спокойным – ребята его точно не оставят. Хотя, что это я? Те голоса в голове говорили, что вернут меня в то же место и в то же время, откуда взяли. Значит, *там* я еще не потерялся. Или как? Блин, насколько все запутано получается... Вот что, например, будет, когда я вернусь обратно? После того, что наворотил *здесь*, оказаться на своей машине да на той дороге шансов ведь практически нет. Или машина будет другая, или дорога, или... Или все будет по-прежнему.

Но тогда выходит, что я был не в нашем прошлом, а в каком-то параллельном. Хотя стоп. Если про это думать, то сразу жить не хочется. Ведь в этом случае получается, что все мои усилия были напрасными.

М-м... тряхнув головой, я злобно ощерился. А вот шиш вам! Как же – напрасными! Я ведь вижу, что происходит. И даже если это какое-то параллельное время, то и черт с ним! Мне по барабану: «параллельный» тот же Пучков или «перпендикулярный». Я за него любого, глотку кому хочешь порву. Так же как и за остальных своих мужиков. Да и не только за них!

И себя я наконец чувствую на месте именно здесь. Появилась *цель*! Не какие-то мелкие торгашеские метания и бессильная тоска от невозможности что-то изменить, а настоящее *дело*! И это не только о Победе говорю, а вообще обо всем. Не нравилась мне тогдашняя жизнь, вот судьба и сделала подарок – мол, меняй! Или ты только трындеть можешь? Хотя, как теперь выясняется – не только трындеть. Поэтому сейчас со смехом вспоминается знакомый менеджер, который в пустопорожном споре, затеянном в офисе во время перерыва, пытался доказать, что, даже попав в прошлое, один человек ничего не сможет изменить. И ведь почти убедил, собака злая! Но сейчас бы я и слова и аргументы нашел, чтобы его переспорить.

Тут ведь все зависит и от способностей конкретной личности, и от направления прилагаемых усилий. Ну и от удачи конечно же. Вот не попади я в спецгруппу с самого начала, то о *глобальных* изменениях можно было бы и не мечтать. Но фортуна была на моей стороне, поэтому получилось встретиться с Верховным достаточно быстро. И с этого момента история пошла другим путем.

Хотя нет... Она стала другой с первой минуты моего пребывания здесь – ведь я еще был практически никем, когда немцы на четыре дня позже взяли Киев. Почему? Уж не

потому ли, что некий Лисов с пограничниками смогли уничтожить боеприпасы артполка? И это если брать только по-крупному и проследить прямую связь. А сколько мы мелких пакостей оккупантам наделали? Ведь в жизни все взаимосвязано, и когда одно цепляется за другое, то результат может выйти совершенно неожиданный. Вполне возможно, что, подстрелив очередного курьера, мы задержали приказ о начале передислокации целой дивизии, а за это время какие-то наши войска смогли выйти из-под удара. Могло такое быть? Еще как могло! И немцев люди Сухова тогда настреляли немерено, хотя, по всем раскладам, должны были тихо прорасти травой, оставшись в полном составе на позициях погранотряда. А обстрелы и уничтожение колонн? А минирование небольших мостов? А тот «мерседес» с убитым оберстом?

Не-ет... я еще до появления в спецгруппе таких дел наворотил, что это стало сказываться. Пусть и по мелочи, но стало. Так что даже один человек, владеющий нужной информацией, вполне может поменять ход событий! Вот только интересно, в этом варианте истории я, который должен родиться в будущем, вообще появлюсь? В смысле – встретятся ли мои родители? А если копнуть глубже, то встретятся ли деды-бабки? И ведь не перепроверишь. Папа и мама у меня детдомовские, поэтому о более далеких своих предках я не знаю вообще ничего...

Би-бип!

Раздавшийся прямо за спиной хриплый сигнал моментально прогнал заумные мысли, заставив подпрыгнуть и развернуться в воздухе. После этого трюка увидел в полушаге от себя «виллис», в котором сидел скалящий зубы командир. Его водитель, наоборот, сохранял каменное выражение на физиономии, но глазами сдавал Гусева с потрохами: дескать, это товарищ генерал-майор так шутит, а он, простой крутильщик баранки, тут ни при чем. Хе! Опасается, так как знает: за мной если что – не заржавеет. Но ничего, я и Гамаюна тоже как-нибудь подловлю...

Составляя план мести коварному Сереге и уже открывая рот для предварительного ругательства, я был остановлен его вопросом:

– Ты чего, как вареный, тут бродишь? Мы уже метров тридцать за тобой катимся, а ты и ухом не ведешь! Тоже мне – разведчик! У хорошего разведчика глаза и на затылке должны присутствовать! И слух должен...

– Ага – и нюх как у собаки, и глаз как у орла! Ничего, сочтемся!

Разошедшийся командир моими последними словами был резко остановлен. Видимо, ему вовсе не хотелось в ближайшем времени получить неожиданную обратку, поэтому он, выпрыгнув из джипа, уже другим тоном спросил:

– Все нормально?

– Да нормально все. Просто задумался...

– Задумался – это хорошо. Пойдем, вместе подумаем.

Опаньки! Судя по загадочной физиономии Гусева, наше здешнее бессмысленное сидение в скором времени закончится. Освободив локоть, за который Серега тащил меня в дом, я поинтересовался:

– Никак новые вводные поступили?

– Поступили.

– Вельдберг в столице «запел»?

– И он тоже. Но не это главное. Главное то, что сегодня вечером мы передислоцируемся.

– В Германию?

– Нет. Прямо наоборот.

Замолчав и идя следом, я обдумывал его слова. Интересно, куда это – «наоборот»? Не на Дальний Восток же? Если бы вызывали в Москву, то командир так таинственно не отвечал. Дело привычное. Тогда что еще может быть? Непонятно... Да ладно, чего тут гадать – дойдем до кабинета, сам все расскажет.

То, что я не стал предугадывать, что значит «наоборот», показало мою прозорливость. Один черт не угадал бы. А так, пройдя через двойные двери в апартаменты командира, мы расположились за столом и, дождавшись, когда ординарец принесет чайник, два больших стакана и бутерброды из хлеба с консервированной колбасой, я услышал наводящий вопрос:

– Про аэродром под Ровно знаешь?

– Какой именно?

– Который выделили под базу для американских бомбардировщиков.

– Хм... Где именно он находится – до этого момента не знал. А про сам факт базирования знаю. Ты месяца три назад сам эти сведения доводил. Только местонахождения не указывал.

– Теперь указал...

Об этом сверхсекретном аэродроме Серега действительно мне говорил чуть более трех месяцев назад. В моем времени что-то подобное было под Полтавой, но здесь война шла по-другому. Поэтому, наверное, аэродром и оказался гораздо западнее. Только сейчас, когда я узнал о его местоположении, то все равно офигел. Это же надо – нашли местечко для базирования американских Б-17, совершающих челночные рейсы из Англии и Италии. Худший змеюшник и представить сложно. Командир хотел было продолжить, но я зная, что собой представляют окрестности Ровно, его перебил:

– Тогда в связи с этим у меня есть вопрос. Какой идиот решил организовать стоянку «крепостей» именно там? Ведь в тех местах от «мельниковцев» не протолкнуться! Да и АКовцы шалят частенько. Ты сводки вспомни! А теперь что? Его уже немцы небось в блин раскатали? Или «зеленые братья» там всех перебили да в леса ушли? А нас хотят по их следу пустить? Мстю устроить? Так мстю надо устроить тому, кто его разместил в ровненских лесах, а не под Полтавой! Чем вообще думали? Жопой?

Я весь кипел, пытаюсь продолжить дальше, но Гусев жестом остановил раздухарившегося подчиненного и спокойно ответил:

– С чего ты взял что там что-то произошло? Район мягко зачистили, а существующий бывший немецкий аэродром расширили и укрепили. Все окрестности плотно контролируются. Аэродром активно функционирует больше двух месяцев, но ни терактов, ни немецких налетов не было. И не будет, потому что уровень секретности высочайший. Так что хватит пениться огнетушителем. Тем более что вопросы безопасности этой базы нас не касаются никаким боком.

– Не понял?

– А как бы ты что-то понял, если постоянно орешь и перебиваешь?

– Извини. Я весь во внимании.

Серега победно хмыкнул и, помолчав несколько секунд, чтобы убедиться, что я действительно готов молча слушать, выдал:

– Через десять дней на этот аэродром прибывает товарищ «Михайлов».

Услышав эти слова, я вытаращил глаза и задал законный вопрос:

– На фиг? Чего Верховный там забыл?

Гусев, шумно отхлебывая из стакана, пожал плечами:

– Мне не докладывали. Просто поставили задачу. А товарищ Сталин приезжает туда с инспекцией. Заодно, наверное, посмотреть, как разместили иностранный летный и технический персонал. Власик со своими людьми уже там. Так что сегодня вечером мы и радисты вылетаем в Козлич. Остальные – пока ждут нас здесь.

– Все равно – странно. При чем тут мы? Сталин на фронт раза три выезжал, но нас до этого момента никогда не задействовали. А тут вдруг – на тебе! Тем более – аэродром в нашем глубоком тылу находится...

– Девять.

– Что «девять»?

– Девять раз Иосиф Виссарионович был на передовой. А для чего мы там нужны,

сможешь сам поинтересоваться у генерал-полковника Колычева. Он тоже там будет.

– Да ну на фиг!

Узнав о скорой встрече с Иваном Петровичем, я искренне обрадовался. Во-первых, соскучился, а во-вторых, некоторые вопросы прояснить можно будет. В частности, по поводу местонахождения базы «крепостей». Я ведь докладывал, что в моем времени она была под Полтавой. Ладно, ситуация совершенно другая, но ведь меру знать надо? Они бы еще в Жовке иностранных летчиков расположили! Надо же додуматься – впереться на Западную Украину с таким объектом! Если на востоке все более или менее спокойно, то в тех местах обстановка очень напряженная. Бандера, тот который Степан, до сих пор так и не появился, возможно, сгинув в немецком лагере с концами, но и без него нервотрепки хватает.

Украинские националисты постоянно шебаршатся в лесах, воюя как с нашими, так и с польской Армией Крайовой. Но большей частью и те и другие долбают «клятых москалей». Это их основное времяпровождение. И ведь, гады, действуют очень грамотно, взяв на вооружение тактику наших партизанских отрядов и террор-групп. А угомонится там все очень, очень не скоро. Точно не скажу, но последних лесовиков гоняли вроде до конца пятидесятых. И вот в это шикарное кубло какая-то умная голова решила запихнуть первый совместный советско-американский проект. Не-е-ет... Я у Ивана Петровича поинтересуюсь именем этой головы. И постараюсь, чтобы она недолго у владельца на плечах оставалась! Дурошлепов, конечно, везде хватает, но тут не просто дуростью пахнет... И как Колычев это пропустил мимо себя?

– Я так и знал, что встреча с командиром тебя обрадует. Но помимо странного выражения радости, у тебя вопросы есть?

Спокойный голос Гусева оторвал меня от кроважанных мыслей, и я кивнул:

– Есть, как не быть. Только по поводу бомберов буду прояснять на месте, а сейчас интересует, что еще сказал мой «язык» и как обстоят дела с подлодкой? Кто ее «работать» будет, мы или СМЕРШ? В смысле – НКВД или армейцы?

– О-о-о... Вельдберг много чего наговорил. Столько, что даже меня информировали только частично.

– А немного конкретней можно?

– Можно и конкретней. Но тебе вполне достаточно будет знать, что пленный действительно выполнял функции главного наблюдателя и координатора группы армий «Север» от СС. Только, что для нас сейчас важнее, помимо этого, он имел отношение к проработке каналов эвакуации наиболее значимых членов нацистской партии и СС.

– К «ODESSA»?

– Не понял, какая Одесса?

– Да нет, не город! А Organization der ehemaligen SS-Angehörigen. В моем времени они, правда, лишь после капитуляции активную деятельность развернули, но сейчас ведь все идет по-другому...

– Ты Колычеву про это докладывал?

Гусев, заметно волнуясь, привстал со стула, но я его успокоил:

– Само собой. Еще зимой из меня все вытряхнули. Даже то, чего не помнил. В том числе и про ODESSA.

– Это хорошо... – Серега, успокоившись, закурил и, с сомнением качая головой, продолжил: – Но у них не организация, а только план работ под грифом «Совершенно секретно» и кодовым наименованием «Осенние листья». Да и не могли они сейчас так называться. Ведь переводится твоя ODESSA как – «Организация бывших членов СС». А эти сволочи пока – вовсе даже не бывшие.

– Да уж... Действующие еще как. Но меня еще интересует, а как партайгеноссе Адольф к этому пораженческому плану относится? Гитлер же сейчас совсем плох. Весь на нервах, да и заговоры ему всюду мерещатся. Шлепнет под горячую руку всех паникеров – и на этом «листья» закончатся. Или с такой опасной информацией любимого фюрера решили

прокатить?

Командир на эту реплику только кивнул:

– По словам пленного, Гитлер к этому, действительно, не имеет отношения. План осуществляется в тайне от бесноватого. Курирует все непосредственно Гиммлер. Но он еще тот лис, поэтому в случае утечки информации в верха у него есть железобетонное прикрытие.

– Понятно. А помимо налаживания каналов эвакуации, чем они еще собирались заниматься?

– Планы у них грандиозные. – Гусев развел руки, как будто показывал пойманную рыбу. – Сначала они рассчитывали на обычную работу в подполье. Но потом нашелся кто-то умный из немецких аналитиков, просчитавший возможные последствия поворота политики после окончания войны. Поэтому и общая задача стала гораздо глобальнее: начиная от помощи при устройстве на работу до реабилитации перед немецким народом эсэсовских преступников. Дескать, они вовсе не преступники, а такие же патриоты Германии, как и остальные немцы. Ну и плюс, конечно, проникновение во вновь создаваемые в будущем политические партии, продвижение своих людей на высокие посты в промышленности, поиски сторонников в местах будущей эвакуации и в конечном итоге – возрождение организации, а в дальнейшем и рейха.

– Пупок развяжется.

– Разумеется, но вот до этого крови еще попортят немало... Они ведь по всему миру расползтись готовятся: Латинская Америка, Африка, Швейцария, Испания, арабский Восток. И самое гадство, что Вельдберг осведомлен только о малой части каналов ухода. Его совсем недавно привлекли к этой работе, и он даже вникнуть толком ни во что не успел. Да и не очень хотел, так как решил сыграть в свою игру.

При этих словах я фыркнул, прокомментировав:

– Конечно. Десяток тонн золота в Новой Зеландии гораздо предпочтительней, чем работа на зарплату в джунглях Колумбии. И кстати про золото. Так кто лодку брать будет? Мы ведь ее, считай, на блюдечке с голубой каемочкой этим счастливицам преподнесли. Они могут себе заранее дырочки для орденов вертеть! Подлодка, насколько я помню, завтра должна прийти?

Серега вместо ответа неожиданно насупился и раздраженно ответил:

– Дырочки говоришь сверлить? Хер в букете, а не дырочки!

Опешив от подобного тона, я удивленно поинтересовался:

– А чего это ты заранее кипешишь?

– Да вовсе не заранее. – Командир махнул рукой. – Никакой лодки не будет! Радиста ведь вы положили, а противник сразу заинтересовался, почему это у «маркони» на очередном сеансе связи почерк изменился?

– О как! Теперь, значит, мы еще и виноватые? Ну прости, отец родной, что я не предполагал в этих подземельях встретить подобную группу! А то бежал бы впереди всех и участливо интересовался у отстреливающихся фрицев: не подскажете ли, любезные, кто из вас на радию работает?

Я ехидно изобразил полупоклон и мимикой показал, как бы это выглядело, но Гусев только поморщился:

– Да при чем здесь вы? Ты со своими ребятами на «отлично» сработал! А вот потом...

– Что потом?

– Что, что... Наши на запрос ответили, что радист во время переноски груза был сильно придавлен вагонеткой и работать на ключе сейчас не в состоянии.

– Нормально ответили. Как объяснение появления другого человека на связи вполне подходит.

– Это да. Только на той стороне что-то заподозрили и затребовали встречи Вельдберга со своим агентом. Место назначили возле пакгаузов. Отвертеться от свидания, аргументируя это опасностью появления на поверхности, не получилось. Англичане все проигнорировали

да еще пригрозили отменить операцию.

– Оп-па! А это уже гораздо хуже.

– В том-то и дело. Но командование решило – твоим ценным «языком» рисковать нельзя ни в коем случае, поэтому загримировали сотрудника НКГБ под немца. Хорошо загримировали, только агент его все равно раскусил. Они ведь за несколько дней до этого с немцем встречались, поэтому тяжело было не распознать подмену.

– Так это и ежу ясно. Но я не врубаюсь, на что наши вообще надеялись? То, что Вельдберга на встречу не отпустили, еще можно понять – его голова десятка таких лодок стоит и мало ли что на той свиданке произойдет? Только ведь то, что англичанин подмену раскусит, сразу можно было бы догадаться. И если это произошло, то агента надо было там же, на месте, вязать – и всех делов.

После моих слов командир только вздохнул:

– В общем-то так и думали сделать. Только хотели взять агента после встречи, желательно на его квартире, чтобы посторонних глаз не было. Экспресс-методом склонить к сотрудничеству и продолжить игру дальше. Но никто не рассчитывал на то, что произошло после завершения свидания. Агент, распрощавшись с нашим сотрудником, пошел в сторону Ландсбергер-аллее. Сменяющиеся пары особистов двинули за ним. А когда он свернул на Грюнштрассе, то получил пулю в голову из винтовки.

– Фигассе! Свои же замочили?

– В том-то и дело. Англичанин, видимо, когда понял, что перед ним не Вельдберг, подал знак наблюдающему издали человеку. А они решили жестко обрубить концы...

Я растерянно почесал затылок, а потом прикинув варианты, покачал головой:

– Что-то не вяжется. Резидента бы постарались спасти, заранее просчитав ситуацию и обеспечив ему пути отхода. Но вот так...

– А это был не резидент. Вельдберг при допросе показал, что когда передавал карты фарватера, на встрече было два английских разведчика. Один мужик лет тридцати пяти и с ним парень помоложе. Так на встречу с нашими особистами пришел молодой...

М-да... Круто лайми играют. Видимо прикинув, что просчитанный на случай провала вариант отхода может не сработать, они предпочли ликвидировать своего человека. А может, и весь этот вариант был чистой фикцией, лишь бы успокоить связного. Как работает СМЕРШ, англы знают достаточно хорошо и иллюзий не питают. То есть, конечно, с этим молодым обсудили пути экстренной эвакуации, если с Вельдбергом возникнут какие-то проблемы. Но при этом посадили своего человека со снайперкой в один из домов. И когда связной подал знак, то подписал себе смертный приговор, без вариантов. Только интересно, а если бы на встречу пришел мой «язык» собственной персоной? Ведь тогда все могло бы выгореть? Поделившись этой мыслью с Гусевым, получил ответ:

– В МИ-6 не дураки сидят и отлично понимают, что стоит русским захватить Вельдберга, то ни на какие встречи ни под каким видом его уже не пустят – слишком значительная фигура. Так что его непоявление или появление любого другого вместо него могло означать только одно – немцев взяли и операцию можно отменять. Но связной увидел именно Вельдберга – там гримеры постарались на славу и мать родная не отличила бы гэбешника от фрица. И только в процессе разговора англичанин, видимо, обнаружил подмену.

Я хмыкнул:

– Но тогда получается, что они просчитали даже появление двойника. Ведь если бы там моего фрица не оказалось, то и агент бы не появился. Если же Карл был в условленном месте, то зачем тогда разрабатывали подачу сигналов?

– В том-то и дело... Островитяне зубры битые и прикинули все возможные варианты.

– А стрелок? Стрелка взяли?

– Нет, даже не засекли, с какого дома он стрелял. И вот именно за это Белогрудов сейчас своих подчиненных гоняет в хвост и в гриву.

Хорошо зная Белогрудова, я только пожалел мужиков:

– В «хвост» – это зря. Тут можно гонять только для профилактики, потому что вины парней в случившемся нет. Даже в мое время против снайпера никто ничего противопоставить толком так и не смог. А в этом случае и вообще... Да и наверху сами перемудрили – тут уж или Вельдберга к операции привлекать, или сразу связного брать. Хотя... нет, все равно они правильно действовали. На снайпера ведь никто не рассчитывал, а англичанин от особистов при любом раскладе никуда бы не делся. И был большой шанс через него выйти на остальную сеть да еще и лодку захватить. И если в ней хоть пара-тройка лайми находилась, то такую бучу можно было бы поднять!

Гусев, слушая меня, согласно кивал, но при последних словах ухмыльнулся:

– Это твой фриц предполагал наличие на немецкой подводной лодке контролирующих англичан. А ведь экипаж можно собрать хоть из поляков, хоть из финнов. Да хоть из индусов! И накрутить их хорошо, дабы левые мысли в голову не лезли при виде золота. А для подстраховки в лодку мину с часовым механизмом или, как ты его называешь – таймером, плюс ограниченный запас горючего, чтобы только-только от Англии и обратно доплыть. Ну, с небольшим запасом, на неизбежные в море случайности. Вот и все. И никуда они не денутся, даже если сильно захотят. Можно еще допустить оставленных заложников из членов семьи экипажа, и тогда вообще все будет тип-топ! Но лично я думаю, что все было бы гораздо проще – экипаж целиком английский. Чего голову-то морочить? Ситуацию, как показала практика, они контролировали полностью, поэтому и иностранцев привлекать смысла тоже не было.

Ого! Такого варианта я даже не предполагал, хотя при детальном обдумывании он был наиболее вероятен. Действительно – зачем заморачиваться? В плен они вовсе не собирались, подстраховавшись со всех сторон, а свои люди всяко-разно надежнее подозрительных наемников.

Вслух восхитившись этой гипотезой, я еще некоторое время обсуждал с Сергеем возможности варианта действий гэбешников при взятии связного, но потом мы перешли к более насущному, так как вылет намечался уже через несколько часов. Я поинтересовался задачами, которые будут перед нами ставиться, так как соответственно этим задачам нам надо было экипироваться. Гусев ответил просто:

– Собирайся, как в глубокий рейд по тылам противника. Продукты брать не надо, а все остальное готовь, будто к немцам пойдете. Лишним не будет.

– Понял. Ну что, я к ребятам?

– Иди, а то через четыре часа уже машины подойдут.

Я встал, по уже выработанной привычке козырнул и потопал собирать своих парней для выполнения так и не объясненной задачи.

Глава 9

– Орлы! – Народный комиссар внутренних дел, генерал-полковник Колычев отступил на шаг назад и, снова окинув нас взглядом, повторил: – Орлы! Только кто вас надоумил в «мочало» вырядиться да воз оружия с собой притащить?

Прежде чем Серега смог открыть рот, я, показывая на него пальцем и глядя в смеющиеся глаза Ивана Петровича, быстро сказал:

– Это Гусев виноват. Берите, говорит, всего побольше. Особенно продуктов. Будете ваш шоколадно-ореховый разведпак у америкосов на жевачку менять. А начнут отказываться, тут и оружие пригодится. Ствол под нос и бубль-гум у нас в кармане!

Командир от такой наглости задохнулся и выпалил:

– Товарищ генерал-полковник, не так все было! Вы что, Лисова не знаете? Я ему про продукты как раз сказал – не брать! Я...

Но Колычев только махнул рукой и со словами: «Узнаю свои подчиненных, как были раздолбаями, так и остались», полез обниматься. Всю свиту он оставил за порогом, поэтому мог не стесняться в изъяснении чувств. Было видно, что Иван Петрович по-настоящему рад

нас видеть. Пятерых «старичков», с которыми он был знаком лично, прижимал к себе так, что ребра трещали. И только остановившись перед Дауреном, спросил:

– Новенький?

– Так точно, товарищ генерал-полковник! Сержант Искалиев!

– Это ты вход в колодце надоумил искать?

Жан растерянно скосил глаза на меня и, когда я кивнул, вскинув подбородок и пустив «петуха», гаркнул:

– Так точно, товарищ генерал-полковник!

Иван Петрович на это уставное рвение только улыбнулся и, пожав покрасневшему Жану руку, сказал:

– Молодцом! Нам толковые люди очень нужны. А смекалка твоя без награды не останется. И не только твоя. Все поработали на совесть, поэтому группе генерал-майора Гусева объявляю благодарность!

После этих слов наша куца шеренга моментально подравнялась и рывкнула:

– Служим Советскому Союзу!

Только Гусев слегка испортил слаженный хор тем, что захотел служить «трудовому народу». Видно, еще не перестроился, хотя новый уставной ответ был введен в армии в начале этого года. Наверное, нечасто нашему командиру приходилось в последнее время благодарности от высшего командования получать и соответственно отвечать на них. А может, просто форсит перед Колычевым, пользуясь его отношением. Нарком, не обративший на этот диссонанс никакого внимания, опять посмотрел на Жана, спросив:

– Давно в группе?

– Один месяц и восемь дней, товарищ генерал-полковник!

– И до сих пор сержант? Ну да ничего, с такими командирами, как у тебя, к концу войны наверняка офицером будешь!

Искалиев на эти слова недоуменно захлопал глазами, а мы все начали, ухмыляясь, переглядываться. Правильно – Даурен новенький и насчет хитрых перипетий со званиями не в курсе. А Иван Петрович, который и так отлично знает время появления Искалиева в подразделении, этим вопросом просто решил подколоть нас всех. Оно ведь как вышло – Геку офицерские звездочки достались после переаттестации из хитромудрых НКВДешных, в обычные армейские звания. Так что, с Пучковым все было просто.

А вот с Женькой вышло намного сложнее. В училище его посылать было совсем не с руки: ученого учить – только портить, и времени на это ушло бы столько, что война скорее закончится, прежде чем он из училища вернется. Поэтому был разработан хитрый план: старшина Козырев от щедрого на награды начальства стал получать за операции не «Красную Звезду» и не «Отечественную войну», а «Славу». Одну он имел с незапамятных времен, вторую получил в начале зимы и последнюю – за Бальгу. А согласно статуту этого солдатского ордена, полный кавалер автоматически получает внеочередное звание: сержант – старшего сержанта, старший сержант – старшину, и самый потолок, это когда старшина получает погоны младшего лейтенанта.

Так что Змей, относящийся ныне к офицерскому составу, мог теперь свободно расти хоть до маршала. Ну, это если сам захочет и Академию Генштаба закончит. Колычев же, выходит, был в курсе наших задумок и теперь ненавязчиво показал, что эти махинации ему известны. Ну и ладно, и пусть гордится своими знаниями. В подобных действиях ничего противозаконного нет. На всех фронтах и во всех частях так делают, чтобы достойных людей на нужные должности пропихнуть.

Иван Петрович, еще несколько секунд поглядев на наши физиономии, в конце концов приказал:

– Ладно. Сейчас всем отдыхать, а завтра, то есть уже сегодня, в семь ноль-ноль Гусеву прибыть ко мне.

Потом, слегка повысив голос, позвал своего порученца и продолжил:

– Григорий Осипович, проследите, чтобы товарищей разместили и поставили на

довольствие. И еще, – это уже обращаясь к нам, – камуфляж снять, оружие оставить в расположении. По базе передвигаться только с пистолетами, а то люди нервничают. У меня все. Все свободны.

После этих слов мы потопали за порученцем в сторону отведенной нам палатки, а я, вспомнив слова наркома про «нервничающих людей», тихо хихикнул. Действительно, весело получилось. Шурующая в ожидании приезда Главкома команда Власика всех здесь застроила вдоль и поперек. Я имею в виду советскую часть персонала базы. Поэтому после появления личного охранника Сталина народ ходил на цыпочках. А уж когда появился нарком НКВД, то бдительность и уставщина поднялись на недостижимую высоту.

И тут вдруг из приземлившегося ночью самолета вываливаются не представители спецгруппы ставки, а РДГ¹⁸ неизвестной ведомственной принадлежности, увешанная оружием с ног до головы. Они нас, конечно, ждали, но в более цивилизованном прикиде, поэтому вид здоровых мужиков, одетых в «лохматку», с пулеметами, гранатометами и новейшими «калашниковыми», которые впотьмах приняли вначале за STG-44, заставил охрану сильно напрячься. Ситуацию, конечно, развели в несколько минут, но, видимо, осадок остался... Власик, появившийся в самом конце разборок, с нами связываться не стал, только Ивану Петровичу, видно, успел нажаловаться на непотребный вид новоприбывших. Ну да нам не впервой подвергаться гонениям «по одежке».

Пока я ухмылялся, незнакомый мне ранее Григорий Осипович успел передать нас мрачному капитану с замашками волкодава НКВД, но одетого в летную форму, который с уважением оглядел разведгруппу и предложил следовать за ним. Кстати, в процессе всех этих перемещений мы потеряли Гусева. Серега после прихода капитана ехидно посмотрел на меня и, сказав, что генералитету спать в каких-то брезентовых шатрах просто неприемлемо, удалился в сопровождении наркомовского порученца в сторону капитальных строений на краю аэродрома. Еще и ручкой издевательски помахал, сволочь такая! Ничего, это я ему еще припомню!

А нас капитан привел к большой десятиместной палатке, в которой уже стояли койки, горела «летучая мышь», а перед входом, на двух столбиках висели умывальники. После чего собрал продаттестаты, сказал, что завтра с утра покажет нам, что здесь где находится, и, пожелав хорошего отдыха, отвалил.

После его ухода мы, свалив оружие на два больших стола, стоящих посередине палатки, начали осматриваться. Гек, отдернув одеяло и потыкав в подушку пальцем, воскликнул:

– Ну надо же, какой прием! И белье есть, и подушка, как в хорошем госпитале – пуховая! Интересно – как здесь кормить будут?

Козырев быстренько поддержал животрепещущую тему и тут же вставил свои пять копеек:

– Если мы у летунов, то, наверное, в летной столовой и по пятой норме!

Марат, наоборот, огляделся с явным неудовольствием, заявив:

– Я бы землянку предпочел... В этой палатке любая пуля или осколок нашими будут. А ты как думаешь, командир?

Все почему-то тут же перестали шебаршиться и уставились на меня. Я же, сидя на койке и скинув сапоги, некоторое время молча шевелил пальцами на ноге, соображая, что уже давно надо бы подстричь ногти, постепенно превращающиеся в когти. Через несколько секунд поняв, что просто так от меня не отвяжутся, ответил:

– Думать пока не о чем – нет информации. Можно только очень приблизительно предполагать. И это предположение мне говорит, что в таких царских палатах нам жить недолго. Может еще пару ночей поспим и – алга!¹⁹

¹⁸ Разведывательно-диверсионная группа.

¹⁹ Алга – вперед (*тюркск.*).

– Куда – алга?
– Еще не знаю. Но ты Шах, когда нас к наркому вели, видел пятерых бойцов возле ящиков?

– Видел. По повадкам – явно из «осназа». Тут и моторика движений, и взгляды... Пистолеты опять-таки на всех трофейные. Про «вишню» я уже не говорю.

Мельком глянув на его НР-43, который в просторечье называется «вишня», я только кивнул и добавил:

– Все верно. Но это не просто «осназ». Я одного узнал – в Балашихе его видел, когда мы туда с Гусевым приезжали. А это значит, что сейчас здесь находится как минимум одна террор-группа. Только вот зачем? Верховного охранять? Так люди Власика им в этом деле фору огромную дадут. И кстати, когда мы возвращались, ни «невидимок» ни ящиков уже не было. Так что сами соображайте, что к чему.

Гек, выслушав меня, разочарованно протянул:

– Это получается, нас здесь собрали для тихого контроля за окружающей местностью? Опять выходит по лесам ползать да в засадах сидеть?

Жан на это тихо возразил:

– Я думаю, если уж приезжает товарищ Сталин, то сюда как минимум пару дивизий НКВД пришлют для его охраны. И они вокруг все оцепят километров на десять в радиусе...

Мы с улыбками переглянулись, а Марат озвучил общее мнение:

– Зачем привлекать к себе внимание движением целой дивизии спецвойск в этом тихом районе? Здесь ведь Западная Украина и агентства противника тут осталось до черта. А они однозначно заинтересуются такими шевелениями. Начнут копать и в конечном итоге могут случайно нарыть местоположение секретного аэродрома. Нет, товарищ Сталин вполне обойдется своей охраной. А вот для контроля окружающей обстановки с десятков террор-групп будет в самый раз. Сам же Верховный Главнокомандующий тихо приедет, тихо уедет, никто и знать не будет, что он здесь побывал. Мне только одно непонятно, почему нас задействовали в этой операции? Фронтовых «невидимок» с их подготовкой вполне бы хватило...

Я кивал, слушая Шаха, но слова Искалиева не давали покоя. Не так уж и наивно его предположение. А что если вот так? Подняв палец и дождавшись тишины, озвучил доработанную мысль Даурена:

– Хм... может, слегка по-другому? Разумеется, не дивизия. Но вот полк... Полк НКВД, появление которого можно залегендировать поисками крупной банды националистов. Тогда все более-менее складно получается. Смотрите сами: НКВД контролирует дальние подступы, «невидимки», разбросанные по секретам, засадам и патрулям, берут на себя окрестности в радиусе двух-трех километров. А охрана Верховного при этом выполняет свои обычные функции, не опасаясь, что кто-то устроит в момент его приезда огневой налет из орудий.

А потом, стянув с себя гимнастерку, подвел черту:

– Только причины вызова с фронта нашей группы один хрен остаются неясными. И гадать тут можно до ишачьей пасхи. Так что закругляемся. Завтра поставят задачу, и все станет понятно. А теперь – отбой!

* * *

Утром к нам, как и обещал, зашел давешний капитан и пригласил следовать за ним в столовую. Но перед этим заставил снять с ремней «вишни» и оставить трофейные пистолеты в палатке. Меня это слегка возмутило:

– Не понял, так нам что, вообще без оружия теперь ходить?

– Никак нет, товарищ майор! Вот специально для вас...

С этими словами кэп стал извлекать из вещмешка уже вложенные в кобуру «ГТ».

– Для нас, для нас... А если эту «игрушку» кто сопрет?

Я покрутил перед носом собеседника эксклюзивным браунингом, предметом мой великой гордости и жгучей зависти остальных. Тут действительно было чем гордиться! Браунинг М1935 НР – это вам не хрен собачий! Мощный тринадцатизарядный пистолет под парабеллумовский патрон был достаточно дефицитной штукой, и свистнуть или выменять этот ствол у меня пытались уже неоднократно. В свое время я его снял со свежезахваченного гауптмана, и терять такой трофей по глупости совершенно не хотелось. Поэтому, бурча и пристегивая к себе кобуру с творением Токарева, я прикидывал, кого из ребят оставить дневальным, для охраны имущества, но капитан развеял мои опасения:

– Не беспокойтесь, товарищ майор! Возле палатки постоянно будет находиться часовая, так что ничего не пропадет.

– Будем надеяться... Только одно не пойму, – затянув ремень и согнав складки гимнастерки назад, я хитро поинтересовался: – А как же вчерашние «невидимки»? У них ни ножи, ни стволы никто не забирал. Наоборот – восемь ящиков с гранатометами подкинули.

Капитан на секунду закаменел лицом, но потом, видно, вспомнив, чьи мы люди, расслабился и сказал с усмешкой:

– Ох и глазастые вы, мужики! Видите ли, те бойцы ночью прилетели и ночью же уехали, поэтому никакой демаскировки не было. А вам здесь днем по аэродрому ходить, под наблюдением сотен глаз. И большая часть этих глаз – иностранцы. Поэтому я сейчас и выполняю распоряжение полковника Гемиладзе. Еще вопросы есть?

– Вопросов – нет.

– В таком случае прошу следовать за мной на завтрак. А после приема пищи я покажу, где находятся ангары, штаб, клуб, туалет, и вообще познакомлю с окружающей обстановкой.

– Хорошо, только порядок немного поменяем – сначала покажи, где тут сортир, а после можно и в столовую.

Капитан усмехнулся:

– Само собой, это – в первую очередь. Заодно посмотрите, какие ватерклозеты для американцев отгрохали.

Туалеты действительно – отгрохали. Обычно с этим не парились совершенно и все гадили в специально вырытый окоп, но здесь я увидел шедевр с десятью посадочными местами и поразившими меня до глубины души поручнями – держаклами. Блин, они бы сюда еще унитаза приволокли! Опробовав образцово-показательный сортир, мы в самом радужном настроении двинули дальше. Но осмотреть остальные достопримечательности совместной базы у меня получилось не сразу.

Только закончили завтракать, как появился посыльный и доложил, что майора Лисова требует к себе высокое начальство. Дойдя до кирпичного трехэтажного дома, я после проверки документов был препровожден дежурным в небольшую приемную. Там уже находились виденный мною вчера Григорий Осипович и еще два незнакомых офицера. При виде меня полковник встрепенулся и, попросив подождать, исчез за деревянной дверью, ведущей в соседнее помещение. Через несколько секунд он вынырнул обратно и пригласил заходить. Сделав три шага и услышав, как за спиной мягко хлопнула дверь, я вскинул руку к виску и доложил:

– Товарищ генерал-полковник, полковник Лисов по вашему приказанию прибыл!

Тот, к которому шло это обращение, в свою очередь кивнул и сказал сидящему напротив Гусеву:

– Вот! Наконец-то я услышал от него нормальный доклад! Не прошло и трех лет! А то всегда сначала появляется его хитрая морда в дверях, а потом он ненавязчиво интересуется: «Иван Петрович, к вам можно?»

Сергея тут же подхватил его слова, добавив:

– Ну так, товарищ нарком, что значит – школа!

Ах ты гримза, пернато-водоплавающая! Еще скажи – твоя школа! Ну держись!

Поправив фуражку, я вытянулся еще сильнее и поинтересовался:

– Товарищ генерал-полковник, разрешите доложить?

Колычев, не меняя серьезнейшего выражения лица, кивнул:

– Я вас слушаю, товарищ полковник.

– Хочу обратить ваше внимание на недостойное поведение генерал-майора Гусева. Мало того что он, пользуясь своим служебным положением, во время полета стырил у меня брикет из сухпая и цинично выковырял и сожрал оттуда всю курагу, так еще теперь пытается присвоить себе чужие заслуги! А я, как вы знаете, к высшим лицам государства, помня субординацию, всегда обращался только по уставу!

Серега после этих слов молча показал мне кулак, а Иван Петрович, рассмеявшись, сказал:

– Я вижу, ты – в тонусе. И это хорошо. Проходи, садись, будем беседовать. – А когда я, отодвинув стул, уселся, добавил: – Небось вчера полночи предположения строили, зачем вашу группу решили здесь задействовать?

– Строили, конечно.

– И до чего додумались?

Я собрался с мыслями и через несколько секунд начал выкладывать наши вчерашние гипотезы. Колычев, слушая, одобрительно кивал, а потом выдал:

– Молодцы, ничего не скажешь! Все по полочкам разложили! И даже количество войск НКВД угадали точно!

– Это мы, может, и угадали, но вот своего места в данной операции не нашли. Я просто так и не понял, зачем нас с фронта выдернули? К приезду товарища Сталина тут столько народа будет, что не протолкнуться, а у нас свои задачи остались нерешенные... И как вы всегда говорили – особо важные.

Иван Петрович опять улыбнулся:

– Что касается ваших задач, то вы их не только выполнили, но и перевыполнили. Во-первых, мы убедились, что у Германии нет ничего трансцендентального, во всяком случае такого, чего они могли бы использовать в ближайшее время. Во-вторых, некоторые захваченные вами разработки, а также пленные оказались весьма интересными и перспективными. Например, прибор, влияющий на погоду: ведь если его довести до ума, он может... Хотя... отставить!

Иван Петрович одернул сам себя, остановившись на самом интересном, замолк, а я, переваривая его слова, только катнул желваки на щеках. Зашибись! Вот нарком порадовал так порадовал... Полгода... Целых полгода мы трахались, как последние колхозные проститутки в поисках этого самого трансценд... трансценд... Тьфу! В общем, как бобики, искали различные артефакты и связанных с ними людей. Теряли друзей, выкладывались досуха, а теперь выясняется, что это все было зря? Начальство, видишь ли, просто «желало убедиться», что у фрицев ничего потустороннего и опасного нет?! Так я об этом сразу говорил!!

Видно, что-то в глазах у меня поменялось, потому что Колычев заинтересовался внезапным кисляком на физиономии у подчиненного. Пришлось свои претензии высказать вслух. Собеседник на это только хмыкнул:

– Подтвержденное отсутствие у противника вероятного оружия или того, что может быть использовано как мощное оружие, само по себе значит очень много. Кому как не тебе об этом знать. Что же касается слов о том, что ты – «заранее предупреждал и говорил, что все это выдумки»... Знаешь, я бы на твоём месте не зарекался. Как говорится – «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». И поверь мне на слово – *оно* действительно *есть*. Сейчас можно только Богу молиться, что у немцев ничего подобного не обнаружилось. Да и работали вы вовсе не вхолостую. Среди общего, как ты говоришь, «фуфла» накопили несколько интересных вещей. Причем таких, что ученым лет на десять работы хватит. А ваша последняя операция выше всяких похвал. Про *такое* пополнение золотых резервов страны я вообще молчу – за это вас Иосиф Виссарионович лично хочет

поблагодарить. И Вельдберг, это отличный подарок всей нашей разведке! Он обладает такой массой информации, что сейчас с него пылинки сдувают, но при этом допрашивают, как и тебя в свое время, – с применением самых совершенных методов.

Слова про личную благодарность усатого вождя меня сильно заинтересовали, но в то же время все эти восхваления заставили смутиться:

– Иван Петрович, я ведь уже докладывал – чистая случайность, что мы вывалились в эти катакомбы. Просто повезло...

В этом месте Колычев поднял руку, призывая к молчанию, и хитро сказал:

– А вот и ключевые слова. Заметь, ты их сам сказал. И я хочу добавить, что тебе, Илья, всегда везет. Даже если и не там, где ты ожидаешь. И пока это качество не иссякло, его надо использовать на полную катушку.

– Что-то я не понял, как мое везение связано с визитом Верховного? На него что – покушение готовится?

Нарком с Гусевым переглянулись, и Иван Петрович задумчиво произнес:

– Можно сказать и так...

– Так надо отменить приезд или перенести сроки. Вдруг мое везение не сработает? Вы же сами говорите – оно проявляется в самую неожиданную сторону!

Узнав про готовящееся покушение, я сильно заволновался, не понимая спокойствия окружающих. Если им известно о готовящейся акции, то известен и заказчик. А через него можно выйти на исполнителя. В жизни не поверю, что НКВД, зная о покушении, не разматывает всю эту цепочку до конца. Причем как с той, так и с другой стороны. Но каким боком здесь моя везуха? Или я исполнителя должен с поличным взять? А если не успею? Нет, на это никто не пойдет... Разве что...

– Вместо товарища Сталина будет двойник?

Иван Петрович рассмеялся, а потом, понизив голос, ответил:

– У Иосифа Виссарионовича нет двойников. Почему-то ему это совсем не нравится. Но мыслишь ты в правильном направлении.

А потом, сразу став серьезным, начал говорить четко и деловито:

– В общем, так. Приезд товарища Сталина в район Козлича – это крупная дезинформация. Причем не прямая, а косвенная. Никто нигде не называл конечный пункт его поездки. Просто пошла тихая информация, что Верховный в очередной раз хочет выехать на фронт. Не называя разумеется ни участка, ни даты поездки. Началась подготовка. Очень серьезная, как обычно – с прикрытием, ложными маршрутами и несколькими объектами конечного пункта назначения. И противник клюнул.

Я слушал, хлопая глазами, и на этих словах удивленно протянул:

– Вот уж не ожидал от фрицев подобной прыти. Думал на *этом* уровне у них агентов уже не осталось. Да и проводить операцию почти в восьмистах километрах от линии фронта... Это же несерьезно – крупное воинское соединение просто не пройдет, а ведь его еще надо собрать. Десант... Нет и десант тут не играет – его раздавят при любом раскладе. Или на подлете, или сразу по приземлении. Не пошлют ведь они на такое дело батальон диверсантов? На этом можно всех своих спецов угробить, без малейшей гарантии успешного выполнения задания.

Колычев, пока я соображал вслух, достал папиросу, смял мундштук, прикурил, а потом спросил:

– Выговорился? Тогда слушай дальше. Немцы тут ни при чем. Наши органы, разматывая цепочку покушений на видных военачальников, вышли на нескольких крупных и хорошо прикрытых английских агентов. Причем это люди такого ранга, что оторопь берет.

– Литвиновские выкормыши?

Иван Петрович поморщился:

– Нет. Выражаясь твоим языком – выкормыши Тухачевского. А еще точнее – Троцкого. Во время предвоенных «чисток» они были настолько активны, настолько рьяно и в то же время тонко «топили» самых разных «врагов народа», что никому в голову не пришло

сомневаться в их искренности и преданности делу партии. Да и сейчас этих фигурантов вычислили скорее косвенно. — Нарком встал и, прохаживаясь по кабинету, продолжил: — Просто работа началась задолго до начала выявления заговора против наших командиров. С апреля сорок второго, следуя секретному приказу Иосифа Виссарионовича, началась проверка по обоснованности репрессий конца тридцатых годов. Уточнялось кого, когда и по каким обвинениям осудили. Постепенно, среди всего прочего выкристаллизовались отдельные дела, к созданию которых приложили руку одни и те же люди. Тогда начали более тщательно изучать документы и вести тайные допросы тех, кто попал в лагеря по их указаниям или доносам. Ну, тех, кто выжил... И стала складываться очень интересная картина. Мно-о-о-гое начало проясняться...

Генерал-полковник замолк, а я, пользуясь паузой, вставил:

— Хе! Я ведь всегда говорил, что вы перед войной сильно погорячились с массовыми арестами и что это жу-жу неспроста. Просто не может быть, чтобы во «враги народа» попало сразу столько талантливых людей...

— Ты опять начинаешь? Ведь не раз уже объяснял тебе, что к чему!

— Никак нет! Я вообще про другое хотел спросить: Иван Петрович, извините, но мне все равно непонятно, какая выгода англичанам физически устранять наш генералитет? Ну допустим, убили бы Черняховского, так ведь его зам тоже не лаптем щи хлебает и продолжил бы бить немцев в хвост и в гриву. Зачем им так подставляться?

— Бить бы он продолжил, но вот насколько бы возросли наши потери? Тот же Черняховский — военачальник от Бога, и благодаря его мозгам, мы можем спасти тысячи жизней. Вот ты говорил, что в твоём времени потери в войне были около тридцати миллионов?

— Так точно, говорил. Сначала остановились на двадцати миллионах, но потом копнули еще и счет вырос почти до тридцати.

— Тридцать миллионов... — Нарком вдавил окурок в пепельницу и, выдохнув, неожиданно бодро посмотрел на меня. — А вот у нас их меньше. Гораздо меньше. Недельку назад закончились предварительные подсчеты всех потерь на сегодняшний день. Погрешность, конечно, очень большая, но можно уже говорить, что армия потеряла около пяти миллионов человек, причем семьдесят процентов из них пришлось на сорок первый год. И мирных жителей было убито от пяти с половиной до шести с половиной миллионов. При этом в строку безвозвратных потерь были записаны и взятые в плен, и угнанные в Германию. Вот и смотри — СССР даже при самых пессимистичных прогнозах в этой войне потерял почти в три раза меньше людей, чем в твоём времени. А Англии подобные итоги, как серпом по одному месту! Ведь они рассчитывали, что в этой войне Германия и СССР *полностью* уничтожат друг друга и наши страны можно смело списывать в утиль.

— Вот! — Я встрепенулся. — И в Америке так же говорили! Трумэн, тот открытым текстом вещал: «Если будет побеждать Германия, мы будем помогать СССР, если СССР, то будем помогать Германии, и так до тех пор, пока они не обескровят себя в этой войне»²⁰.

— Трумэн? — Колычев вопросительно изогнул бровь. — Какой Трумэн?

— Президент ихний! Я ведь все докладывал!

— Не знаю такого президента. Есть сенатор Гарри Трумэн, который сейчас находится под следствием в связи с подозрениями в крупных махинациях с вооружениями, а также в связях с мафией.

Нарком победоносно посмотрел на меня, полностью офигевшего, а я только что и смог вхолостую открывать рот. *Еклмн* ! Вот дают ребята! Ну молодцы, нет слов!! Неужели наши научились наконец не только штыком и гранатой орудовать? Мы ведь практически всегда выигрывали реальные войны, но вот информационные проигрывали с тем же постоянством. А теперь получается, нашли наконец умных людей, вложили необходимые деньги и дело

²⁰ Реальные слова, сказанные Трумэном.

пошло! Еще сильно подозреваю, что эти умные люди воспользовались информацией, выкачанной из меня. То есть не столько информацией как таковой, сколько методом продвинутого ведения этой подлой, обливательно-грязевой войны. С подставами, ложью, правдивыми жареными фактами, предъявленными в нужное время, и «чемоданами компромата».

Я в ней, конечно, ни уха ни рыла, но и телевизор смотрел, радио слушал и даже, бывало, газеты почитывал. И знаю, как и что в них подавалось. А самое главное, как это воспринималось большими массами населения! Блин! То-то я смотрю, в последнее время даже обычная советская пропаганда стала преподноситься так, что я иногда сам ей верю. И это с моим-то цинизмом! Видно, мои вопли и рассказы относительно особой важности в применении этих средств не остались незамеченными и стали применяться уже сейчас. И значит, план информационно-психологической войны против нынешних союзничков, о котором я краем уха слышал в УСИ, тоже вступил в действие!

В волнении я, даже не спросив разрешения, тоже вытащил пачку трофейных сигарет и, закурив, поинтересовался:

– Но ведь он не один. Его продвигала на это место целая группа влиятельных и богатых людей, преследующих свои интересы. Не будет Трумэна, найдут другого козла, но политика не изменится.

Колычев расплылся в улыбке:

– Богатых и влиятельных? Чем мне нравится Америка, так это – свободой слова. И грамотно поданный газетный материал может натворить очень много. Особенно если он правдив от начала до конца. А любое богатство, как говорили классики марксизма-ленинизма, нажито нечестным путем. Так что за каждым миллионером можно найти целый ворох темных дел. Особенно если постараться.

От этого ответа я слегка задохнулся и робко спросил:

– А в Англии так можно сделать?

– Пока нет. Народ несколько другой, менталитет другой. МИ-6 тоже не дремлет и на любое действие, показавшееся им странным, реагирует с завидным проворством. Цензура опять-таки свирепствует... Но это в Англии. А вот в Ирландии... В Ирландии местное население настроено очень серьезно. И с каждым днем ненавидит англичан все больше и больше.

Опаньки! Да что же это сегодня творится? Просто праздник какой-то! Если сейчас наши начнут поддерживать ИРА, пусть даже потихоньку, в одно касание, то островитяне обо всех остальных надолго забудут! И значит, пакостей и оставленных ими по всему миру бомб будет гораздо меньше. Под бомбами я подразумеваю не фугасы со взрывчаткой, а кое-что гораздо более страшное. Вон, уходя из своих колоний, они что натворили? Взять хотя бы Индию и Пакистан. Ведь англы специально эти страны *так* разделили, чтобы конфликты в том регионе тлели непрерывно, так как лайми в мутной водичке всегда легче прокручивать свои дела.

И пока эти две страны не имели «ядренного батона», то их разборки особенно никого не касались. Зато в мое время... Схлестнись они *всерьез*, никому мало не покажется, весь мир вздрогнет. А благодарить за это надо англичан, с их хитрожопыми вывертами.

О, кстати, пока Иван Петрович такой говорливый, может, удастся узнать, как там у нас дела с атомкой? С трудом согнав ухмылку от уха до уха, я обратился с этим вопросом к Колычеву. Но командир на уловку не поддался и ответил:

– Товарищ Лисов, имейте совесть. Заметьте, я вам про дисциплину и государственную тайну даже не говорю – устал говорить, а просто призываю к совести. У тебя она вообще как – осталась?

– Так точно, товарищ генерал-полковник! Но ведь я сам ходячая государственная тайна! А этот вопрос меня очень тревожит. Я даже ем плохо, когда подумаю, что нас кто-то может в этом опередить. И во сне кричу. Такими темпами пойдет – скоро писаться буду от нервных переживаний... А если серьезно, Иван Петрович, вы хоть намекните, а то убьют

завтра, так и не узнаю, чем все закончилось...

– Да типун тебе на язык! – Видно было, что нарком разозлился. – Такой бред несешь – слушать тошно! Убьют его... Я тебе дам – убьют! Вот верну обратно в УСИ, там ты еще долго проживешь!

– Не надо в УСИ! Я и на воле пригожусь!

Колычев хмыкнул, остывая:

– Конечно, согласишься. У тебя еще дел не совершенных невпроворот. А что касается наших исследований по интересующей тебя теме, то могу сказать одно – после проведенных в Америке мероприятий мы как минимум на полтора–два года опережаем *всех*.

Фу-ух! Ну вот и все... Теперь можно быть совершенно спокойным. Теперь *никто* не сможет отнять ни плодов нашей победы, ни преференций, положенных за эту войну. Да что там говорить – теперь *никто ничего* нам противопоставить не сможет! Просто давить на СССР нечем будет!

Пока эти мысли прокручивались в голове, Иван Петрович опять уселся на место и, слегка прихлопнув рукой по столу, произнес:

– Мы отвлеклись от дела. Поэтому все свои вопросы изволь оставить на потом, а сейчас займемся насущными проблемами. Понял?

– Так точно, товарищ генерал-полковник!

– Тогда убирай свою счастливую улыбку и слушай дальше. В результате проведенных работ по дезинформации противники уверены, что товарищ Сталин прибудет на аэродром в ночь с четвертого на пятое августа. А наша разведка сообщила, что к этому времени в район Ровно будут стянуты подразделения Армии Крайовой. Силами до пятисот человек. Проводниками будут поляки и украинцы, жившие и живущие в этом районе. У объединенного отряда в наличии возможна легкая артиллерия и минометы. Возможно также появление танков.

Я промолчал, но, видно, глаза у меня стали совсем круглыми, поэтому Колычев счел нужным пояснить:

– Тяжелое вооружение они, разумеется, не будут нести с собой. Все это находится где-то недалеко отсюда – в схронах и тайниках. В том числе и несколько единиц бронетанковой техники. Но его появление крайне маловероятно, так как по лесам танки не пройдут. Хотя мы не исключаем и этого.

Вот как. Теперь понятно. Этих схронов тут действительно немало напихано. Не зря даже в мое время анекдот ходил: «Диду, зачем ты клумбу машинным маслом поливаешь? Цветочки же завянут? – Та нехай вянут, лишь бы шмайссер не заржавел!», так что и стрелкового оружия тут немерено да и артиллерийских стволов еще с сорок первого года тоже достаточно... Но вот танки... Хотя чему удивляться? Советские войска при отступлении бросали вышедшую из строя технику сотнями и тысячами единиц. Бросали и танки, в которых просто закончилась горючка. Что-то, конечно, подрывали, а что-то оставляли как есть. Большинство трофеев немцы, разумеется, прихватизировали, но немало осталось валяться по лесам. А домовитые хуторяне бесхозное добро быстренько прибрали к рукам и сейчас готовы пустить его в дело.

Нарком же тем временем продолжал:

– Основной задачей вашей группы будет, оставаясь в выбранных местах, дожидаться, когда атакующих погонят обратно, и постараться вычленив из массы рядовых их командиров. Помимо вас в этом районе будут действовать еще девять наших террор-групп с аналогичной задачей.

Иван Петрович на несколько секунд замолчал, а потом, глядя мне в глаза, сказал:

– Илья, я *очень* рассчитываю на твою везучесть. Пленные у нас, разумеется, будут, но это будут рядовые исполнители. А захват хоть кого-то из командования АК сможет поставить в завершении этой операции очень красивую точку.

Я себе представил ночной лес, в котором видимости нет *вообще*, бегающих по нему раздраженных мужиков с оружием и свои дальнейшие действия... После чего пожал

плечами и ответил:

– Нереально. Совершенно. И вы это сами понимаете, в противном случае не задействовали бы «везучесть» Лисова. Малая доля вероятности успеха, возможно, появилась бы, если командиры АКовцев начали светиться в темноте или непрерывно подавать звуковые опознавательные сигналы в виде вопля. Но это из разряда бреда... Во всех других случаях их просто невозможно будет вычленить. Да и остальные налетчики на нас ведь просто так смотреть не будут? Нашинкуют в капусту! В конечном итоге вся разведгруппа останется лежать в лесу, так и не выполнив задачу. Мне только непонятно, почему не сделать по-другому?

– Я слушаю...

– Полк НКВД, да еще с приданными частями усиления, эту банду разгонит за два часа. Если известен сам факт прихода поляков, то можно будет вычислить место сосредоточения их сил перед началом операции и оцепить местность. А потом просто предложить выдать командиров, пообещав остальным все, вплоть до амнистии. В общем, провести обычную войсковую операцию. Почему не сделать так?

Нарком опять вздохнул, закурил следующую папиросу, и в этот момент в разговор вступил молчавший до сих пор Гусев:

– Разрешите, я отвечу? – И через пару секунд после кивка Ивана Петровича продолжил: – После проведения войсковых операций, как ты знаешь, остаются лишь трупы. А нам нужны живые командиры АКовцев. Только главное не в этом. Если бы надо было просто разогнать всю эту шушеру, то мы бы использовали обычный пехотный полк, и дело с концом. Но нам необходим удар по аэродрому. Желательно, как это ни цинично звучит, с трупами американцев. Ты, наверное, еще не в курсе, но летный и технический состав проживает в трех километрах отсюда. Там, на запасных путях стоят два состава с «мягкими» вагонами. Это мы расстарались, для привыкших к комфорту союзников... И вечером четвертого августа их не отвезут к своим диванам на колесах, как это обычно делалось, а оставят на аэродроме, в клубе. Для подготовки к встрече с товарищем Сталиным. По «легенде», Верховный Главнокомандующий задержится на несколько часов, поэтому и летчикам придется сидеть в ангаре, переделанном под клуб, до глубокой ночи. А мы посмотрим...

– На что?

– На то, как поведут себя поляки. Заодно и выясним, как они относятся к своим американским друзьям. Что пересилит – ненависть к товарищу Сталину или союзнические обязательства? Если они, узнав, что американцев не убрали с аэродрома, все равно начнут свою акцию, то мы будем действовать по утвержденному плану. И в дальнейшем... В дальнейшем для Польши и ее хозяйки – Англии могут начаться тяжелые времена, так как с претензиями на дипломатическом фронте СССР выступит совместно с США. Но как сказал Иван Петрович, здесь будет совсем не лишней эта самая «красивая точка». Одно дело захват рядовых бойцов Армии Крайовой, и совсем другое – ткнуть в нос полякам фигурой, имеющей прямой выход на правительство Миколайчика. А таких людей в операции участвует несколько. Я тебе позже дам список из пяти фамилий с фотографиями и характеристиками. Личности очень известные и в своем кругу даже легендарные. Известны они по обе стороны океана. Один только Лех Шиштинский по кличке «Рык» чего стоит.

– А если они не будут атаковать?

– Если откажутся... Ну что ж – тогда будет проведена войсковая операция, по типу той, о которой ты говорил ранее. Всех накроют в местах обратного сосредоточения до того, как они рассеются по Полесским лесам.

– Понятно. Только неясно одно – как они узнают, что летчики остались на аэродроме? Ведь польских разведчиков близко никто подпускать не собирается?

– Очень просто – если летного состава нет в своем расположении, то где ему еще быть? А составы хоть и охраняются, но наблюдателю не составит труда вычислить, что они пусты. И сложить два и два очень просто. Имеются сведения о прилете товарища Сталина.

Отсутствие летчиков на своих местах только подтвердит эти данные, так как поляки хорошо знают нашу привычку готовиться к приезду высокого начальства загодя. Помнишь про «ефрейторский зазор»? – Я кивнул, а Гусев удовлетворенно продолжил: – Вот то-то и оно... А чуть позже, в районе полуночи, на аэродром сядет самолет. Это будет обычный грузопассажирский «Дуглас», который привезет почту, но поляки-то про это знать не будут! Тем более что над нами, перед посадкой транспортника, пройдут два звена истребителей прикрытия. А мы постараемся встретить этот самолет со всевозможной помпой. И тогда они ударят наверняка!

– Сомнут. Вас просто сомнут. Пятьсот человек да при поддержке хотя бы минометов... В двадцать минут от охраны аэродрома никого не останется. Пусть даже она и будет ждать нападения.

– Не успеют. На самом аэродроме, еще при его модернизации, организована хорошая система обороны, включающая в себя все, вплоть до дзотов. А сразу после начала атаки сюда выдвинется усиленный моторизованный батальон НКВД, который следуя на БТРах, с ходу ударит по противнику. Поэтому и надо продержаться всего эти самые двадцать минут.

М-да... «всего»... Серега как будто забыл, что такое ночной бой. Хотя правильно размещенные «максимы», с запасом патронов и воды, могут полк остановить. Но вот ночью... Что пулеметчики в темноте смогут увидеть? Ночных прицелов – кот наплакал. То есть они существуют, но как-то все больше на танках. Даже наша группа, две жалкие «Совы» с боем выдирала. А ведь с ними надо еще уметь работать...

Но, задав возникший вопрос, получил очень простой и остроумный ответ:

– Зачем нам ночные прицелы? Прожекторы ПВО и противника ослепят и подсветку необходимую дадут. Будем атакующих отстреливать, как в тире. А подъехавшие БТРы с «крупняками» довершат начатое. От КПВТ и в лесу не спрячешься – он ведь деревья, как траву, косить будет.

Хе! Вот что значит опыт, который не пропьешь! А я и забыл про такое нетривиальное использование освещения, хотя уже сталкивался с подобным. До нас доводили, еще в сорок втором, интересную информацию – тогда, на центральном участке фронта немцы накрыли несколько наших разведгрупп. И как накрыли – подогнали машины с прожекторами и расстреляли наших разведчиков, уже углубившихся в немецкий тыл километра на два-три, словно зайцев. Как потом выяснилось, это были эсэсовцы, прибывшие из Югославии и таким макаром уничтожавшие тамошних партизан. Вот они и перенесли свой опыт на Восточный фронт. Не учли только одного...

Наши, конечно, тоже слегка протупили и потеряли две группы, прежде чем показали разительное отличие России от Балкан. Просто когда фрицы в очередной раз включили свою иллюминацию, по ним ударила дивизионная артиллерия. Разведчиков мы потеряли и в этот раз, но зато немцев баловать с прожекторами сразу отучили.

Здесь же роли поменялись, и я сильно сомневаюсь, что поляки моментом сообразят накрыть прожекторы минометами. А даже если и проявят быструю смекалку, то уничтожить цель, находящуюся в полутора километрах от опушки, на другом конце аэродрома, будет очень затруднительно. Вряд ли они станут тащить с собой наши 120 мм полковые «самовары». Скорее всего будут использовать немецкие ротные или батальонные минометы. Но ротные на такую дистанцию просто не стреляют, а батальонные... Батальонные это, конечно, хуже, но минометчикам для стрельбы надо вылезти из леса, тем самым попадая под кинжальный огонь станковых пулеметов. Так что за оборону можно быть спокойным – на аэродроме, до подхода основных сил, люди продержатся без проблем.

Остается дело за малым. Донести до Колычева свои мысли насчет нереальности вычленения командования поляков, а то он их как-то пропустил мимо ушей. Ну и довел... Иван Петрович после моих слов раздраженно прихлопнул ладонью по столу:

– Да что ты заладил – «невозможно, невозможно»! Никто вас в боевые порядки отступающих запускать не собирается. Товарищ генерал-майор, объясните товарищу полковнику суть плана, а то этот нытик сейчас в обморок от страха падать начнет!

– Не начну! И я реально говорю...

– Прекратить пререкания!

Это уже Гусев вступил в разговор и, рывкнув на подчиненного, неожиданно спокойным голосом добавил:

– Смотри сюда. – Ткнув в расстеленную карту карандашом, он начал показывать. – Вот аэродром. Вот лес. Вот болота, тянущиеся до самой Польши. Части НКВД после начала атаки оцепят местность вот здесь, здесь и здесь. То есть перекроют наиболее вероятные пути отхода. Но это не чистое поле, а лес, и возможно просачивание остатков АКовцев через оцепление. Сам знаешь, как это бывает... И существует большая вероятность того, что командиры смогут уйти. Ну или в случае обнаружения будут сопротивляться *до последнего*. И еще – когда они поймут, что находятся в окружении, то постараются отделиться от общей массы и выйти малыми группами. Кто-нибудь один возглавит основной прорыв, а остальные тихой сапой будут пытаться скрыться без боя...

В этом месте я перебил Серегу:

– Понял. Спецчасти будут гасить основные прорывающиеся силы, а мы, выбрав понравившиеся места, будем находиться в засадах и отлавливать уходящих в сторону. Если тот же «Рык» захочет уйти, то с собой он возьмет максимум человек пять. Вот эти малые группы в труднопроходимых районах и будут на нашей совести.

– Именно так. Это для тебя – реально?

– Это? Реально! А теперь я хотел бы уточнить...

Но что именно мне хотелось уточнить, сказать не дали. Колычев, неожиданно поднявшись со своего места, выдал:

– Так. Детали и все прочее уточняйте в другом месте, а то совсем обнаглели. В присутствии народного комиссара орут, ругаются, язвят. Я тут с вами всего полчаса посидел, но такое ощущение, что почти годичного перерыва в общении и не было! Зато понял, что *сейчас*, оказывается, у меня жизнь стала гораздо спокойнее. Во всяком случае, никто из подчиненных в моем присутствии не смеет ни матом крыть, ни орать, ни устраивать разбирательства. Или хотя бы они действуют не так развязно и хамовато!

Удивленно уставившись на своего бывшего командира, я увидел его смеющиеся глаза и ответил:

– Так вы же без нас захиреете. И жизнь станет пресной и скучной.

Иван Петрович хмыкнул, ответив:

– Это точно... Привык я за эти годы к вам. Но сейчас мне не до разговоров – дела. Поэтому оба – свободны!

Встав и одев фуражки, мы с Гусевым хором ответили: «Есть» и отправились обсуждать детали предстоящей операции в другое место. Но перед самым выходом были остановлены окликом наркома:

– Илья! – Я повернулся, а он, подойдя вплотную, продолжил: – До окончания этого дела мы скорее всего не увидимся, поэтому хочу сказать – не суй зря голову под пули. Ты, конечно, везунчик, но лишний раз – не надо. И помни, ты действительно очень много значишь для нас с Сергеем. И вовсе не как объект «Странник», а просто как Илья Лисов.

Гусев на этих словах утвердительно кивнул, а Колычев прижал меня к себе и, потом отстранившись и хлопнув по плечу, добавил:

– Все. Вот теперь точно – свободны!

Глава 10

– На «десять часов» наблюдаю движение.

Я перевел бинокль и увидел пацана лет двенадцати, который шел вдоль поляны, таща за собой на веревке козу. Коза была жирненькая, но явно недовольная жизнью. Она то спокойно топала следом за поводырем, то вдруг упиралась всеми четырьмя копытами в землю, жалобно меменя, и тогда мальчишка резко дергал за веревку, заставляя ее семенить

дальше. Сам пацан, в отличие от козы, вид имел ободранный и непрезентабельный. В большой, не по размеру кепке, каком-то колушке, коричневых грязных штанах и, похоже, – босиком. Обративший на него мое внимание Гек через несколько секунд выдал заключение:

– Это малый с хутора Ломзицкого. Похоже, у него коза потерялась, вот он ее нашел и тащит обратно.

– Что еще скажешь?

Лешка пожал плечами:

– А что тут говорить? Детвора бежит по лесу безостановочно. И вовсе не факт, что они осуществляют наблюдение. Ты ведь мое мнение знаешь, чего спрашивать?

– Скучно, вот и спрашиваю... О! Смотри – к развилке свернул.

– А куда ему еще деваться? Домой идет, вот и свернул. И даже если бы он пошел в другую сторону, это еще ни о чем бы не говорило – мало что пацаненку в голову прийти может? Может, у него там богатство великое, в виде цветных стеклянных шариков, припрятано...

– Угу, в пяти километрах от дома...

– В этом возрасте и десять километров не крюк. Себя вспомни...

Я только плечом дернул, ничего не ответив напарнику. А все потому, что группа так и не пожелала всерьез принять мою грандиозную идею о том, что ребятня бродит по лесу не просто так, а осуществляя наблюдение за дальними подступами к объекту. Ведь так же наши партизаны действовали. Глаза у мальчишки ничем не отличаются от глаз взрослого, и наблюдательности у них тоже не отнять, зато в случае поимки с таких малолеток вообще все взятки гладки. Да и ловить в общем-то не за что. Ну ходит он по лесу, ну и что? Закон гулять не запрещает. Тем более до запретки вокруг аэродрома – больше десяти километров по прямой.

Щегол тем временем окончательно скрылся в чаще, а Гек, осторожно поерзав на ветке, недовольно сказал:

– Вот зараза! Ощущаю себя макакой. Только они на деревьях живут с детства, а я уже отлежал себе все.

Я, выбравший себе более удобную развилку, предостерегающе прошипел:

– Ты, макак, не очень-то ерзай! Маскировка маскировкой, но если с той стороны поляны еще один наблюдатель сидит, то может засечь шевеление.

Вообще сказано это было больше из вредности, так как засечь нас было практически невозможно. Разве только в том случае, если наблюдатель будет пялиться именно на наше дерево, выбрав его из сотен растущих вокруг. Да и то не факт – маскировка уж очень хорошая. В этот раз для работы нам выдали маскхалаты нового образца: с необычным камуфляжем, а также сеткой и петлями, в которые так удобно втыкать разный лесной мусор. И теперь даже вблизи мы смотрелись просто как комок моха или древесный гриб, прилепившийся к дереву.

Поправив веточку, торчащую из рукава, я, откинувшись на ствол могучего дуба, в ветвях которого мы и затерялись, опять начал наблюдение, попутно вспоминая историю, связанную с этим камуфляжем. Ну не конкретно с этим, а вообще, но руку я к этому приложил нехило...

Просто вышло как: оказывается, в СССР технику или просто красили в зеленый цвет и на этом успокаивались, или, следуя указаниям целого отдела специализированного заведения, наносили единообразный камуфляж. Вот только этот камуфляж был как мертвому припарка. Почему-то немецкие танки замечались в последний момент и очень часто после уже произведенного выстрела, а наши коробочки, даже усеянные пятнами краски, были видны, как торчащий среди пустыни баобаб. Из-за чего так выходило – черт его знает, но на той же «Пантере» разводы полностью смазывали ее силуэт, а вот на «тридцатьчетверке» они ее как будто подчеркивали.

Когда я уже был в УСИ, то, вспомнив про эту загадку, решил рассмотреть проблему с

другой стороны. С вояками связываться даже не стал, а просто в один из дней собрался и поехал в МХИ. Ректор Художественного института при виде подполковника НКВД несколько сбледнул с лица, но когда понял, что мне нужен вовсе не он, а встреча с наиболее талантливыми студентами, опять обрел свежесть щек. На радостях даже предложил для будущего разговора свой кабинет, но я отказался, попросив организовать встречу в любой свободной аудитории. Просто мне нужен был неформальный разговор, а в кабинете ректора такого бы точно не получилось. Глава института пропустрил, и поэтому буквально через двадцать минут я открывал дверь, за которой меня ждало человек восемь будущих Суриковых и Айвазовских.

Ребята сначала держались скованно, но я зацепил их профессиональную гордость и чувство патриотизма. Просто насвистел, что камуфляж для *всей* немецкой техники разрабатывался немецкими художниками. Мол, они, как люди, тонко чувствующие и одаренные, смогли сделать невозможное – подобрать к каждому конкретному силуэту такую раскраску, что она просто растворяла вражескую технику в глазах наших наводчиков и наблюдателей. А у нас этого нет, и поэтому за свою некомпетентность мы расплачиваемся жизнями тысяч танкистов, летчиков и артиллеристов. Пацаны идею поняли моментально и решили, не откладывая в долгий ящик, переплюнуть своих немецких коллег. На лежащих тут же листах они, галдя и споря, принялись показывать свои первые идеи. Глянув, как на, буквально в три секунды нарисованном, силуэте ЯК-3 чернявый парень, щедро пользуясь разноцветными карандашами, принялся, бормоча что-то себе под нас, рисовать разводы, я быстренько обломил энтузиастов:

– Ребята, стоп! Не так быстро. Вы мне сначала ответьте на вопрос – Красная армия у нас какая?

Художники, опешив от вопроса, на некоторое время замолчали, а потом самый низенький неуверенно сказал:

– Самая прогрессивная?..

Тут его подхватили остальные:

– Непобедимая!

– Победоносная!

– Легендарная!

Подняв руку, я прекратил галдеж и сказал:

– Это все правильно. Но в первую очередь она – рабоче-крестьянская. А это значит, что вам при создании вашего (я надеюсь) шедевра следует пользоваться не всей палитрой, а тремя цветами. Поверьте моему опыту – в армии у нас есть краска зеленая, – я загнул палец, – белая, – загнул второй, – и черная. На этом полет фантазии наркомата обороны заканчивается. Поэтому именно с таким урезанным спектром вы и будете иметь дело. Да, еще учтите, что белая – это в основном не краска, а известка, используемая для зимнего камуфляжа. Поэтому можно переиграть и как краску использовать зеленую, черную и красную. Для авиации еще добавляется синяя. Ну и, конечно, все их смеси. На большее рассчитывать не надо, так как все упирается в финансы...

Суриковы несколько приуныли, но буквально на пару минут, а потом тот самый, чернявый, одернув пиджак, твердо ответил:

– Сделаем, товарищ подполковник!

И глаза у него так горели, что я даже не сомневался – сделают. А что – ребята молодые, взгляд не зашоренный, рамок нет, зато есть талант.

Потом я вынул из принесенного с собой тубуса плакаты с силуэтами техники, но на этом дело вовсе не закончилось. Художники уже на завтра затребовали все пощупать и осмотреть в натуре. Колычев, который был в курсе моей задумки, дал добро, и через три дня после проверок и взятия подписок пацанов отвезли на полигон, где они начали резвиться. Была зима, холод страшный, но Репины не вылезали из боксов до тех пор, пока не предоставили мне «тридцатьчетверку» и ЗиС 3, покрашенные по их задумке.

Когда я, вызванный их звонком, прибыл на место, чернявый, которого звали Олег

Семинацкий, дыша на руки, гордо показал в открытые ворота, за которыми стояли плоды совместных трудов, и сказал:

– Вот. Мы сначала на эскизах все прикинули, а потом уже на самих объектах. Жалко, что нам не дают их в поле выгнать, там бы вы наглядно убедились в действенности маскировки.

Но я убедился и так, потому что, хлопая глазами, глядел на Т-34-85 чуть ли не в «цифровом» камуфляже. Во всяком случае, эти рубленые линии наслаивающихся геометрических фигур были очень похожи именно на «цифру»! А Олег продолжал:

– Мы еще исходили из ваших слов об уровне образования в Красной армии, поэтому постарались максимально упростить саму схему наложения цветов. Сделали несколько полотняных трафаретов. Подсчитали общее количество расхода краски и дали пропорции смешивания.

– А это что за конструкция?

Оторвавшись от созерцания танка и дивизионной пушки, я обратил внимание на макетный стол и стоящую над ним высокую, до потолка, стремянку.

– Это? Это мы моделировали, как «тридцатьчетверка» в летнем камуфляже будет смотреться на местности, из кабины немецкого самолета-разведчика. Даже фото делали. А вон там, за брезентом, такой же стол, но с зимним пейзажем. На нем мы другие решения проверяли и после проверки выкрасили уже настоящую технику.

– Ну вы, блин, даете. – Я отвечал Семинацкому, а сам обшаривал глазами стол в поисках модели танка, но так его и не найдя, уточнил: – Вы модельку уже убрали?

Олег по-детски рассмеялся и, протянув руку, взял со стола удивительно тонко сделанную копию танка размером с коробок спичек.

Осторожно разглядывая модель, я поинтересовался:

– Из пластилина сделали? Да как классно все! Даже десантные скобы есть!

– Нет. Из глины. Вася у нас скульптор, вот и постарался.

– И как все выглядит на фото?

– А вы сами посмотрите...

Разглядывая четкую, контрастную фотографию, я нашел место, где стоял замаскированный танк только потому, что видел, откуда его достал Олег. И то, танк я толком и не рассмотрел, настолько он сливался с местностью. Восхитившись результатами деятельности пацанов, я уже хотел бежать с этим к Ивану Петровичу, но перед моим уходом Семинацкий пояснил, что этот камуфляж подходит только для данной, конкретной модификации танка. Для Т-34-76 он уже будет другой. Для ИС-2 совсем другой. Ну и так далее.

– Даже набалдашник на конце ствола может изменить картину. А уж если форма башни будет иная, то весь эффект сразу пропадает. Поэтому рисунок должен быть индивидуальный для каждого типа танка или самолета. Это очень важно!

Кивнув, я поблагодарил ребят и, сказав, что их головы и руки еще будут востребованы, помчался к Колычеву, унося с собой снимки, сделанные студентами.

Глава УСИ, который вначале к моей идее отнесся довольно равнодушно, разглядывая фотки, чесал затылок, хмыкал и в конечном итоге на ближайшем совещании поднял этот вопрос на самом высоком уровне. Вот так это дело в конце концов и дошло до Верховного. Тот, исходя из своей привычки не откладывать решений в долгий ящик, вызвал вояку из конторы, где разрабатывали обычный камуфляж.

Военные чины, презрительно оттопыривали губу, морщились и всячески хаяли творение «подростков». Но уса́тый вождь, назначив художникам куратора – целого генерал-майора артиллерии, выдвинул, на мой взгляд, очень толковую идею. Он просто назначил испытания. Да еще добавил при этом:

– Не будем спорить, товарищи. Лучше как говорится – один раз увидеть... Просто возьмем взвод танков в обычном маскировочном окрасе и в том, что предлагают, как вы говорите, «подростки». А товарищи летчики, артиллеристы и танкисты, которые будут их

облетывать, засекать, или вести учебный бой, нам скажут свое мнение.

Я этого уже не застал, так как отбыл к Гусеву, но было известие, что на тех соревнованиях Айвазовские победили с разгромным счетом. А затем на заводы и в мехмастерские пошли циркуляры и инструкции, связанные с этим нововведением. Из ребят же организовали официальную группу по разработке новых видов камуфляжа. И уже летом я узнал, что после проведения войсковых испытаний было выяснено, что потери наших танкистов, которые подверглись нанесению «цифры», снизились почти на восемь процентов, а мои студенты представлены к наградам и даже выдвинуты на соискание Государственной премии.

Но, судя по моему новому комбезу, их деятельность техникой теперь вовсе не ограничивается. Похоже их задействовали и в легкой промышленности... А для нас это – большой гут! И лично для меня это тоже показатель. Показатель того, что могу хоть что-то толковое предложить. Не в смысле чего-то глобального и всеобъемлющего, а вот так – ориентируясь на собственную смекалку.

Ведь чем дольше идет война, тем более и более опытными и знающими бойцами становятся окружающие люди. Я-то хорошо помню, насколько внимательно – открыв рот и растопырив уши, меня слушали окружающие тогда, в сорок первом. Ведь и запуск РС с самодельных станков был для них откровением. Добыча тротила из старых снарядов, дощечка с зарубками – для стрельбы из станкача ночью, подленькое минирование трупов гранатами, да и многое, многое другое в начале войны было откровением.

Просто мне в свое время дядя Саша давал знания, которые были основаны на опыте и Великой Отечественной, и Корейской, и Вьетнамской, и Афганской войн. А ведь я перечислил только наиболее крупные конфликты второй половины двадцатого века... Поэтому в лето начала войны я и выступал эдаким гуру и знатоком. И все потому, что людям, бывшим тогда рядом со мной, просто неоткуда было набраться настолько специфических навыков. Практически все знания Первой мировой и Гражданской с утра 22 июня сразу устарили, а нового опыта бойцы еще не наработали. Зато сейчас...

Сейчас, по сравнению с некоторыми спецами, я просто – щегол пестрожопый. И реально оценивая, теперь отношу себя к середнячкам. Крепким, но не более того. А чтобы вообще не скатиться вниз, приходится постоянно учиться, общаться и набираться *своего* опыта. Я и раньше не был чужд поднять профессиональную подготовку повыше, но вот случай со Славкой Кубиком меня вообще подстегнул конкретно.

Ведь насколько изящно он действовал – предугадал психологическое состояние противника, учел его привычки, а потом, объединив это с обыкновенным атмосферным давлением, сумел провести блестящую разведку кишачей немцами местности. Я бы там засыпался...

Так что хоть это и отдает паранойей, но быть даже в середняках вовсе не хочется. Ибо все, что не «лучший» – чревато для здоровья. И пусть народ вокруг говорит, что Лисов и так – «настоящий волчара», только я никогда после того случая не упускал момента поговорить и с разведчиками, и с артиллеристами, и с танкистами, и с летунами. Причем не просто потрепать языком, а именно обменяться опытом. Ведь у каждого человека за годы боевых действий появились свои наработки и наблюдения. Даже у обозников можно столько интересного и применительного к нашей работе узнать... Вон, полгода назад один ездовой говорил...

В стороне щелкнул сучок, и я, отвлекшись от воспоминаний, перенес свое внимание в ближнюю зону. Ха! Да у нас гости. Упитанная мохнатая свинья и с ней три полосатых поросенка, похрюкивая, принялись увлеченно копать под дубом, растущим метрах в тридцати от нас. Слегка пихнув ногой Пучкова, я глазами показал ему на свинок и изобразил, как будто зубами стягиваю с шампура кусок мяса. Гек плотоядно улыбнулся, а кабаниха, видно, что-то почуяв, перестала рыть землю и принялась. Поводив рылом, она как самонаводящаяся ракета развернулась к нам и коротко хрюкнула, после чего вся семейка бесшумно исчезла в зарослях.

В принципе это можно считать за показатель отсутствия поблизости людей. У кабанов такой, что собака позавидует, да и осторожные они до невозможности. А так – кабанчики гуляют, птицы не орут обеспокоенно. Значит...

– Гек, можно менять позицию. Пойдем в квадрат двадцать-девятнадцать, заодно и разомнемся.

Напарник кивнул, и еще через несколько минут мы двумя размытыми тенями скользили в сторону новой точки наблюдения.

В новом квадрате, на пересечении двух лесных дорог, просидели до вечера, но за это время вообще никого не увидели и, когда сумерки начали сгущаться в темноту, снялись с места, двинувшись к точке сбора. Когда через полчаса подошли к вывороченному вязу, то, мигнув два раза фонариком с синим светофильтром, получили ответное условленное мигание. Пучков, видя это, удовлетворенно сказал:

– О, наши уже здесь! Вот и здорово – никого ждать не придется.

А еще через несколько минут я принимал доклад Шарафутдинова о прошедшем дне. Они находились в более оживленной местности и поэтому помимо двух подвод с сеном, проследовавшим в сторону колхоза «Буденновский», и бабы с ребятишками, которые собирали ягоды, видели даже полуторку. Изделие Горьковского автозавода перевозило в кузове улья и, попердывая изношенным мотором, укатило в сторону квадрата 32-18.

Марат, выговорившись, поинтересовался:

– Ты опять малолетних «шпионов» отслеживал?

– Опять.

Шах только головой покрутил, а я, не желая больше торчать в этом комарином рассаднике, приказал:

– Ладно, потом мнениями поделимся. Нам еще часа два топать, поэтому – за мной!

И группа в полном составе взяла курс на аэродром.

Пока рысили по темному, хоть глаз выколи, лесу, я все думал, что идея уйти за будущее кольцо оцепления все равно кажется правильной. Да что тут «кажется»! Четыре дня наблюдения за районом вокруг хутора Кшиштофа Ломзицкого еще больше утвердили меня в этой мысли. Ведь вначале планировалось нас и остальные террор-группы задействовать в наиболее непроходимых районах, которых в этой части Полесья было выше крыши. Остальную местность должен был контролировать скрытно выдвинувшийся в час «Х» кавполк, с двумя усиленными пулеметными эскадронами. Их задачей являлось: пройдя вне дорог, чтобы исключить возможность встречи с наблюдателями АКовцев, оцепить возможные пути отхода поляков в районе 3–5 километров от аэродрома.

Вторую линию оцепления будут осуществлять три батальона НКВД, которые придут из Листвянок. А так как Листвянки находятся почти в сорока километрах отсюда, то пехота НКВД со своей техникой блокирует дорогу Грель–Воркуновка только часа через два после начала операции. Заранее занять позиции они просто не смогут, так как в этом случае разведка АК будет иметь возможность предупредить своих. Но зато эта дорога проходит в восьми километрах от аэродрома, отсекая основной лесной массив. А форсирование дорог в тылу противника – это дело крайне опасное, и поэтому я не завидую тем полякам, что сумеют проскочить позиции спешенных кавалеристов. По времени те, кто прорвется через первую линию оцепления, добегут до этой дороги как раз часа через два с половиной после начала боя, поэтому бойцы НКВД вполне успеют и расположиться, и закрепиться, и встретить беглецов со всей пролетарской любовью.

Все это, конечно, мало отличалось от обычной войсковой операции, но имелся один нюанс. Засадный кавполк заставит основную массу рассеяться. А так как командиры у АКовцев вовсе не дураки, то оставшиеся в живых вполне смогут предположить горячую встречу на лесной дороге, отделяющей этот участок леса от остального массива. И значит, что? А это значит, что они постараются уйти в сторону от своих основных сил. И уйти не столбовым путем, а наиболее непролазными буераками. Вот тут и начнется работа для ребят

из террор-групп.

Я же решил расположиться еще дальше. Просто прикинул – кого-то возьмут кавалеристы. Кого-то НКВД. Самых хитрых захомут «невидимки». Но у руководства нападающих должны быть свои пути отхода. Или хотя бы места лежек, чтобы была возможность отсидеться, пока поисковые группы будут шерстить лес. Только организовывать замаскированный блиндаж в этих местах заранее они бы не смогли. Случайность, конечно, не исключена, но в то, что где-то здесь будет «схрон» АКовцев, верится слабо. А вот помощники из местных вовсе не исключены.

Просидев полдня с картой, нашел на ней шесть хуторов, расположенных недалеко от Здохлева болота. Два из них отпали автоматически – из-за своей большой удаленности от места событий. А относительно еще пяти попросил Гусева уточнить сведения у местных сотрудников НКВД. Серега мою просьбу выполнил практически молниеносно, и к вечеру первого дня я беседовал с лейтенантом Смирновым. Иван Смирнов, оказавшийся плечистым мужиком лет тридцати с маленькими умными глазами на костистом лице, сразу понял, что мне нужно. Поправляя перевязь, на которой висела раненая рука, он ответил:

– На трех хуторах, расположенных здесь и здесь, – Иван показал места на карте, – проживают украинцы. Причем – «щирые». Контакты с ОУН не зафиксированы, но вполне возможны. Лесовики, что с них взять... Вот на этом, – Смирнов опять ткнул в точку на карте, – нормальные люди. Хозяин – Мыкола Стахив – активно помогал партизанам с самого начала войны. ОУНовцы его бы уже спалили, но у него пятеро детей: пацанов-погодков от четырнадцати до восемнадцати лет. И с оружием все управляются просто отлично. Шестнадцатилетний Ясь, тот вообще пулеметчик-виртуоз. Поэтому националисты, пару раз обломав зубы, вот уже месяц к нему не лезут. Из этого можно сделать вывод, что АКовцы ни к кому из этих троих не сунутся. С «щирыми» у них слишком уж большие трения после Волыни да Галиции. Стахив по понятным причинам тоже отпадает.

Лейтенант сделал паузу, а я, кивнув, признал правильность его мыслей. Это он точно заметил, что после этнических чисток, проводимых ОУН в Галиции да и в других местах «кресов всходних», как поляки называют эти территории, какой-либо союз между ОУН и АК практически невозможен. Уж очень хорошо «щирые» постарались в уничтожении поляков, имеющих «счастье» там жить. Это в мое время украинские националисты и Польша – братья навек в своей дружбе против «москалей». А сейчас они хуже кошки с собакой, и взаимный счет только растет.

Иван же, очередной раз поправив повязку, продолжил:

– А вот на четвертом хуторе проживает некий Кшиштоф Ломзицкий. В каких-либо связях не замечен, но Стахив говорил о том, что старший сын Ломзицкого – Юзеф – пропал еще в сорок первом. Ну пропал и пропал... Только есть странность – жена Юзефа, которая проживает на том же хуторе, в этом году родила. У хуторян с этим строго, значит, сын Ломзицкого, если и пропал, то не с концами. Во всяком случае, в прошлом году он был у отца. В связи с этим возникает вопрос – почему он не возвращается домой и где вообще проводит время? Понимаю, что эта наводка очень хилая, но, если и предполагать связь с АК, то она может быть осуществлена именно через Ломзицкого. Сам он поляк, сын почему-то скрывается... Да и хутор расположен в самой глуши, в полутора километрах от Здохлева болота.

– Болото на карте обозначено как непроходимое, но я по себе знаю, что у местных всегда тропка найдется. Ты не в курсе?

Смирнов, пожав плечами, извиняющимся тоном ответил:

– Я тут меньше месяца работаю. Прислали на замену убитого уполномоченного, поэтому всего еще разузнать не успел. Только-только с людьми познакомился...

Кивнув на его перевязанную руку, я поинтересовался:

– И часто тут постреливают?

– Да каждый день! Ближе к воинским частям, конечно, соваться не рискуют, зато как в глубинку поедешь, считай, обязательно какая-нибудь падла из кустов шмальнет. И главное –

людей у меня не хватает! Восемь человек на такой район – это же несерьезно! Мне пару раз взвод из запасного полка давали для прочески, но все бессмысленно. Тут не столько банды действуют, сколько сами хуторяне шалят... А он винтовку убрал в сарай, и все – мирный человек. И таких «мирных» здесь десятки...

– Что, егерей в вашем районе не водится? Они бы быстро всех лесных шалунов на ноль помножили.

– Откуда? Крупных банд у нас нет, а с этой мелочью, как начальство считает, мы сами разбираться должны. И я думаю – оно право. Вот только людей мало... Обещали через неделю подкинуть еще пятерых толковых парней. Так что через неделю и начнем этих стреляльщиков к ногтю прижимать!

– Как действовать – знаешь?

Лейтенант на этот вопрос только ухмыльнулся:

– Ученый.

Я не стал интересоваться, насколько он ученый, – и так ясно. Спецкурс ввели еще в начале прошлого года. Тогда для всех уполномоченных давалась краткая выжимка из антипартизанской тактики действий егерей. А этих самых егерей активно начали готовить на тех же базах, где шла подготовка «невидимок». И хоть говорят, что партизанскую войну прекратить очень тяжело, практически невозможно, но ребята из террор-групп с этим справляются довольно бодро. Тут ведь все зависит от тактики действий и знания психологии человека. И еще надо учесть, что основную массу «лесовиков» составляют именно крестьяне. Городские среди них, конечно, тоже встречаются, но и к ним есть свой подход. А метода, кстати, достаточно проста. Если совсем вкратце, то егеря сначала ведут тихую разведку в местах предполагаемого базирования противника. Но не в самом лесу, а в районе окружающих его деревень и хуторов. Разумеется, не показываясь на глаза местным жителям. «Лесовики» ведь не в вакууме живут, поэтому из леса в деревни периодически ходят курьеры. Да и не только курьеры. Разведчики, которые через своих родственников получают нужные данные, фуражиры, которые таскают продукты в отряд, просто бойцы, которые к своей жене на побывку забредают. Да и баня далеко не всегда в лесу присутствует...

В общем, егеря какое-то время отслеживают все эти перемещения, отмечая маршруты и время, а потом хлоп – оседлывают изученные тропы и начинают резню. Причем желательно – бесшумную. В стане тех же «мельниковцев» в результате этих действий начинается нервотрепка. То есть разведчиков они потеряли, жрать тоже становится нечего и окружающая обстановка не ясна. Вроде против них никто не проводит войсковой операции, о которой они всегда осведомлены по косвенным признакам (таким, как аресты по деревням и блокирование населенных пунктов солдатами). А тут все тихо, но люди пропадают, есть становится нечего, да и деревенские бойцы, оторванные от своей родни, начинают бухтеть. Какой напрашивается выход? Только уходить из данного района, так как против обученных егерей, которые никогда не вступят в открытый бой с превосходящими силами, шансов у «мельниковцев» – никаких. А людей становится все меньше с каждым днем и, нет никакой гарантии, что когда их станет достаточно мало, весь «рой» не прихлопнут возникшие из темноты леса «невидимки».

И они уходят. Безвозвратно, так как выжившие их егеря могут действовать в этом районе и месяц и два и три, даже после ухода «роя», оставшегося от «четы». Уходят туда, где уже нет деревенских родственников, которые всегда готовы накормить и обогреть. Нет, агентура у них, конечно, работает, и даже в другом районе всегда найдутся люди, готовые помочь, но это уже мизер по сравнению с тем, что было. Да и хуторяне, составляющие основную массу «борцов», недовольные тем, что не видят своих родных и близких, начинают задумываться над дальнейшими перспективами этой борьбы. А так как между налетами им хочется и поесть и поспать и бабу, то существует два варианта развития событий: либо группа постепенно распадается, либо начинается беспредел. Если распадается, то и хрен с ними, а вот если беспредел...

В чужом районе они начинают потихоньку именно бандитствовать: забирая

продовольствие, убивая несогласных, насилуя понравившихся барышень. Местное население, часть которого в начале вроде даже поддерживало «повстанцев», начинает в результате этого менять свое отношение. То есть не желая терпеть отморозков у себя под боком, принимается активно стучать. А дальше уже дело техники, так как основная задача выполнена – «лесовики» оторваны от народа и с ними могут справиться власти, работающие на местах.

Это касается в основном малых и средних групп. То есть от «роя» до «курения». Но и с большими, так называемыми «отрядами» и «группами», в которые могли входить до трех тысяч человек, подобная тактика тоже дает свои результаты. Единственно, что добавляется, – это плотное взаимодействие «невидимок» с войсками НКВД и армией, которые после проведенной егерями разведки просто уничтожают «группу» в полном составе. Наибольшую же головную боль приносят рейдовые формирования, мотающиеся словно бешеные по всей территории Украины и Польши. Только вот на каждую хитрую попу всегда найдется хрен с винтом, поэтому и рейдовиков тоже гасят – дай боже!

Да и вообще – любое партизанское движение без вливаний извне достаточно быстро хиреет. А с новой тактикой борьбы с ним, проводимой советским командованием, оно заглохнет задолго до начала пятидесятых годов. Но главным, как мне кажется, будет даже не эта тактика, а новая политика, которую сейчас проводит Сталин. Вот она напрочь выбивает почву из-под ног у наших противников. В недавно освобожденных районах это еще не чувствуется, но постепенно здешние крестьяне поймут разницу с тем, что было, и с тем, что будет, начиная с этого года. И тогда все эти «проводники», «куренные», «сечевые» просто-напросто останутся без последователей...

Так что Смирнов наиболее прытких в своем районе сейчас прищучит, а потом, уже весной, когда реформы вступят в силу, вся эта партизанщина заглохнет сама собой. Крестьяне обычно люди очень умные, хоть и кажутся нам, городским, тормозами. Но смекалки, мудрости и жизненного опыта у них на сотню городских хватит. И пропаганде они меньше подвержены, предпочитая верить не словам, а делам. А только эти дела пойдут, слова националистических пропагандистов уже не будут иметь никакого значения. Крестьян тогда уже ничто от земли и заработка оторвать не сможет...

Но озвучивать свои мысли лейтенанту я не стал, а послушав еще какое-то время тертого уполномоченного и уточнив все нужные сведения, просто с ним распрощался.

Только вот уехать Ивану не дали. Лишь он подошел к лошади, как посыльный затребовал уполномоченного в штаб, а подошедший чуть позже Гусев объяснил, что Смирнова на неделю кладут в госпиталь. Ранение у него есть, так что лучше пусть руку подлечит, чем в самый ответственный момент его захватят в плен «лесовики». М-да... это Серега правильно придумал. Иван ведь постоянно в разъездах, и нет никакой гарантии, что именно в этот момент не сработает закон подлости и его не захватят. А так – в госпитале отлежится и выйдет, когда уже все закончится.

В общем, после ухода лейтенанта мы всей группой стали прикидывать план дальнейших действий. Только вот Гусев сразу начал скептически морщиться, но, помня слова Ивана Петровича о предоставлении нам в предстоящей операции свободы принятия решений, особо не возражал.

Вот так и получилось, что уже на следующий день мы издалека вели наблюдение за хутором Ломзицкого. И кстати, этот день нам практически ничего не дал. Хуторок был неотличим от тысяч ему подобных. Жили там всего двенадцать человек, включая дедов, баб и ребятишек. Мужиков средних лет на нем не было вообще, правда, остальные жители без них обходились вполне сносно. И что характерно – все были при деле: даже маленькая, лет пяти, девчушка, всюю обхаживала огромный выводок кур и гусей, которые были с нее ростом. То есть картина просматривалась самая мирная и идиллическая.

А на второй день, то есть за неделю до начала операции, мы обратили внимание, что один из сыновей хозяина, сразу после обеда прихватив с собой двух сестреноч, намылился в лес. Наблюдающий за этим Змей тихо констатировал:

– По ягоды пошли. Вон, лукошки с собой прихватили.

Проводив взглядом ребятню, я скомандовал:

– Гек, Жан, – проследить.

Может, они, конечно, и за ягодами пошли, но проверить не мешало бы. «Невидимки» Шмеля, группу которого я вытребовал себе в помощь и которые подменяли нас ночью, докладывали, что под утро на хуторе взбрехали были собаки. Как будто услышав шум, залаяли и тут же заткнулись, учуяв знакомый запах. Света на объекте наблюдения никто не зажигал, поэтому что-то более определенного Шмель сказать не мог. И вроде бы мелочь совершенная – мало ли от чего собачки ночами гавкают, но пунктуальный Шмель счел нужным доложить об этом факте.

А я тоже не собирался ушами хлопать и поэтому послал сейчас посмотреть – где именно ребяташки будут собирать свою бруснику, или за чем они там пошли. И как часа через три выяснилось – правильно сделал, что послал! Девчонки, те старательно наполняли лукошки, а вот пацан не столько уделял внимание сбору ягод, сколько обследованию тех мест, где могли быть советские «секреты» или патрули. Во всяком случае, из доклада Гека я сделал именно такой вывод. А тот еще прибавил:

– Девчата было пристроились малинник обдирать, километрах в полутора отсюда, но мальчишка потащил их дальше – километров за пять, аж до сухого лога. И по пути всю дорогу петлял, заглядывая куда только можно.

Я тогда многозначительно посмотрел на своих ребят, но они мои выводы подвергли обструкции. Тот же Марат, например, выдал:

– Это ни о чем не говорит. Мальчишку как более старшего послали приглядывать за девчонками. И вообще, сбор ягод дело вовсе не мужское, вот он этим и не занимался. А то, что к сухому логу пошли... Гек, ты там малинник видел?

– Видел.

– Ну и как?

– Ягод целая куча. Они свои лукошки за полчаса доверху набрали.

– Вот. – Шах победно посмотрел на меня. – Это говорит только о том, что пацан у нас знающий и поэтому отвел своих сестренек в более «богатое» место.

Но я выдвинул контраргумент, предположив, что этой ночью на хутор приходил «пропавший» сын Ломзицкого и передал какое-то указание папашке, а тот при помощи младшей ребятни начал его выполнять. И еще – Юзеф скорее всего приходил далеко не в первый раз, просто до этого за хутором никто не наблюдал. После этих слов даже Гек не выдержал:

– Илья, ну ты вообще уже... Это ведь обычные хуторяне, а не разведсеть НКВД в тылу противника.

Я в общем-то и сам чувствовал, что переборщил, поэтому ответил:

– Мужики, может, я и гоню, но места в предстоящей операции уже распределены. И мы этот квадрат для наблюдения сами выбрали. Вот и будем плясать от того, что кругом одни прендегасты, в смысле враги. И вести себя соответственно. Связан Ломзицкий с АК, не связан – время покажет. А пока мы будем блюсти свой участок ответственности и наблюдать как за пейзажами, так и за всем происходящим в этом районе. Может, чего и накопаем... Всем ясно?

– Ясно...

Хм... еще бы им было не понятно. Деваться-то все равно некуда, поэтому надо контролировать свой район от и до, включая все шевеления, передвижения и уточняя складки местности.

Идущий впереди меня Гек неожиданно остановился, вскинув руку, и я, отвлекшись от воспоминаний, тормознулся, присев на колено и контролируя местность слева по ходу движения. Остальные разведчики тоже присели, но Леха так и остался стоять, странно шмыгая носом. Через несколько секунд поняв, что больше ничего не происходит, я тихо

спросил:

– Что там?

Пучков, по-собачьи втягивая воздух, помолчал, а потом виновато ответил:

– Показалось...

– Чего показалось?

– Как будто жратвой пахло...

Я тоже начал принюхиваться, но лес пах лесом. Прелыми листьями, свежестью, болотом, находящимся невдалеке. Так мы нюхали темноту где-то с минуту, до тех пор, пока подошедший Змей, беззлобно ткнув Лешку в загривок, не сказал:

– У-у-у, желудок! Когда кажется, креститься надо.

Я на это только зубом цыкнул и уже хотел дать команду к продолжению движения, как вдруг Жан подал голос:

– Командир, а ведь и мне показалось...

Оп-па! Это что – двойной глюк? С другой стороны, Гек, конечно, проглот еще тот, но вот на пустом месте тревогу поднимать не станет. Про Даурена вообще молчу...

Я опять пошмыгал, но ничего не учуяв, растерянно почесал щеку. И что дальше? Можно, конечно, выкинуть их слова из головы и топать на базу, но вдруг это был не глюк? И если не глюк, то что это могло значить? Просто так, в глубине леса жратвой пахнуть не будет. И ведь ни костра не видно, ни дымом не пахнет. Уж запах дыма человек способен учуять на многие сотни метров, если не на километры. Говорят, что даже одну молекулу в кубометре воздуха распознать может – и все из-за того, что наши предки, живущие на деревьях, очень сильно боялись лесных пожаров. Что-нибудь другое – это уж как повезет, но вот дым человек унюхает на раз. Только дымом-то не пахнет... пахнет, по утверждению этих двух орлов, – едой. Может, действительно – показалось... а вдруг нет? И как проверить? Я еще раз почесал репу, а потом, озаренный внезапной идеей, тихо скомандовал:

– Жан, десять шагов назад и заткнуть уши!

Искалиев, удивленно пожав плечами, молча выполнил указание, а остальные также молча вытаращились на меня. Но объяснять я ничего не собирался – сейчас сами все поймут. Просто подойдя вплотную к Геку, спросил:

– Какой именно жратвой тебе пахло? Борщом, кашей, хлебом, тортом «Наполеон»?

– Не... не тортом... – Лешка какое-то время прислушивался к себе, а потом неуверенно ответил: – Вроде как консервами разогретыми... ну... говядиной с овощами.

Ага, понятно. Уперев палец ему в грудь, я сказал:

– Теперь ты – молчи, а ты, – я кивнул Марату, который, похоже, начал догадываться, что к чему, – тащи сюда Жана.

И повернувшись к подошедшему радисту, задал тот же вопрос:

– Какой ты запах унюхал? В смысле – какой едой пахло?

Искалиев, так же как и Лешка полминуты назад, задумчиво уставился куда-то в глубь себя, пошевелил кончиком приплюснутого носа и выдал:

– «Альтер маном» пахло. Разогретым. Я еще подумал, что «старику» здесь взяться вовсе неоткуда, а тут как раз Гек всех остановил...

Значит – «стариком»... Хм... хм, очень интересно. «Стариком» фрицы называли свои мясные консервы из-за наклейки на банке. И выходит, что пацаны учуяли один и тот же запах... То, что остальные ничего унюхать не могли, это можно понять – тут от очень многих факторов все зависит и, конечно, от концентрации запаха. Да и курево сильно нюх отбивает. А наша «глюкавая» парочка как раз не курит – Лешка бросил полгода назад, а Даурен вообще по жизни этой дурной привычки не имел... Поэтому в отличие от остальных «паровозов», они вполне могли почуять самый слабый посторонний запах. И это может значить, что...

Полет моей мысли был грубо прерван нетактичным Змеем:

– Гы! А я понял, зачем ты Жана в сторону отгонял и заставлял уши заткнуть. Чтобы он не услышал, что именно тебе Гек говорил, и не нарушил чистоту эксперимента!

Раздраженно отмахнувшись, я ответил:

– Молодец! В расположение вернемся, возьмешь с полки пирожок – за догадливость!

Женька обиженно надулся, а стоящий рядом Марат тихо спросил:

– Думаешь все-таки – «схрон»?

– Еще не знаю. И искать смысла нет – сейчас мы все равно впопыхах ничего не найдем.

А вот завтра надо будет тут пошариться... Только это место как-то отметить надо – ориентиры взять.

Мой зам кивнул и принялся осматриваться. Я тоже какое-то время крутил головой в поисках какого-нибудь особо приметного объекта, но найти его посреди темного леса оказалось довольно проблематично. В конце концов на фоне облитого лунным светом неба глазастый Жан увидел кряжистое дерево с расщепленной верхушкой. Прикинули расстояние до него, потом до дышащего, булькающего и вообще живущего своей жизнью болота, но я все равно остался недоволен:

– Завтра, мы это место хрен найдем. Так что берем азимут на ту ломаную верхушку и считаем шаги. Хоть приблизительно, но привяжемся.

Гек скептически хмыкнул, предложив:

– Может, хоть зарубки маленькие и незаметные оставим? А то ведь утром полдня будем этот пятачок искать...

– Я тебе такую зарубку поставлю, что к Жану в единоверцы без дополнительных обрядов попадешь! Так что топай тихо, считай шаги и паси приметные ориентиры!

Пучков вздохнул и заткнулся, а еще через несколько минут задумчиво молчащий Искалиев, до этого бесшумно топающий следом за мной, тихо пробурчал:

– Я – атеист. Комсомолец. А то что обрезанный, так это дедушка тайком от родителей постарался...

– Не парься, сказано было образно. Мы тут все одной веры – советской. Но деда своего при случае все равно поблагодари. На таких дедах мы еще тысячи лет стоять будем...

Даурен удивленно засопел, но я свои слова объяснять не стал, так как дошел до нужного дерева, оказавшегося ясенем, и закончил счет:

– Пятьдесят четыре, пятьдесят пять... Двести пятьдесят шесть. Так?

Остановившись, я оглядел свое воинство, интересуясь, сколько они насчитали. У всех вышло приблизительно такое же число. А я, еще раз глянув на компас, махнул рукой:

– Все – уходим. Нам еще часа полтора пилить, так что бодрее, бодрее.

И мы направились в сторону места базирования.

Глава 11

– Где, говоришь, этот проглот запах тушенки унюхал?

Гусев, прищурив глаз от попадавшего в него дыма, протянул мне карандаш.

– Вот в этом районе, километрах в восьми отсюда. Видишь, в сторону болота, как будто полуостров выдается? Вот на этом самом полуострове, где-то в его основании.

– Угу. – Серега посмотрел на карту, задумчиво постукивая пальцем по столу. – А там что – возвышенность? Судя по горизонталям, превышение над болотом больше двадцати метров.

– Да, сначала – бугор, потом постепенный спуск и резкий обрыв. Метров шесть как минимум. Дальше – осинник метров на двести, переходящий в болото.

– И что думаешь?

– Даже не знаю. Сначала азарт был, но пока сюда доскакали, более трезвые мысли в голову приходиться начали. Уж больно место для блиндажа неудобное. Если прижмут, уйти можно только на северо-запад, все остальные направления болото отсекает. ОУНовцы на такое никогда бы не пошли. Да и не могли поляки ОУНовские нычки знать. Завтра, конечно, посмотрим, но скорее всего – мужикам показалось...

– Знаешь. – Гусев затушил сигарету и, откинувшись на спинку стула, заложил руки за

голову. – В прошлом году, когда тебя от нас уже забрали, я встретился со знакомым СМЕРШевцем «волкодавом». Старинный приятель... Посидели, отметили встречу, поговорили...

– О бабах?

– Да ну тебя! – Командир сел ровно, положив руки на стол, и продолжил: – Короче. Он мне рассказал, что они как-то мельниковский бункер так же нашли – по запаху. И тоже – чисто случайно. Только при них собака была, которая его и учуяла.

– Пхе! Мой Гек не хуже любой собаки вкусняшки чует! Но здесь есть одна неувязка. Заранее поляки никак не могли тут свою нычку организовать. Украинских же «схронов» они просто не знают.

– Сам ты – «пхе»! А насчет поляков... тут ведь Волынский укрепрайон был, еще до тридцать девятого года. Он, правда, восточнее располагался, но не исключено, что с тех пор кое-какие чисто польские замаскированные блиндажи здесь сохранились. И бывшие армейские офицеры, которые теперь входят в АК, о них вполне могли знать и сейчас сообразно случаю использовать. Как ты сам говорил – «руководство, в случае провала, попытается отделиться от основных сил и затаиться в тихом месте». Тише места не придумаешь. «Загонщикам» и в голову не придет, что кто-то может сам себя в такую ловушку загнать, поэтому по полуострову они просто проскочат и уйдут дальше – на северо-запад. Что – разве не так? Тебе бы пришло в голову вести активные поиски на этом пятачке?

Гусев меня опять смутил, а я ведь уже думал, что завтра мы просто для очистки совести там пробежимся и уйдем к хутору так запавшего мне в душу Ломзицкого. Но если тут возможны чисто польские «схроны», то... А Серега подлил масла в огонь:

– Может, это и есть твоя удача, из-за которой нас всех выдернули? Это же надо – топя по лесу, без всяких собак унюхать затаившегося врага!

– Гы! – хмыкнул я. – Ну, положим, не врага, а тушенку, но я тебя понял. Завтра там будем рыть плотно.

– Может, людей подкинуть? С ищейками?

– Нет уж. Меньше народу – больше кислороду. А гаврики с собачками пусть остаются, где были. Патрулируют люди Власика возле аэродрома, вот пусть и патрулируют. Сам говорил: твой друган – «волкодав» – хотел просто захватить и обезвредить националистов. А у нас задача совсем другая – обнаружить и не вспугнуть. Псина гавкнет один раз и все – считай писец. Так что буду пользоваться Геком – он лучше собаки!

Тут я заткнулся, так как понял, что практически процитировал слова Малыша из «Карлссона». Гусев же на мою ухмылку внимания не обратил и сказал:

– Значит, так и решим... ладно, ты иди отдыхай, а мне еще к наркому надо на доклад.

– М-да... покой вам только снится! Но ничего, зато по лесу бегать не надо.

– Я бы лучше побегал...

– Не стони. Зато отдельные апартаменты и генеральский доппак! В каждой каке надо находить что-то хорошее.

Гусев на это только поморщился, а я, поднявшись, уже собрался уходить, но вдруг, вспомнив о недавней мысли, сказал:

– Слушай, мон женераль, я тут твоего ординарца припашу. Ты не против?

Командир устало потер глаза и поинтересовался:

– На предмет?

– Хочу обмен сделать. У нас тут дамский браунинг с собой случайно оказался. Ну этот, который весь никелированный, образца девятьсот шестого года, помнишь? Ты его еще собирался у меня слямзить и Лизавете, что с секретчиками приезжала, подарить.

– У тебя их штук пять заныкано. А я захотел бы – слямзил. Но ты ведь развонялся до небес – «обменный фонд, обменный фонд»... Ладно, не о том разговор. Зачем тебе Рыбников?

– Да вот, есть идея твоего Васю напрячь, чтобы он этот ствол у летунов на колыт сменял.

Сергеа вытаращил глаза:

– На хрена?

– Что за женские вопросы? Просто у меня в коллекции нет модификации двадцать третьего года. А тут все амеры с таким распекают.

– Ага! Умнее ничего не придумал? Подбить кого-то из союзников на воинское преступление, связанное с передачей штатного оружия в чужие руки. Даже не с передачей, а с отдачей! И на это дело хочешь привлечь ординарца генерал-майора НКВД? У тебя мозги вообще как, есть?

– Конечно. Васька ведь не сам ченч проводить будет. Озадачит бойца из БАО – и дело с концом. А америкос этот кольт спишет как два пальца об асфальт! Это ведь не последний ствол в их армии. Ты что, летунов не знаешь?

– Я запрещаю! Категорически! И главное сам, сам не вздумай этим заняться! А то знаю я тебя – у летчика амнезия, оружие потеряно, а у Лисова в чемодане новая игрушка!

Гусев так перевозбудился, что с него слетела вся усталость, а я, махнув рукой, ответил:

– Ну и хрен с тобой, золотая рыбка. Нет так нет – зачем же так орать? Не больно-то и хотелось. Только запомни, когда я когда-нибудь в будущем разложу всю свою шикарную коллекцию, там останется одно пустое место. Вместо пистолета будет висеть плакатик – «здесь должен был быть кольт M1911A1, которого нет по причине того, что Гусев – козел».

– Пошел вон!

Сергеа швырнул в меня карандашом, но не попал, отчего обозлился еще больше. Плюхнувшись обратно на стул, он прошипел:

– И ты, Лисов, меня хорошо понял? Чтобы никаких обменов! Одного сэконд-лейтенанта, как ты в таких случаях говоришь, «развел» – и хватит! Самому-то не стыдно?

– С чего бы? Тот младшой на меня сам налетел аки вепрь, когда «Мороженое мясо» увидел. Долго гонялся на коленях, все руки обслонявил, невзирая на царящую вокруг антисанитарию. Плакал и бормотал: «Сэр, я всю жизнь мечтал о таком сувенире». А сигареты и жевачку он в клювике принес, исходя из чувства элементарной порядочности, помноженной на горячую благодарность.

Давая подобный ответ, я, как это ни странно, ничуть не кривил душой. Приблизительно так оно все и было. Просто еще в первый день, после обеда, когда мы готовили оружие к завтрашнему выходу, я в одном из карманов разгрузки нашел фрицевскую медаль «За зимнюю кампанию 1941 года». Как она там оказалась, так и не вспомнил, поэтому, повертев между пальцами темный кругляш на красной с черно-белой полоской ленте, я бросил ее на стол. А ближе к вечеру мне приспичило посетить местный чудо-сортир. Когда уже выходил из палатки, опять заметил медаль и, решив, что ей самое место в глубинах аэродромного туалета, забрал ее с собой.

Так и шел, машинально крутя эту медальку за ленту. А возле «хитрого домика» почувствовал чье-то внимание к своей персоне. Подняв глаза, увидел стоящего в двух шагах от себя сэконд-лейтенанта, который неотрывно следил за полетом гитлеровской цапки вокруг моего пальца. При этом на физиономии у него был такой восторг, что я невольно сбился с шага. А увидев, что я остановился, он облизал губы и, отдав честь, неуверенно улыбнулся.

Козырнув в ответ, я остался стоять на месте, ожидая развития событий. И через несколько секунд – дождался. Летеха, видно, задавив робость, спросил:

– Сэр майор, сэр! Это ведь – немецкая награда? Разрешите посмотреть, сэр?

Видимо, совершенно не рассчитывая на мое знание заморского языка, свое английское «сэрканье» он дополнял вполне понятной международной жестикуляцией. При этом морда у него была самая просящая. Да и весь сэконд-лейтенант выглядел достаточно прикольно – худой, высокий, лопоухий, белобрысый, он так наивно хлопал глазами, что я, забыв о своей вечной нелюбви к амерам, протянул ему медаль, добавив по-русски:

– Держи, салага. Это подарок. Презент.

Слово «презент» мамлей понял сразу и моментально, после чего, не кочевряжась и не

делая вид, что ему неудобно, принялся благодарить и жать мне руку. Похлопав его по плечу, я прервал «сэрканья» и «сэнксы» счастливого летуна и, чувствуя усиливающееся бульканье в животе, порысил в сторону многоочкового чуда, благо идти было недалеко.

А когда удовлетворенный и довольный жизнью вышел обратно, меня снова поджидал давешний летеха. Держа под мышкой два блока сигарет, а в руках какую-то яркую коробочку, он нервно крутил головой, но, увидев знакомого дарителя, просиял улыбкой и кинулся ко мне.

В общем, амер был достаточно воспитан и не лишен благодарности, поэтому пожелал отдариться. В итоге разведгруппа разжилась двадцатью пачками «Кэмэла» и упаковкой жевачки, которая была в той самой, яркой коробке. Я правда немного повыводился, показывая жестами, что ни сигареты, ни резинка мне никуда не уперлись, но летун был настойчив, и мы расстались вполне довольные друг другом.

Вот про этот случай Серега мне сейчас и напомнил, хотя паразит такой, отлично знал, что к чему. На этой совместной базе стукачи сидели друг на друге, поэтому генерал-майор нарисовался в палатке через пятнадцать минут после обмена и потребовал объяснений. Узнав, как было дело, уговорился и, нагло забрав пять пачек «Верблюда» без фильтра (сказав, что это его доля), опять убежал. А сейчас еще и пристыдить меня пытается, мародер беспредельный. Но дрюкать начальника я дальше не стал, а подняв карандаш, валяющийся возле стенки, и положив его на стол командира, примиряюще ответил:

– Чего мне стыдиться? Это не я за америкосом, а он за мной гонялся. Что называется – почувствуйте разницу. И про пистолет – я тебе пургу прогнал, чтобы сон сбить. Конечно, ничего менять не буду. Не царское это дело чего-то у буржуинов просить. А если бы и собрался, то исходя из навыков прошлой жизни я бы на этот ствол как минимум «летающую крепость» сменял. Просто надо знать конъюнктуру рынка и людскую психологию. Летуны ведь, в связи с удаленностью от передовой, подобных трофеев лишены по умолчанию. А пофорсить им тоже хочется... – Тут видя, что Серега опять начал надувать щеки, я примиряюще поднял руки: – Да шучу, шучу! Зато смотри – опять встряхнулся, а то ведь как сонная муха был. Сколько ты уже – сутки не спишь?

– Вторые пошли. И сегодня еще полночи точно спать не придется. Колычев опять в Москву летал, вот совещание и собирает.

– Что-то случилось?

– Да нет, рутина обычная... Ладно, ты иди, а то мне уже пора... И завтра, как вернетесь, тут же ко мне. Понял?

– Да.

Поднявшись, я двинул к выходу, но возле самых дверей, нащупав в кармане один из подарков американского летуна, вкрадчиво спросил:

– Серег, жевачку хочешь?

– Засунь ее себе знаешь куда?!

Гусев только что не плюнул на пол, показывая свое отношение к заморской диковинке, а я, радостно хмыкнув, с чистой душой потопал к своим ребятам, по пути вспоминая, как весело получилось с этим бубль-гумом.

Тогда, когда я притащил в палатку свои трофеи, мужики к сигаретам отнеслись вполне спокойно, сразу закулив и оценив душистость и мягкость табака. А вот жевачка... Никто из моей команды этот странный продукт до сих пор не видел, и Пучков на десятой минуте жевания выразил общее мнение:

– Вкусная конфета. Вкусная, но странная. Я ее жую-жую, а она не тает.

После чего этот стриженный монстр взял и проглотил розовый комочек. Видно – жевать надоело. Увидев столь бездарный перевод дефицитного продукта, я подскочил с койки и сделал общее объявление:

– Твою маман! Ну вы и серость! Это не конфета! Это – жевательная резинка! Ее можно жевать и жевать. Долго! Пока не устанешь. А потом можно прилепить к уху, отдохнуть и снова жевать!

– Зачем? Она ведь какая-то безвкусная становится... Йоп! И липкая!

Это Змей, задав вопрос, вытащил бубль-гум из рта и теперь безуспешно пытался отклеить его от пальцев. Масса прилипла намертво и только расплзалась розовыми нитями сначала между пальцами, а потом и между разведенными руками ошалевшего от такой засады Женьки. Остальные, перестав жевать, настороженно следили за его манипуляциями. Я, глядя, как он пытается вытереть руку о брезентовый полог палатки, только хмыкнул и, опять упав на койку, с удовольствием выдул шикарный пузырь.

– Илья!!!

Вопль Шарафутдинова заставил меня подскочить и уставиться на кричавшего. Бесконтрольный пузырь при этом, разумеется, лопнул, прилипнув к щекам и подбородку. Марат, смотревший на меня совершенно круглыми глазами, судорожно выдохнул, а я, осторожно отлепляя клейкую массу от физиономии, злобно поинтересовался:

– Ты чего орешь?

– Фу-у-у-х... – Шах еще раз выдохнул, передернулся и, пригладив вставшие дыбом волосы, жалобно попросил: – Командир, ты больше так не делай. Я подумал, у тебя желудок из рта вылезает... Мля...

Нет, ну не сволочи? Я им вкусняшки принес, а они... В общем, пока мы со Змеем отмывались, остальные, выплюнув резинку в газетный кулек, осторожно, как взведенную мину, отнесли его за палатку и там для верности еще и прикопали. Жан, уминающий получившийся земляной бугорок сапогом, при этом приговаривал, что «нормальные люди такую опасную гадость не то что в рот не положат, а еще и близко не подойдут».

М-да... сюрприз не вышел. Хотя эта жевачка и в самом деле очень сильно отличается от существовавших в мое время резинок. Во-первых, она вкуснее, а во-вторых, в отличие от разных «Орбитов» и «Стиморолов», ко всем сухим поверхностям липнет как последняя сволочь. И хрен ее чем отдерешь, поэтому при использовании надо соблюдать определенные меры безопасности.

Когда после мытья мы вернулись в палатку, там все уже успокоилось, только Гек выглядел несколько встревоженно. Помявшись пару минут, он задумчиво сказал:

– Илья, а ведь я ее проглотил...

– И что?

– А у меня нутро от нее не слипнется?

Пучков выглядел так озабоченно, что я не смог удержаться:

– Нет, только в сортир придется с опаской ходить.

– Почему?

– Ты видел, какой я пузырь выдул? Вот у тебя то же самое, только из задницы, выдуется. И конечно – лопнет. Как ты потом мыться будешь, ума не приложу...

Озабоченно покачивая головой, я плюхнулся на койку, а через несколько секунд началось повально ржание в четыре глотки. Леха сначала в нем не участвовал, растерянно хлопая глазами и, видимо, представляя себе весь кошмар будущей оправки, но потом, поняв, что командир пошутил, присоединился к общему хору.

И как раз в этот момент нарисовался Гусев, которому донесли про мою встречу с американцем. Узнав, что к чему, генерал-майор забрал свою долю трофейных сигарет, от бубль-гума категорически отказавшись, и присовокупил:

– На хер вас, вместе с вашими шутками, а то и я в туалет буду бояться ходить!

В общем, импортную новинку продуктов питания мои друзья восприняли резко отрицательно и впоследствии от предлагаемой резинки отказывались вежливо, но твердо. Ну, значит, мне больше достанется...

Улыбаясь этим воспоминаниям, я загрузился в «ГАЗ 64» и порулил к месту нашего базирования. Почему не пешком, а на машине? Да потому что уже на второй день проживания на аэродроме группу генерал-майора Гусева со всем ее барахлом перевели километра на два юго-западнее совместной советско-американской базы, туда, где уже

располагались ребята из террор-групп.

Сделано это было, разумеется, не из-за моих обменов, а в целях безопасности и сохранения секретности. Не зря же нам в первый день даже оружие свое запретили носить, как сильно выделяющееся и демаскирующее вновь прибывших как разведчиков. Хотя лично я считаю, что нас хоть в балетные пачки одень – по замашкам, да и общей моторике движений, знающий человек на раз скажет, кто из ху. Начальство, видимо, решило так же, и вот теперь мы живем на выселках. И пусть вдалеке от шикарного, эксклюзивного туалета, зато в очень хорошей компании. Опять-таки рев самолетов не раздражает...

Когда я доехал до нашего брезентового дома, мужики уже дрыхли и только Марат, сидя за столом, чего-то писал при свете переноски. Увидев меня, он спросил:

– Есть будешь? Еще горячее...

– Ага!

И приняв из рук Шаха действительно горячий котелок с кашей, я стал орудовать ложкой, попутно обсуждая со своим замом завтрашний план действий.

* * *

– Ну что у тебя?

– Так же как и у тебя – пусто...

Третий час мы ползаем по этому пятачку расширяющимися кругами, но все напрасно. Ничего такого, что указывало бы на замаскированный блиндаж, так и не нашли. В результате этих поисков меня опять начали терзать смутные сомнения о его существовании, но вида я не показывал, нарезаю круги вместе со всеми остальными. Только в результате к середине дня имел лишь ободранные колени да искусанную комарами морду. Давить кровососов шлепками я запретил в целях соблюдения звукомаскировки и теперь молча страдал, осторожно размазывая напившихся моей кровушки насекомых по физиономии. Остальные ребята выглядели не лучше. Они, похоже, так вымотались, что даже не матерились под нос, напарываясь на очередной сучок или отбивая атаки летающих паразитов.

Особенно тяжело приходилось Лешке и Женьке. Даурен таскал рацию, поэтому эта стезя его миновала, а вот Гек со Змеем изображали из себя кабанов, оставляя следы этих парнокопытных специально вырезанными палками. Просто я прикинул, что мы тут все равно натопчем настолько, что этого не скрыть, но изобразить, будто здесь просто прогулялась стайка диких свиней, нам вполне по силам. Ведь кто его знает – вдруг сегодня мы ничего не найдем, а живущие в «схроне», выползая на поверхность, обнаружат следы человеческой деятельности возле своего убежища. А так, увидев примятую траву, кое-где вскопанную землю, поломанные ветки кустов и отпечатки кабаньих копыт, ничего плохого не подумают. Тем более что четких отпечатков обуви они не увидят, так как сапоги мы обмотали тряпками и теперь оставляли за собой, только маловразумительные вмятинки.

В конце концов, придавив очередного комара, я, чувствуя, что сейчас окончательно озверею, прислонился к дереву и, вытирая пот, сказал Марату:

– Все перекур. Собирай людей. Выдвинемся во-о-н туда, на бугорок. Там хоть ветер какой-никакой, может хоть немного разгонит этих летающих пособников Гитлера. Заодно перекусим и фляги наполним, а то у меня уже пусто.

Шах кивнул, и, через несколько минут собрав людей, мы пошли в выбранном направлении. Отойдя от места, которое я определил как крайнюю точку поиска, метров на триста, уселись в тенечке возле поваленного дерева. Комарья тут действительно было поменьше, поэтому, наполнив фляги в ручье, текущем неподалеку, и достав сухпай, народ, живописно разлегшись, принялся за обед. Настроение у всех было аховое, поэтому, дожевывая свой сладкий брикет, я запил его из фляги и, откинувшись на спину, бодро сказал:

– Да уж, поисковики из нас хреновенькие. А ведь при отсутствии собак вся надежда была на Гека. Кто еще может учуять врага в глухом лесу? Только Пучков! Но Леха, вместо того чтобы включить обоняние и смекалку, обожрал всю землянику в своем секторе поиска

и, осоловев от количества съеденного, на этом успокоился.

– Вовсе не всю... И кстати, ты сам ягоды трескал только так!

– Мне положено – для поддержания умственной деятельности. А старшим замечания делать – моветон! Так что язык укороти и слушай, что умные люди хотят вам рассказать...

А рассказать, для поднятия бодрости духа, я хотел один эпизод из известной книги Богомолова. Просто по ассоциации вспомнилось. И там и здесь был август сорок четвертого года. И там и здесь советские спецы занимались поисками вражеских агентов. Самое смешное, что я, читая «Момент истины», ну совершенно не мог предположить, что окажусь на месте книжных героев. Вона ведь, как жизнь повернулась... И ведь действовали СМЕРШевцы недалеко от этих мест, только при этом они втроем умудрились обнаружить в таком же лесу не какой-то схрон, а точку выхода немецкой рации в эфир! А это даже не иголку в стоге сена найти...

Тогда, читая, я этого не понимал, зато сейчас отлично осознавал высочайшую степень подготовки группы Алехина и несомненную удачу, которая оказалась на их стороне.

Поэтому, выдав книжного капитана за своего знакомого из третьего отдела СМЕРШа, я начал рассказывать мужикам этот эпизод из книги. Ребята слушали внимательно, сопереживающе качая головами в самых напряженных моментах повествования. Ну да, это нам все очень знакомо – и вонь трупов в летнем лесу, и внезапные обстрелы из тихих кустов, и поиски скрытых следов. А уж то, как один из СМЕРШевцев нашел примятую плащ-палаткой траву, горелую спичку под дерном и пропил от антенны, вызвало даже приглушенные одобрительные восклицания. Змей, баюкающий на коленях автомат, после выражения одобрения, задумчиво протянул:

– Да... те мужики – настоящие «волкодавы». Но если они сумели, мы что, не сможем? Пусть у нас специфика несколько другая, но ведь и площадь поиска не в пример меньше!

Во! Именно этого я и добивался своим рассказом. Подбодрить пацанов и показать, что люди в гораздо более проигрышной ситуации сумели достичь поставленной цели. И, похоже, это у меня получилось. Теперь ребята, желая доказать, что разведка у нас может работать не хуже контрразведки, тут весь лес перероют, но АКовский бункер, если он только тут существует, найдут!

Поэтому, пока этот порыв не прошел, я встал и, поправив автомат, бодро сказал:

– Ну что, пошли работать. У нас еще сегодня часов пять есть, чтобы «забить Мике баки» и переплюнуть СМЕРШ!

Все стали подниматься, только Марат, который слушал мою историю лежа на животе и положив подбородок на скрещенные руки, грустно разглядывая траву под носом, вдруг тормознулся. Уже начав движение, он застыл, а потом, глядя куда-то вправо, прополз полметра на коленях и что-то поднял с земли.

– Ягодку увидел?

Шах на мой подкол не отреагировал и, задумчиво разглядывая нечто округлое и грязное у себя на ладони, ответил:

– Нет. Сам посмотри.

И протянул мне свою находку. Это оказалась ржавая и гнутая металлическая пуговица, идентифицировать которую из-за старости не представлялось возможным. Можно было различить только крыло какой-то птицы. Ковырнув ее ногтем, я хмыкнул:

– Или русская, или прусская, или польская, или австрийская. А может даже румынская. В этих местах, в самые разные времена кто только не воевал... И у всех, что характерно, были орлы на гербах и деталях одежды. Лучше бы ты ягоды нашел...

После чего запустил пуговицу в кусты.

И все вроде бы ничего, но эта несколькосекундная заминка, наложившаяся на впечатление от собственного рассказа, неожиданно изменила направление моей мысли. Я-то вначале хотел продолжить поиски там, где мы до этого ползали, а теперь решил абстрагироваться от места, где был унюхан запах, и посмотреть на картину в общем. Ведь что собой представляет замаскированный блиндаж? Яма, вырытая в земле и обложенная

бревнами, с потолком в один-два наката. Если строят капитально, не торопясь и на своей территории, то используют бетон, и всю конструкцию можно назвать бункером. Но пока будем исходить из того, что здесь именно блиндаж. То есть яма, предназначенная для жилья.

Человеку, чтобы нормально жить, нужна еда, вода и тепло. Еды, в виде консервов, можно натаскать заранее. Вода... тут ручьи по всему лесу, поэтому с водой тоже проблем нет. Тепло... вот тут и возникает первое отличие замаскированного блиндажа от обычной землянки. Вытяжную трубу от печки прокладывают в земле, иногда на несколько десятков метров, и выводят ее в кустах, либо возле большого дерева или каменной осыпи, которые рассеивают и скрывают дым. Некоторые умельцы умудряются маскировать дымоход в дупле дерева, но это гораздо сложнее, поэтому и встречается реже.

Еще, разумеется, необходима вентиляция. Она тоже может быть выведена довольно далеко. Само собой – основной и запасные выходы. И на закуску, место, где можно гадить, в просторечии – сортир. Вот с этим самые большие проблемы. Летом, оно проще – взял лопатку и прикопал за собой, или можно опростаться в ручье. Зимой же жители схронов из опасения демаскировать себя свежими тропами на снегу, устраивают ватерклозет прямо в блиндаже, в каком-нибудь отнорке, поэтому фан там стоит такой, что глаза режет. Конечно, возможен вариант с отводом ручья под землю и выносом фекалий самотеком, ниже по холму, но не в нашем случае – ручьи мы осмотрели в первую очередь и ни один из них не ныряет под землю...

Так, к чему это я? А! Так вот, то, что пацаны унюхали тушенку, проходя вон по той низинке, еще ничего не говорит. Просто вентиляция может быть выведена достаточно далеко от схрона. Да и ветерок, дующий сверху, вполне мог донести слабую волну запаха еще метров на пятьдесят. Причем только запаха консервов. Без дыма. То есть либо мясо согрели в саморазогревающейся банке, либо вытяжная труба печки выходила аж на той стороне возвышенности, что в принципе невозможно.

М-м... что еще? Недалеко от обрыва, в низине, делать схрон чревато – все грунтовые воды будут собираться в нем непрерывно и, если копальщики не приветствуют ревматизм как постоянного спутника, то и блиндаж должен быть выше по склону. В принципе мы, конечно, готовы были осмотреть все от и до, но сейчас мне пришла мысль, как сэкономить время и силы.

Просто прикинул, в каком бы месте я сам рыл? Да вон там, начиная от тех деревьев и дальше. Значит, туда и надо идти. Поделившись своими мыслями с народом, получил от него всемерную поддержку, после чего царственным движением руки нарезал сектора поиска – и мы опять принялись за дело.

Применение мозгов дало свои плоды, и уже через полчаса было найдено первое вентиляционное отверстие, замаскированное в густых кустах. Осторожно раскопав небольшой кусок проложенной под землей трубы и отследив ее направление, еще минут через двадцать мы нашли вход в «схрон». Повезло Змею – исследуя густой куст ракиты, он обнаружил металлическое кольцо и сразу позвал меня.

– Смотри, командир. Вроде оно? Тут, судя по всему, хорошо задернованная крышка люка.

Опустившись на карачки, я только что не обнюхал возможный вход и убедился, что глаза Женьку не обманули. При ближайшем рассмотрении можно было различить нечеткий квадрат, который имел разрывы с дерном остальной поляны. Сунув палец в еле видную щель и нащупав там, в глубине, доску, удовлетворенно хмыкнул и спросил:

– Приподнимать не пробовал?

– Дурных нема!

– Вот и добре...

Я встал, отряхнул колени и, жестом отозвав подчиненных в сторону, подальше от найденного входа, сказал:

– Все, ребятки. Отдохнули, погуляли, пора и за дело приниматься! Еще двадцать минут осматриваемся и уничтожаем любые следы нашего пребывания на этом склоне. После чего

вон там и там, – я махнул рукой, показывая направление, – оборудуем места для «секретов».

Резко помрачневший Гек уточнил:

– «Могила» копаем?

– На хрена? Еще вылезет какое-нибудь мурло оттуда, – я мотнул головой в сторону «схрона», – а тут на тебе – земляные работы, идущие полным ходом. Нет уж – камуфля у нас отличная, поэтому обойдемся без скрытых окопов и прочих «крыйивок». Но ты учти – нам здесь еще дня три как минимум жить – пока операция не начнется. И шарохаться надо как можно меньше, чтобы себя не выдать. Поэтому слушай приказ – подготовить замаскированную точку и очистить сектора наблюдения от отдельно стоящей березы до вон тех кустов. Вторая точка будет расположена ниже, с секторами наблюдения от упавшего дерева до балки с ручьем. Работать аккуратно, ветки не ломать, выщипывать мешающие обзору препятствия – по листику. Первая пара – Шах, Змей, топайте наверх. Вторая – Жан и Гек: берет на себя ближнюю зону. А я пока за округой посижу...

Волевым решением назначив себя наблюдателем, я прошел чуть выше по склону и, присев возле дерева, принялся крутить головой, попутно обдумывая, не сильно ли мы наследили вокруг найденного блиндажа. Но через пару минут сам себя убедил, что – не сильно. Ходили осторожно, веток не ломали, явных отпечатков не оставляли. Внизу, возле обрывчика – это да... Порезвились неплохо, но кабаньи следы все спишут. А здесь – чисто сработали. Да и, судя по всему, живущие (или живущий) в этом схроне ведут ночной образ жизни. Днем им себя проявлять особого смысла нет, зато как стемнеет, можно и на разведку смотаться да и, вообще, вылезти на разминку – свежим воздухом подышать. Так что пусть выползает из своей норы: следы нашего пребывания он фиг обнаружит – впотьмах какие-либо детали разглядеть совершенно нереально.

И еще очень интересно – сколько их там сидит? Хотя чего я гадаю – сегодняшняя ночь все покажет. Даже если сидящие в блиндаже не захотят обследовать окружающую местность, то туалет под землей устраивать они точно не станут. Сейчас поляки чувствуют себя в безопасности и поэтому гадить будут на поверхности – скорее всего в близлежащем ручье. Вот тут мы их и сосчитаем.

Хотя... стоп. Отставить. Судя по набегавшим облакам, сегодня ночью видимость будет как у негра в жопе. М-да... Без ПНВ – точно не обойтись. Прибор ночного видения до нас так и не дошел, хотя заявку почти месяц назад давали, но две «Совы» с новым крепежом под автомат Калашникова мы получили. Вот их и возьмем. Кстати, наши «ночники», особенно последнего, третьего выпуска, переплывают немецкий ZG.1229 «Вампир» на раз. Дальность работы приблизительно такая же – в районе сотни метров, только вот четкость и контрастность изображения у фрицевского ночного прицела гораздо хуже. И всем были бы хороши «Совы», но вот аккумуляторы... Как в том анекдоте про навороченные часы и два чемодана батарей. Сам прицел с лампой ИК-подсветки весит два килограмма, а живой вес сумки с питанием – еще почти двенадцать кило. Так что для рейдов эта техника пока не очень пригодна...

И дело тут даже не в весе, а в том, что батареи разряжаются настолько быстро, аж оторопь берет. Заряжать их за «передком» само собой негде и бросать тоже нельзя – подотчетное имущество. А таскать лишний пуд бесполезной, разряженной аппаратуры – слишком накладно. Но сейчас «ночники» будут очень даже в тему! Во всяком случае на то, чтобы пересчитать при помощи них вылезших из-под земли противников, вполне сгодятся.

Поэтому еще минут через двадцать, когда ребята закончили оборудовать лежки, я, оставив Марата с Дауреном наблюдать за округой, захватил с собой «неразлучную парочку» и рванул по направлению к нашей базе.

Днем по лесу бегать – одно удовольствие, поэтому минут через сорок мы уже были на месте. Кивнув часовому, я заскочил в нашу палатку и, крутнув ручку телефона, затребовал встречи с непосредственным начальством.

Сергея, видимо, сидел на месте, поэтому ждать долго не пришлось и уже через пару минут в трубке послышался его голос:

– Слушаю...

– Ты еще скажи – «внемлю»!

Гусев кашлянул и неожиданно сухо ответил:

– Илья, нам сейчас не до шуток. Но ты, судя по тону и времени появления, не «пустой» пришел?

– Так точно! Сходили «в цвет». Людей пока не обнаружили, но еще не вечер. Я оставил там одну пару наблюдателей, а сейчас мне срочно нужны запасные батареи к рации, аккумуляторы к «Совам» и нашим гарнитурам. Все у аккумуляторщиков должно быть, так что засылай своего Ваську или кого-нибудь из связистов – пускай подвезут.

– Молодцом! Хотя что-то хорошее на сегодня...

– Да что у вас приключилось-то?

Похоронный тон командира, на который я сначала не обратил внимания, заставил напрячься. Действительно – еще вчера вечером все было тип-топ, а сегодня днем что, стало резко плохо? С чего бы? Или Колычев какие-то хреновые новости привез? Но Серега решил не доверять эти сведения даже постоянно проверяемой «полевке» и ответил:

– Я сейчас сам подъеду, поговорим.

– Понял. Жду.

Постояв несколько секунд у телефона, я пожал плечами и, подумав, что решать проблемы надо по мере их поступления, не стал заниматься гаданиями, а принялся готовиться к ночному бдению. Гусеву все мною заказанное соберут минут за двадцать. Езды тут всего ничего, и через полчаса он уже будет здесь, а нам еще кучу необходимого барахла собрать надо, поэтому времени терять не будем.

Пока я паковал коробки с «Совами», мужики собирали дополнительный сухпай, плащ-палатки и в отдельный вещмешок – боеприпасы, ибо: «мало ли что», а патроны экономить – это такое дело, что хуже не придумаешь.

В общем, как я и предполагал, мы успели и собраться и перекурить до приезда командира. Когда же Гусев появился, ребята остались разгружать его «виллис», а я вместе с ним прошел в палатку, где доложил результаты сегодняшнего дня с подробностями. И сразу после обстоятельного доклада спросил:

– Так что у нас приключилось? Чего у тебя вид такой, как будто мылом насильно накормили?

Серега, прежде чем ответить, расстегнул крючок воротника, повздыхал и, прикурив от одной сигареты другую, выдал:

– Приключилось... До «приезда» товарища Сталина осталось три дня, а разведка докладывает странные вещи: вместо обещанного отряда в пятьсот человек там собралось меньше сотни!

Я пожал плечами:

– Понятное дело – остальные будут выдвигаться сразу к месту предварительного сбора, где-нибудь километрах в пятнадцати—двадцати отсюда. Да и та сотня наверняка разделится на более мелкие группы, для простоты и скрытности передвижения.

Гусев раздраженно ткнул сигаретой в пустую консервную банку, заменяющую нам пепельницу, и, едва сдерживаясь, рывкнул:

– Самый умный? В том-то и дело, если бы это было так, то мы бы не дергались! – Помяв фейс в ладони, он продолжил: – Никто к нам не выдвигается. Ни по каким направлениям...

– Прохлопать не могли?

Серега твердо ответил:

– Исключено! – Потом, подумав и видно вспомнив, что твердые гарантии может дать только швейцарский банк, добавил: – Практически исключено. Во всяком случае, разведка, как агентурная, так и оперативная, голову кладет за то, что в сторону Ровно ни мелкие, ни крупные отряды АК не выходили.

Тут уже я задумался. Хм... действительно – странно... Ну не могут же поляки решить

провести такую операцию столь малыми силами? Это ведь не из кустов по проезжающей машине пальнуть и сбежать! Хотя с другой стороны... А если это будет отряд «одного боя»? Ну – камикадзе? Уж сотню человек, готовых безвариантно пожертвовать жизнью за свою страну, в Польше должны найти. Особенно после того, как фрицы в сорок втором раскопали под Смоленском захоронение польских жолнежей.

После этого у наиболее реакционно настроенной части пшеков очередной раз сместились приоритеты, и своим главным врагом они опять назначили СССР. Правда, даже когда врагами у них были немцы, сами гитлеровцы это не особо чувствовали. Просто я по радио как-то услышал, что, по сообщению польского правительства в изгнании, доблестными частями Армии Крайовой с момента своего образования и по сорок четвертый год была уничтожена почти тысяча солдат противника. Я сначала подумал, что ослышался, но потом выяснил, что за эти несколько лет, АКовцы действительно смогли прибить аж восемьсот гитлеровцев. Если они такими же темпами и с нами воевать будут, то флаг им в руки! Нам что от их любви, что от ненависти – ни холодно, ни горячо...

Да и с этой деревенькой под Смоленском тоже довольно странно все получилось. В Катыни немцы раскопали несколько тысяч расстрелянных польских офицеров и тут же на весь мир заявили о преступлениях сталинского режима. В Лондоне, ничуть не сомневаясь в искренности гитлеровских следователей, эту версию тут же подхватили. Без проверок, без уточнений, без оглядки на то, что война идет не только прямая, но еще и пропагандистская. Они просто взяли и без всяких купюр перепечатали отчеты гестаповцев. С-с-союзники, мать их...

Ну да ладно... Плохо, что Серега не в курсе, а у Ивана Петровича я все забываю спросить – кто же действительно тех офицеров шлепнул? С одной стороны, это действительно могли быть наши. За то, как обращались вояки Пилсудского с советскими военнопленными, оставшимися еще с двадцатых годов, их и расстрелять мало было. Опять-таки – режим санации... Оказывается концентрационные лагеря в Польше появились задолго до прихода немцев. И держали в них в основном белорусов и украинцев. Причем в таких условиях, что «некоренные» мерли, наподобие мух. Так что поводов для расстрела «ясновельможных панов» было выше крыши.

С другой стороны – оружие этого расстрела. Вот оно-то и заставило меня сомневаться в предыдущей версии. Стволы были исключительно немецкие. Так же как и гильзы вокруг могил. Наш «ТТ» – штука убойная и по надежности не уступает лому. Пусть он внешне не очень красив, но работу свою выполняет на все сто. Плюс это – штатное оружие. Тогда зачем, спрашивается, расстрельным командам было выдавать вальтеры, купленные за валюту, которой в СССР всегда остро не хватало? Денег девать было некуда, или «восточные варвары» за год предвидели начало войны, охренительное продвижение вражеских войск в глубь своей территории и еще тогда решили сделать дорогостоящую провокацию с целью подставить благородных гитлеровцев? Я думаю – вряд ли. Просто, помня рывок немцев к Смоленску, мне представляется такая картина – в бардаке того лета – начала осени лагерь вовремя не эвакуировали, а охрана при виде приближающихся фрицев разбежалась или полегла в бою. Тевтонцам нежданно доставшийся «подарок» никуда не уперся, поэтому спецкоманды, следующие за передовыми частями, просто пустили поляков в расход. А через год вспомнили об этом и преподнесли как жареный факт страшных преступлений НКВД, переведя все стрелки на русских...

Блин! Да и пес с ними – и с немцами, и с англичанами, и с мертвыми поборниками Пилсудского до кучи! Сейчас меня другое волнует – неужели АКовцы столь малыми силами решатся на самоубийственную атаку? М-м... вообще-то про наши приготовления они не знают и предполагают максимум противостояние со спецками Власика и солдатами из БАО. То есть на равное или даже чуть меньшее количество противников. С такими раскладами при внезапном нападении поляки имеют довольно много шансов на успех. Может, на это и рассчитывают? Зато какой приз – уничтожение главного «москаля»! За это они многим могут пожертвовать...

Примерив на усатого и горбоносого Главкома слово «москаль», я только хмыкнул и поделился своими соображениями с Гусевым. Серега очередной раз вздохнул и задал вопрос:

– Как ты считаешь, где сейчас находятся противники?

В словах и тоне командира мне почудился подвох, но ответил, как думал:

– Километрах в пятидесяти–семидесяти отсюда. Скорее всего, по направлению на северо-запад. А что?

– В трехстах пятидесяти, не хочешь?! Аж за Пинском!

– Опаньки... Что-то я тогда совсем ничего не понимаю. За три дня по лесам, да еще и хоронясь, такое расстояние не пройти, хоть ты тресни. А если и погонят людей, то на рубежи атаки они не выйдут, а выйдут. Да нет, что это я – даже если гнать во весь опор, все равно не успеют. Стоп! Может, у них транспорт есть? Четыре-пять грузовиков, надежные документы, наша форма... Тогда еще могут успеть...

Я лихорадочно пытался выстроить версию, но чувствовал, что это все не то, и поэтому не удивился, когда Гусев, поморщившись, спросил:

– Ты сам в это веришь?

Сразу ответил:

– Нет. Если не на первом же, то на втором или третьем КПП их вычислят. Блин! Ни хрена ничего не понятно!

– Вот и мы не понимаем, поэтому и дергаемся.

– И?

– Что – «и»?

– Дальнейшие наши действия какие? Может имеет смысл взять группу Шмеля в помощь и потрясти найденный «схрон»? Ведь есть вероятность, что сидящие в нем могут что-то знать?

Серега в раздумье подергал себя за ухо и резонно возразил:

– А если нет? Если у поляков есть какой-то неизвестный нам козырь и они все-таки каким-то образом сюда доберутся к сроку? Тогда отсутствие разведчиков в том блиндаже может сорвать задуманную операцию. Поэтому у вас задача остается прежней – наблюдение. Тем более наверху принято решение оставить все как есть и ждать. Так что, планы не меняются. Ни для нас, ни для тебя. Понял?

– Понял.

– Тогда все – я поехал к себе, а ты, если какие новости появятся, сразу выходи на связь.

– Есть!

Гусев пожал мне руку и уже направился к выходу, но, пройдя два шага, остановился и спросил:

– Тебе точно бойцов подкинуть не надо?

– Не, и так справимся. Абы кого я ведь не возьму, а «невидимки» все при деле. Да и зачем там еще люди нужны? Мешать друг другу? Лучше уж мы сами...

– Ну как знаешь. И про доклады помни – выход на связь каждые четыре часа.

– Не забуду.

– Тогда – счастливо!

Серега хлопнул меня по плечу и, загрузившись в свой джип, покатыл к аэродрому, а я, свистнув своих ребят, принялся навьючиваться вовсе не легким багажом. Одни аккумуляторы весили столько, что здоровый Змей только побряхывал, пристраивая вещмешок поудобнее. Я тоже, нацепив свой груз и представив дальний путь по лесу, при котором то, что висит за спиной, с каждым шагом становится тяжелее и тяжелее, коротко матюгнулся и приказал:

– Потопали. Нам еще сегодня запасной выход с того «схрона» найти надо будет, поэтому шевелим ногами шибче.

И мы пошли, практически сразу затерявшись в густом ельнике.

Глава 12

– Наблюдаю движение...

Тихий шепот Гека вывел меня из полудремы, заставив вскинуть голову и, подслеповато шурясь, уставиться в сторону блиндажа. Сначала ничего не увидел, но, проморгавшись, заметил какое-то шевеление в том районе. Вопреки моим опасениям небо не было затянуто тучами, поэтому в рябом, из-за листвы, лунном свете достаточно хорошо различил выползшую на поверхность черную фигуру.

Фу-у-ух! Вот и замечательно! Я до последнего момента опасался, что в ту ночь, когда мы оставили этот схрон без присмотра, его обитатели могли просто уйти, поэтому облегченно выдохнул и от избытка чувств лягнул лежащего рядом Жана. Даурен этот тычок воспринял правильно и, блеснув в улыбке полоской зубов, показал в ответ оттопыренный большой палец. Тем временем появившийся человек пару минут постоял, прислушиваясь к окружающей обстановке, а потом, бесшумно закрыв люк, довольно резво направился куда-то вверх по склону.

– Ты – на месте, – шепнул я и, пихнув Леху в бок, взмахом руки приказал ему следовать за собой.

Подхватив ПНВ, Гек, пятясь, выполз из-под куста и неслышно пристроился в паре шагов сзади.

А блиндажный житель тем временем уже почти поднялся на вершину холма. Ну теперь и нам можно двигать. Ведь весь прикол в чем – по лесу совершенно бесшумно могут передвигаться только индейцы, да и то исключительно в кино. Нормальный человек, как ни тренируйся, один черт обязательно наступит на скрытый сучок или зашуршит опавшими листьями. И хоть ногу я старался ставить на всю стопу, чтобы приглушить звук, пару раз под подошвой хрустнуло. Хорошо, преследуемый был достаточно далеко и ничего не услышал.

Но в этом «далеко» присутствует огромный минус. Если я его сейчас из вида потеряю хоть на несколько секунд, то считай все – фиг потом найдешь. И ведь следом не побежишь – вдруг он не просто в сторону свернул, а затаился и проверяется? Одно утешение – на нашей стороне чудо советской техники «Сова-2», поэтому я волновался не очень сильно. Единственно, уточнил у Пучкова:

– Ночник включен?

– Да.

– И не выключай.

Вот так вот. Пусть лучше аккумуляторы в ПНВ будут садиться, чем в самый ответственный момент мы будем его «заводить», имея все шансы упустить объект наблюдения.

Но пока – тьфу-тьфу-тьфу – все идет нормально, и поднявшись на холм, мне даже не пришлось задействовать «Сову», чтобы обнаружить идущую среди деревьев фигуру. Вот только куда он так резво скачет? Аэродром в другой стороне, хутор Ломзицкого градусов на тридцать левее... Что у нас в тех местах вообще находится?

Я начал вспоминать карту, но так ничего и не вспомнил. Лес там сплошняком и все... Так, хорошо, лес и что? Осторожно пронырнув под веткой, я машинально почесал затылок, но мыслей, куда мог направиться фигурант, не возникло. В тех местах не было ни заброшенного жилья, ни старых торфоразработок, ни даже каких-нибудь покинутых землянок. В общем, никаких видимых ориентиров. Может, еще один схрон? М-да... очень даже может быть. А если этот схрон не просто схрон, а полноценный бункер, здоровенный и бетонный? Могли поляки перед войной такую закапушку сделать? Да вполне могли! И разместиться в нем могут человек тридцать. А если он там не один такой? Ого, что получается!

Я в возбуждении чуть было не шмыгнул носом, но в последнюю секунду сдержался и, взяв себя в руки, стал соображать более спокойно. Блин! Если, к примеру, там несколько больших замаскированных бункеров, то часть недостающих поляков вполне могла, просочившись мелкими группами, уже прибыть на место. А та сотня, что наблюдается нашей

разведкой – просто для отвода глаз. Паны ведь тоже не дураки и контрразведка у них работает неплохо. Они вполне могли предположить, что сбор большой группы АКовцев поставит «СМЕРШ» на уши, вне зависимости от целей этого сбора. А так получается – выход малых групп и концентрация людей под носом у противника в скрытых убежищах. Хм... с другой стороны, там ведь не подземный город? О таком строительстве стало бы известно еще до войны. Значит, берем по минимуму – три-четыре больших законсервированных бункера. Это значит сто-сто двадцать боевиков...

Вспоминая же мою идею про смертников – такого количества вполне хватит для атаки аэродрома. Ну, по их задумке. А по нашим раскладам... Так, так, так... исходя из диспозиции и кратчайшего пути к советско-американской базе эта сотня выйдет с северо-востока – от болот. И если наше начальство решило действовать, как и было задумано: с применением конников и батальонов НКВД, то «Крайовцы» как раз выпрут в тыл левого фланга засадного кавалерийского полка. Хотя нет, стоп! Конники должны выдвинуться только после доклада разведки о проходе боевиков. Так что тут все нормально...

Йоп! Пока я предавался радостным вычислениям тактических планов противника, мой объект пропал. Мля, ведь только что видел, как он впереди мелькает, периодически появляясь из-за деревьев, и тут вдруг исчез! Почувствовав, как холодные мурашки величиной с кулак пробежали вдоль позвоночника, я взмахом руки подозвал Гека и, судорожно вырвав у него из рук автомат, приник к «ночнику». Вот сука! Нету!

Так, главное без паники. Никуда он не денется. Взлететь этот хмырь точно не мог, значит, где-то здесь. Может, за дерево встал и отдыхает? Черт! С чего бы ему отдыхать, он же не старушка пенсионного возраста, чтобы, пройдя километр, запыхаться? Где же он?! А вдруг этот ухарь каким-то макаром засек наши дневные поиски и теперь просто пошел в отрыв? Ой бли-и-ин! Только бы не это! Хотя нет – вряд ли. Перископа мы не нашли, а из слегка приподнятого люка ничего не разглядишь – кусты кругом. Да и спал он днем, спал!

Самоутешения выходили фиговые, и сердце бухало аж в ушах, но я, сдерживаясь, чтобы не побежать следом за пропажей, плавно водил прицелом в том секторе, где исчез объект. И наконец был вознагражден за терпение: через несколько секунд засек движение метрах в тридцати левее той точки, где я его рассчитывал увидеть. Правда, увидел странно – только верхнюю часть туловища. Ага, понятно: там, видно, или промоина, или овражек был, вот этот хмырь в него и прыгнул, а дальше овражек пошел на повышение, поэтому объект снова стал виден. Вот гад! Столько нервов из-за него потратил! Но зато теперь можно с уверенностью сказать, что о нашем существовании этот козел не знает.

Вытерев лоб, я отдал свой автомат Геку, оставив его пушку с «ночником» и аккумуляторной сумкой у себя. Еще раз глянув в прицел, махнул рукой, показывая направление движения, и мы снова пошли вперед. Лежа мою заминку и последующий обмен оружием понял правильно, поэтому глупых вопросов не задавал, а молча отдав оружие и батареи, пристроился в двух шагах сзади, за левым плечом, тихонько шурша при ходьбе палой листвой.

А еще через полчаса мы наконец дошли до места. Ну во всяком случае я это понял, потому что подземный житель, дойдя до какой-то странной хреновины, явно искусственного происхождения, остановился и принялся крутить головой. Потом, по-видимому, удовлетворившись спокойной обстановкой, он не нырнул под землю, как хотелось бы надеяться, а достав фонарик, начал выдавать серию миганий куда-то в сторону густого кустарника.

Наведя прицел на кусты, я ничего не увидел. Объект, очевидно, тоже ни фиги не засек, потому как, подождав пару минут, он ловко вскарабкался на тот самый угловатый предмет, возле которого стоял до этого, и опять принялся подавать сигналы. А я, чуть сместившись в сторону, наконец-то понял, на чем он стоит – темная хреновина оказалась вросшей в землю танкеткой. Судя по силуэту – ТК-3 или TKS, толком не разобрать.

Подземный житель еще секунд тридцать поработал маяком, прежде чем с той стороны поляны ему в ответ несколько раз мигнули тускло-синим цветом. Увидев это, я опять прилип

к прицелу и чуть не плюхнулся на задницу от неожиданности. А все из-за того, что на какую-то секунду мне показалось, будто в зеленоватом глазке окуляра вместо человека или людей, должных находиться в кустах, увидел здорового монстра, со странным горбом и большой, вытянутой вперед челюстью. Все посторонние мысли одновременно покинули мою голову, оставив только неинформативное, но весьма эмоциональное слово «Мля».

К чести своей, надо сказать, что я даже не дернулся, а только оторвавшись от ночника, долгим взглядом посмотрел сначала на Леху, потом на удаляющегося обитателя бункера, потряс башкой и лишь после этого опять решил глянуть на странное существо через «Сову». Фу-у-ух! Облегченный выдох вылетел из меня совершенно произвольно, так как при ближайшем рассмотрении «монстр» оказался лошадь. Нет, ну бывает же так – просто сперва она стояла под таким ракурсом, что нарочно не придумаешь, вот и привиделась разная чертовщина. М да... Пучкову, как человеку, не знакомому ни с телевидением, ни с высокобюджетными фильмами ужасов, подобная херня и в голову бы не пришла, а шибко умного Лисова продрало до костей. В первые мгновения не знал, что и думать... Зато теперь – лошадь как лошадь: груженная двумя здоровыми переметными сумами и в сопровождении четырех... отставить – пяти человек.

Наш бункерный сиделец встретил их как родная мама – подошел, с каждым обнялся, разве только лобызать не стал, после чего, коротко переговорив, они стали сноровисто разгружать «монстра». Гек, который плохо видел, что именно там происходит, пихнул меня в бок и прошептал:

– Чего они встали?

– Коняшку облегчают. Пять человек, с нашим гавриком – шесть. На лошади два мешка, какой-то ящик и... и барабан? Видно плохо... Не мешай!

Пучков, получив информацию к размышлению, отвалился в сторону, а вновь прибывшие тем временем начали грузить на себя то, что пару минут назад сняли со спины лошади. Мешки, судя по всему, были тяжелые, так как пришельцы помогали друг другу их накидывать, да и «барабан» радиусом как минимум полметра, кажется, тоже был не из легких. Или просто хрупкий, потому что его подцепили сразу двое с двух сторон и осторожно поставили на землю.

После проведения погрузочно-разгрузочных работ они неожиданно разделились. Один из них, взяв лошадку под уздцы, махнул прощально рукой и, повернувшись, потопал в сторону кустов, а остальные, выстроившись в цепочку, довольно бодро двинули за нашим подземным жителем, который, встав во главу колонны, превратился в проводника.

Блин! И что делать? Нас-то всего двое, и разделяться вовсе не след. Даже если я сейчас запущу Гека следить за коноводом, то неизвестно, куда они вообще забредут. Может, так и будут чесать до самой Польши, устраивая дневки в лесу. С другой стороны, а вдруг ушедший выведет Лешку к скоплению АКовцев, находящихся поблизости? Епрст! И хочется и колется... Хотя про это скопление я сам себе придумал, и нет никакой гарантии, что где-то там, в глубине леса, сидит толпа мужиков и ждет сигнала к выдвижению. А даже если и сидит, то наши засадные части именно на это и заточены.

Поэтому дергаться не буду, тем более что ПНВ у нас всего один, а без прибора вот этих пеших вполне можно потерять. В общем, путем трехсекундного перебора вариантов, предпочтя синицу в руке, я дал знак Пучкову, и пропустив мимо себя куцую колонну, мы двинули следом за ними, наплевав на ушедшего водителя кобылы. Для нас главное те, с «барабаном». Блин! Но что же они все-таки тащат? Даже если предположить, что мешки под завязку набиты боеприпасами (хотя зачем их столько – непонятно), то вот ящик и круглая объемная фиговина, которую осторожно тащили сразу двое, меня ставили в тупик.

Пучков, который взял у меня свой автомат с «Совой», какое-то время следил за носильщиками «барабана», потом хмыкнул и, оторвавшись от прицела, выдал:

– Вон почему они лошадь здесь разгрузили – чтобы следов не оставлять. А сейчас в сторону ручья пошли. Видно, собачек опасаются... Только на фига им прожектор нужен?

От этих слов я встрепенулся. То, что новоприбывшие следы скрывают, это было

понятно. То, что они пойдут по воде, тоже можно понять. Но вот с чего Лешка взял, что та круглая хреновина – это прожектор? Так у него и спросил. Напарник, пожав плечами, ответил:

- Даже не знаю. Просто на ум пришло. Хотя для прожектора эта штука маловата будет.
- Это точно – маловата.

Отобрав у него оружие обратно, я еще раз глянул на хвост колонны и взмахом руки предложил выдвигаться следом, благо дистанция стала подходящей. Хотя теперь можно и ближе держаться – они один черт за своим сопением и кряхтениями товарищей ничего не услышат. Поэтому сократив расстояние до тридцати метров и идя чуть в стороне, мы двумя тенями скользили за груженными незнакомцами. А по пути я и так и эдак крутил в голове слова Гека насчет прожектора. Оно, конечно, для прожектора этот девайс слишком мал, но ведь не барабан же они в самом деле на себе волокут? И кстати, почему я заикнулся на больших зенитных прожекторах? Может, это малый – тот, который шестидесятисантиметровый? А что – очень похож. Непонятно только, с какого перепугу им понадобилось бы столько света. Не, это – бред. Где они для этой штуки электричество брать будут? Значит, тащат что-то другое. Но что? Ничего толкового на ум не приходило, а тут еще Лешка, которого я очередной раз тормознул, потому что пришельцы почему-то встали, прошептал:

- Илья, чего опять остановились?
- Не знаю. По-моему, вещмешки поправляют...

Напарник кивнул, а потом, пытаясь разглядеть шевеления противника невооруженным глазом и не преуспев в этом, возмущенно добавил:

– Итить их так! Почему у нас всего две «Совы» на группу? Что, вся советская промышленность их по одной штуке в месяц выпускает? Мне ведь сейчас ни черта не видно! – И после секундной паузы продолжил: – Прямо хоть бери и БТР подгоняй, с фарой подсветки... Это же не дело так работать! Ты по возвращении еще хоть пару штук ПНВ постарайся выбить!

Я уже хотел было шикнуть на ноющего Пучкова, но вдруг замер и чуть не хлопнул себя по лбу от внезапно пришедшей мысли. Как там Леха сказал насчет фары с БТР? Точнее он имел в виду советский ИК-прожектор – «Луна». А ведь это – мысль! «Барабан» хоть и был замотан в брезент, но после слов Гека я, вспомнив его пропорции, только кивнул головой. Все четко совпадает! На фрицевском БТР подсветки целей стоит шестидесятисантиметровый поисковый инфракрасный фонарь «АА».

М-да... и что это нам дает? На несколько секунд задумавшись, я в раздражении цвиркнул слюной сквозь зубы. Да ничего не дает! Тот светильник ведь от генератора работает, так что аккумуляторов на него не напасешься. И это еще надо учесть, что к фонарю нужен сам прибор ночного видения, который тоже не от батарейки запитывается. М-да, жалко. Такая мысль красивая наклеывалась... Но она не «играет». Поэтому возвращаемся к прежним непоняткам и сомнениям. Точнее, их надо будет обдумать позже, так как пора двигать за колонной, которая, кстати, как я и предполагал, уверенно движется в сторону обнаруженного нами «схрона».

А еще минут через сорок, под начинающийся дождь мы дошли до знакомого бугра. Там все было тихо и безлюдно, поэтому носильщики несколько секунд покрутили головами, проверяясь, а затем один за другим нырнули в теплую, сухую темноту схрона, оставив нас мокнуть на поверхности.

На часах было четыре сорок пять, но небо, затянутое тучами, и не думало светлеть. Хотя сейчас это уже никакой роли не играет – бегать по ночному лесу, отслеживая шарахающихся туда-сюда непосед, уже не надо. И это не может не радовать. Зато пора делать нечто другое. Отдав Геку его оружие и забрав свой автомат, я приблизился к нашему убежищу и извлек из него мокрого Жана. Потом вместе с радистом отошел метров на сорок левее, туда, где висели Женька с Маратом, и, плюхнувшись под их истекающий частыми каплями куст, начал докладывать мужикам о результатах похода.

После всего прослушанного умный Шах, как ни закатывал задумчиво глаза и как ни чесал нос, ничего толкового про «барабан» или дальнейшие действия «схронщиков» предположить так и не смог. Я, втайне надеющийся на светлую голову зама, разочарованно крикнул, посмотрел на часы и, пихнув Искалиева, который сидел укрывшись плащ-палаткой с головой, сказал:

– Не спи, «маркони». Пора весточку командованию слать.

Буквально тут же из-под брезента вынырнула голова Даурена, который, протягивая мне гарнитуру, бодро доложил:

– А уже все готово, товарищ командир.

Одобрительно кивнув, я напялил резинку с наушником на голову и, прижимая ларингофон к горлу, проверил связь. Получив подтверждение, принялся докладывать сегодняшние наблюдения. Доклад принимал дежурный, но посередине разговора неожиданно нарисовался вечно бодрствующий Гусев, поэтому пришлось начинать разговор сначала. Серегу, как и меня, очень заинтересовал характер груза, притараненного новыми фигурантами. Выслушав все, вплоть до фантастических предположений о том, что это может быть даже фонарь ИК-подсветки, командир чему-то обрадовался, обозвал меня «молодцом» и приказал вести наблюдение дальше. В случае же незапланированных изменений обстановки, действовать по обстоятельствам, после чего дал отбой связи.

Пожав плечами, я передал наш разговор мужикам и, глядя на начинающее сереть небо, сказал:

– Похоже, на сегодня – все. Эти, в бункере, будут отсыпаться после перехода, да и нам пора на массу придавить. – А потом, глядя на то, как с листьев, собираясь в тоненькие ручейки, сбегает вода, добавил: – Во всяком случае, попробовать. Вы тут сами меж собой решайте, кто дежурить будет, а мы потопали к себе. Пошли, Жан!

Радист, который уже закончил сворачивать рацию, кивнул и двинул за мной в сторону второго НП, на котором уже почти час мок в одиночестве Пучков.

Мне снился Гек, который, восседая на «Ганомаге», через большой жестяной рупор рекламировал преимущества активного ночного прицела перед пассивным. Мол, и дальность действия у него гораздо выше, и четкость изображения лучше. А чтобы полностью исключить демаскирующее тархтение работы двигателя, который приводил в действие генератор, кузов БТР можно забить аккумуляторами и наблюдать за противником совершенно бесшумно, зато со всевозможным комфортом. Я, херя от идиотизма друга, громким шепотом требовал немедленно заткнуться и обещал набить морду, если он не уберет свой гроб на колесиках подальше от места засады. Но Леха только издевательски ржал в свой «матюгальник» и, в конце концов сказав, что я ему надоел, вылил на подпрыгивающего возле «Ганомага» командира целое ведро воды.

* * *

– Ап, ап!

Чуть не захлебнувшись, я рывком сел и, спросонья ухватив лежащего рядом Пучкова за пятнистый загривок, подтянул его к себе, прошипев в недоуменно мигающие сонные глаза:

– Ты что, чудовище, совсем офонарел?!

Лешка, даже не пытаясь вырваться, растерянно пялился на сбрендившего начальника, а до меня постепенно доходило, что это все был сон. И разбудило меня вовсе не ведро воды, вылитое орущим, зловредным лейтенантом, а собравшиеся в ручеек капли, которые, бодро стекая с листьев, закончили свой путь на моей физиономии. Окончательно осознав это, я поправил сбившийся капюшон на Геке и неопределенно хмыкнул. Пучков, видя, что командир прекратил буянить, осторожно поинтересовался:

– Сон хреновый?

– Ага...

Вытерев ладонью мокрое лицо, я огляделся. Дождь уже прекратился, и появившееся солнце всю освещало лес, прокладывая между деревьев яркие полосы. Облака за те полтора часа, пока мы кемарили, сдуло напрочь, поэтому ярко-синее небо обещало на сегодня отличную, теплую погоду. И это большой гут, а то пока спал – замерз как собака. Сейчас, правда, уже согрелся, но суставы скрипят один хрен. Потянувшись так, что позвоночник звонко прощелкал, я кивнул Жану, который уже несколько секунд торчал рядом, и спросил:

– Как обстановка?

– Все тихо, командир. Поляки как влезли под землю, так больше не появлялись. Из воздуховода едой тоже не пахло, значит, они еще отдыхают.

– Понял. Что наши?

– Полчаса назад говорил с Шахом. У них тоже тихо.

– Ну и хорошо. Ты тут еще минут двадцать побди, пока мы сходим оправимся, а потом тебя сменим и тоже можешь поспать.

– Есть!

Еще раз кивнув Искалиеву, я встал и, закидывая автомат за плечо, приказал зевающему, как бегемот, Геку:

– Хорош нежиться. Пошли к ручью.

– К ближнему?

– Щаз! К ближнему пусть АКовцы бегают. А так как я с ними на одном гектаре и гадить не сяду, то идем к дальнему. – Пучков сделал удивленную морду, поэтому пришлось пояснить: – Не хватало еще, чтобы нас со спущенными штанами какой-нибудь ранний птах из новопришедших застал. Заодно и разомнемся.

Лешка, удовлетворенный ответом, согласно засопел, и мы легкой трусцой поскакали в обход высоты, к большому ручью, находящемуся метрах в трехстах за холмом.

Когда все дела были закончены и я, отсторожив спокойную оправку подчиненного, уже собирался возвращаться, Пучков, напавивавший в этот момент комбез, вдруг тормознулся, выглядывая что-то в свежей промоине, образовавшейся после ночного дождя. Вниз, в овражек, где протекал ручей, снова спускаться было лень, поэтому вытягивая шею, я поинтересовался:

– Чего ты копаешься?

Гек еще с полминуты молча ковырялся в земле, а потом, сполоснув руки, вылез наверх и, протянув мне ладонь, на которой лежал «смертник», сказал:

– Боец там наш. Давно лежит, видно с сорок первого – форма еще старая. От костяка почти ничего не осталось – звери растащили. Документов нет, зато медальон остался.

Взяв в руки черный пластмассовый пенал, я его раскрутил и попробовал вытряхнуть на ладонь лежавшую там бумажку. Она слегка подмокла и сразу не пошла, но, осторожно подцепив ее ногтем, мне удалось вытащить рулончик, не порвав. Угу... снаружи синих пятен нет, значит, писали не химическим карандашом и поэтому есть шанс прочесть, кого же мы нашли. При помощи иголки я развернул бумажку и, с трудом разбирая расплывшиеся буквы, прочел:

– Голубцов Иван Никифорович. Красноармеец. Тысяча девятьсот двадцать первого года рождения. Занимаемая должность – снарядный. Уроженец Псковской области. Село... блин, непонятно... то ли Гласовка, то ли Власовка, то ли вообще – Тарасовка. Ладно, позже разберемся.

Достав офицерский блокнот, я вложил находку меж страниц и сказал:

– Сейчас пойдем обратно, пожую, а потом вы со Змеем возьмете саперку у Жана и прикопаете парня по-человечески. Хотя бы что осталось похороните.

Лешка согласно кивнул и, взяв у меня пустой черный цилиндр, закрутил крышечку на место и изрек:

– Этому Голубцову еще повезло. Документы в кадры сдадим, так хоть без вести пропавшим числиться не будет. А то сколько их таких по лесам да полям лежит – не счесть.

Ведь тогда, когда отступали, не до похорон было...

Неопределенно хмыкнув, я молча повернулся и пошел к нашему НП.

М-да... тогда действительно было не до похорон. Да и потом все как-то недосуг. Лет шестьдесят все руки не доходили у различных вождей, избранников и гарантов отдать последний долг павшим солдатам. И неизвестно, когда дойдут и дойдут ли вообще, так как новые войны подвалили и там тоже свои убитые и пропавшие без вести есть, на которых, кстати, так же махнули рукой...

Но Геку про это знать, разумеется, не надо. Ведь есть шанс, что хоть в этом варианте истории все пойдет по-другому. Может, перестанет государство поворачиваться задницей к своим защитникам. Ведь должен же быть этому предел? Почему бы ему не настать сейчас? Тем более что этот предел сами люди могут обозначить. Да и я все силы к этому приложу...

От грустных размышлений меня отвлек вопрос Гека, который, проходя мимо малинника, сорвал несколько ягод и теперь, забросив их в рот, невнятно поинтересовался:

— А чего ты на меня спросонья так набросился? В смысле — что приснилось-то?

Я ухмыльнулся:

— Да приснилось, как будто ты на фрицевском бэтэре подсветки целей подкатил и в низинке встал. А потом еще орать начал, рассказывая, как замечательно устроился.

Лешка только хрюкнул, да и я, вспомнив этот сон, сначала заулыбался, но потом от внезапно пришедшей мысли чуть не сбился с шага. Блин! А может, действительно — так? Окрыленный новой идеей, я, когда мы пришли обратно, оставил Пучкова возле Жана, а сам порысил дальше — туда, где располагался НП Шарафутдинова. Марат как раз бодрствовал и, увидев меня, сначала было вскинулся, но потом, разглядев физиономию начальства, удивленно заметил:

— Ты чего бегаешь? Рации-то уже включили...

Но я только отмахнулся и, усевшись за вывороченным, полусгнившим березовым стволом, возбужденно сказал:

— Знаешь, мне кажется, я понял, что за «барабан» эти орлы с собой притащили. Это действительно — фонарь «АА»! А в мешках — аккумуляторы. Поэтому они так тяжело шли! И в ящике сам прибор.

Шах только покивал на мою тираду и невозмутимо заметил:

— Угу... только зачем это все? Ну поставили они эту бандуру, — он на секунду задумался, — хотя бы возле северной оконечности аэродрома, там где ельник. И что? До ВПП больше километра. До рулежных дорожек считай еще плюс метров двести. Про ангары я вообще молчу. И что они рассчитывают там увидеть? Сам прилетевший самолет? Людей-то на таком расстоянии даже в танковый «ночник» не разглядишь. А главное — для чего? Ближняя зона будет оцеплена людьми Власика. И пусть про террор-группы поляки не знают, но даже с того расстояния, на которое они рассчитывают безболезненно подобраться, ни один снайпер не сработает даже днем. А уж ночью... И кстати — от батарей вся эта конструкция проработает буквально несколько минут.

— Ой, ой, ой. Какие тут все умные собрались! А теперь слушай мою мысль: «ночник» они взяли для подстраховки. Ведь когда приземлится самолет с Верховным, то его не впотьмах встречать будут. Иллюминацию, конечно, никто устраивать не собирается, но пару выносных ламп точно поставят. И это не считая фонариков встречающих. До фронта считай восемьсот километров, и поэтому сильно со светомаскировкой никто заморачиваться не станет. Тем более что освещение включится буквально на несколько минут, до тех пор пока товарищ Сталин в машину не сядет. Поляки это учитывают. Но также они учитывают и обострившуюся паранойю охраны, которая может просто запретить включать лампы и все тут. Поэтому и притащили дальнобойный «АА», чтобы при любых раскладах быть уверенными в том, что прилетел не почтовик какой-нибудь, а именно самолет Главнокомандующего. Они это по поднявшейся суете поймут, которую, даже если света не будет, в «ночник» разглядят...

В этом месте у меня фантазия как-то засбоила. Если бы все происходило в будущем, то я мог бы с уверенностью сказать, что эти подземные жители – наблюдатели, должны осуществлять подсветку цели для высокоточного оружия. Но сейчас таких ракет просто не существует, поэтому в моей славной гипотезе получился провал. То есть понятно – они не снайперы. И понятно то, что они должны убедиться в прилете усатого вождя. А вот дальше что?

По логике – дальше идет сообщение и подтверждение появления Сталина на аэродроме еще кому-то. И? Выстрел из орудия, стоящего где-то вдалеке, исключается. Для попадания пристрелка нужна, тут и батареи будет мало... Самолет, груженный взрывчаткой, да со смертником на борту? Тоже – не фонтан. Даже если не со смертником, а просто – давно захваченный трофейный «кукурузник» с бомбами – все равно не катит. Точного времени прилета спецрейса никто не знает, а барражировать поблизости такой бомбер не сможет – моментом засекут. Да и ночные истребители сопровождения после посадки «Ли-2» еще какое-то время будут крутиться над аэродромом, не подпуская никого чужого. М да... чего-то я недопонимаю...

Шах, в ожидании продолжения пошевелил бровями, но раскритиковать мои слова не успел, так как я вывалил вновь пришедшие мысли, исключив, разумеется, свои соображения насчет высокоточного оружия. Марат, выслушав меня, сразу перестал насмешливо щуриться и тоже начал чесать репу, соображая вслух:

– Да, это не снайперы. Они должны понимать, что на расстояние прицельного выстрела их просто не подпустят. Орудие... ты прав... без пристрелки – это дохлый номер. Самолет – вообще из разряда бреда... Кхм, если бы сюда подтягивались крупные силы АК, то все было бы понятно, но сейчас... – Шарафутдинов несколько секунд помолчал и, вдруг неожиданно просветлев лицом, сказал только одно слово: – «Ишак»!

Итить твою за ногу! А ведь это мысль! Закусив губу, я лихорадочно вспоминал тактико-технические характеристики Nb.W 41, он же Nebelwerfer, он же 150 мм шестиствольный реактивный миномет. Блин! Если его ввести в нашу задачу, то все в елочку получается! Дальность эффективной стрельбы до шести с половиной километров, вес мины – около тридцати четырех килограммов. Разлет осколков вперед метров на пятнадцать и на сорок в стороны. Да, а ведь есть еще и Nb.W 42 с калибром 210 мм. который и стреляет дальше и площадь поражения дает большую. Но вот мина к нему весит больше центнера, поэтому с ним особенно не разгонишься. Один человек такую чушку не утянет, а рассекать здесь с караваном лошадей или с подводами, чтобы подвезти боеприпасы к Nebelwerfer никто не будет. Так что вряд ли 42, скорее именно Nb.W 41. Хотя, вариант с Nebelwerfer 42 тоже нельзя скидывать со счетов. Так, так, так... И что же мы имеем?

А имеем мы вот такой мини-«град», установленный на какой-нибудь полянке, километрах в пяти от аэродрома. М-м... Из-за рассеивания, пристрелку делать, конечно, не нужно, «Ишак» лупит по площадям, но вот и шансов накрыть с первого залпа нужную цель тоже маловато. Хотя... Точно! Перезарядка у него буквально несколько минут, и обученный расчет, прежде чем начать убегать, может сделать еще пару залпов. И тогда шансы накрыть объект возрастают в арифметической прогрессии. Е мое! Да поляки в своей задумке просто проявили чудеса сообразительности, особенно по сравнению с фрицами.

Те, чтобы убрать Сталина, чудили и куролесили не по-детски. Вон, в последний раз даже изобрели мини-базуку, модернизировали самолет, чтобы он мог перевезти мотоцикл и сесть на крохотную площадку, сделали фальшивые советские газеты с портретами своих агентов, которых хотели выдать за героев-СМЕРШевцев. Но это еще не все – они своим людям даже сделали пластические операции для имитации ранений. В общем, наворотили столько, что ум за разум заходит. А засыпались их агенты на сущей мелочи: ордена не в том порядке, что положено по уставу, носили и мотоцикл уж очень чистенький был, хотя по документам пассажиры ехали издалека. Но даже если бы их и не взял бдительный патрульный, то шансы у той парочки для удачного покушения, один хрен, были бы равны нулю. Ведь по грандиозной задумке немцев их агент должен был или выстрелить со своей

базуки в быстро едущую бронированную машину Верховного, или, получив пригласительный, проникнуть на торжественное заседание в Кремле с чемоданом взрывчатки. В общем – сказки братьев Гримм.

А пшеки, не мудрствуя лукаво и при минимальных затратах, вплотную приблизились к удачному исполнению своей задумки. Ну это, правда, в том случае, если мы с Маратом окажемся правы в своем предположении. Только это наиболее логичный и прогнозируемый вариант в нашей ситуации, поэтому я думаю, что тут ошибки быть не может.

От избытка чувств я ухватил своего зама за шею и хотел слегка боднуть его в лоб, показывая общее восхищение шаховскими мозгами, но слегка не рассчитал, и поэтому мы треснулись башками с бильярдным стуком. Даже пилотки и капюшоны не смогли смягчить звук. Шарафутдинов, потирая лоб, с улыбкой спросил:

– Ну? Как я понял, ты уже все просчитал?

– Еще как! Ты – голова, я тоже голова! Похлеще Бриана! Мы с тобой две головы с охрененными извилинами, которые, похоже, нащупали самый «играющий» сценарий. Ладно, ты оставайся на месте, а я с Гусевым свяжусь и о нашей придумке ему доложу.

Я уже было собрался вставать, когда Змей, который давно проснулся, но не влезал в наш разговор, зевая, заметил:

– Поляны надо искать. Из леса «Ишак» не стрельнет, ему простор нужен. Вот пусть «невидимки» этим и займутся.

– Не учи ученого... Про поляны я уже подумал!

Не став дальше рассусоливать, я по большой дуге рванул к нашему НП. Там, растолкав дрыхнувшего Жана и отойдя с ним за вершину холма, связался с командиром. Время выхода в эфир, конечно, было неурочное, но дежурный у наших связистов работал на прием постоянно, поэтому связь установили сразу. Еще минут десять они искали Серегу, а я пока шлифовал в уме будущий доклад. Поэтому, когда наконец появился переполошенный вызовом вне графика Гусев, я ему вывалил все наши соображения вместе с домыслами кратко и четко. Командир в ответ на мои слова несколько секунд молчал, а потом огорошил:

– Полностью согласен. Сегодня с утра мне принесли справку наших аналитиков, которую они выдали в связи с изменившейся обстановкой. «Умники», проанализировав данные разведки о передвижении как польских, так и на всякий случай «мельниковских» подразделений, пришли к выводу, что нападения на аэродром не будет. Но об этом мы и сами уже знали. Только аналитики выдвинули предположение, что атака может состояться и без наличия более или менее крупных людских резервов. Выдали несколько вариантов этой атаки. Один из них как раз предусматривает использование орудий или установки залпового огня.

– А остальные? В смысле – какие варианты они еще выдавали?

– Самые экзотические, ты что «умников» не знаешь? Они помимо кое-каких реальных прогнозов, большинство из которых мы уже исключили, приплели сюда даже возможность применения собаки, груженной взрывчаткой.

М-да... действительно – экзотика. Чтобы так использовать собаку, ее надо дрессировать, как того Бобика. И не одну неделю. Так что с этим наши высоколобые действительно перемудрили. Против танков собачек использовали – это да, но против стоящего самолета и группы людей возле него... Про такое я не слышал. А Гусев тем временем продолжал:

– Поэтому слушай приказ: при появлении противника из бункера их надо брать. В помощь тебе сейчас выдвигаются группы Шмеля и Кима. Через час они с тобой свяжутся – встретишь.

– Понял.

– Тогда – удачи!

После этого командир отрубился, а я, почесав затылок, недоуменно пожал плечами. Странно... почему это бункерных сидельцев надо брать прямо сейчас? А как же «красивая точка», так желаемая Колычевым, из-за которой вся эта операция и затевалась? Но через

пару минут, прикинув все расклады, понял, что ни о каких «красивостях» и речи быть не может. Наоборот – буржуины могут поднять вой и обвинить в провокации нас. Мол, вы сами обстреляли аэродром, а теперь подсовываете нам каких-то мутных мужиков, вся вина которых состоит в том, что они говорят по-польски. Англичане ведь, как Катень показала, на слово готовы верить только гестаповским следователям. Наших же они пошлют сразу и влет.

Так что прав Гусев – пора операцию заканчивать и как можно быстрее трясти захваченных пленных, чтобы через них выйти на «артиллеристов». А то стрелки долбанут из своего шестеренного самовара по аэродрому и смоются. Может быть такое? Вполне! Ведь они могут дать залп и без подтверждения, просто, чтобы пакость устроить и хоть кого-то из «москалей» завалить. Да и вообще исходя из соображения – «зря, что ли, в такую даль тащились». Так что отлавливать этих доморощенных «богов войны» надо как можно шустрее.

Связавшись по «короткой» радиации с Маратом, я рассказал ему о новой вводной, а после этого, усевшись на свернутую плащ-палатку, стал раздумывать о том, как именно мы будем брать подземных сидельцев. Конечно, если они выползут из своей норы, все сильно упростится. Тем более с приходом ребят из террор-групп нас станет на десять человек больше, и поэтому скрутим диверсантов живьем, не сильно напрягаясь. А если они так и будут там сидеть? В смысле не вечно, а к примеру до завтра? И что тогда? У Шаха, разумеется, есть разные интересные штучки для выкуривания противника из подобных убежищ. Одна свето-шумовая граната его конструкции чего стоит! Как можно довести обычный взрывпакет, используя только магний и какую-то неопознанную мной субстанцию, до такого состояния, я не понимаю. Но помню, эффект при испытании превзошел все ожидания! Шандарахнуло так, что уши заложило как от выстрела гаубицы. И вспышка, невзирая на ясный летний день, была дай боже.

Только я после истории, приключившейся в Восточной Пруссии, стал какой-то пугливый. Ну закатим мы в «схрон» парочку таких взрывпакетов, ну залетим следом сами, а вдруг среди поляков найдется хотя бы один, который будучи в это время в каком-нибудь закутке, взрыв перенесет безболезненно для себя? Тогда совершенно не исключено, что он начнет отстреливаться. Да и гранату с переполоха кинуть может. М-да, тогда получится очень нехорошо... Если я еще раз вместо «языков» предъявлю только трупы, надо мной станут смеяться в голос и показывать пальцем. Правда, смеяться и показывать начнут после того, как вставят штырь от земли до неба.

То же самое может получиться и при использовании дымшашки. Кто знает, что собой представляют люди в бункере? Вдруг они – долбанутые на всю голову и предпочтут смерть плену? То есть что так, что эдак, мне по-любому светит грандиозный втык, а задание вполне может оказаться проваленным из-за того, что местонахождение будущих стрелков так и останется неразъясненным.

Представив морду Сереги и глаза Колычева при подобном раскладе, я погрузился и твердо решил, что будем терпеть хоть до завтра, но поляков гарантированно возьмем живыми. Лучше, как говорится, полдня подождать и за пять минут долететь, чем очередной раз прилюдно облажаться. Ведь нужно еще учитывать, что и на запасном и на основном входе может стоять растяжка. То есть не «может», а обычно именно так и делается, чтобы исключить неожиданное появление гостей. Не «эфка», конечно, а что-нибудь маломощное, вроде РГД без оболочки. Так что только сунься – встретят со всей помпой.

М-да... Так, стоп! Самые хреновые расклады я уже просчитал. Теперь глянем с другой стороны. Вот, почему я думаю, что они сегодня не вылезут? По логике, как раз сегодня в ночь они и должны появиться в полном составе. Нужно же разведать подходы к будущей лежке да и саму эту лежку найти. Так что – вечером они выползут наверняка. Вот тогда-то изобретение Шарафутдинова себя и покажет! Только работать будем не свето-шумовыми, а просто магниевыми гранатами. Нам лишний шум не нужен, зато после вспышки поляков можно будет брать голыми руками – у них в глазах столько «зайчиков» будет, что пятеро диверсантов моментально станут слепыми.

Не исключен, конечно, и поход с сортир. Бояться им сейчас нечего, поэтому гадить в «схроне» никто не станет. А так как в одиночку до туалета ходить не принято (прикрывающий будет, это к бабке не ходи), то мы по-тихому возьмем появившуюся пару засранцев и, узнав у них планировку бункера, устраиваем штурм. Растяжку ведь они снимут, а имея двух живых «языков», можно будет не сильно мандражировать. Закатим внутрь шаховский подарок и сразу атакуем.

Это, конечно, несколько хуже, чем брать их ночью, но есть опасность, что днем нас могут обнаружить. Обнаружить и виду не подать. Так что работать надо на опережение... Мда... Похоже, все учел. «Невидимки» подойдут, мы еще с ними это обкатаем, но вчерне план готов.

Я, вытянув шею, сквозь листву поглядел на то место, где находилась крышка основного хода, поправил головную гарнитуру и, прижав тангенту, вызвал Марата:

– Как там у вас?

– Тихо. Я думаю, они после ночного перехода еще часа три как минимум дрыхнуть будут. Потом сходят, оправятся и до вечера опять залягут. Ну а в ночь – пойдут на разведку.

– Я тоже так думаю. Но ты все равно – внимательней.

– Понял... Как думаешь их брать?

– Или «засранцев», с последующим штурмом схрона, или ночью, когда все вылезут. Но нам чем быстрее – тем лучше. Время сильно поджимает, да и засветиться риск есть, если они днем по округе бродить начнут. Поэтому – ждем «невидимок», с ними все обкашливаем и начинаем работать по первым вылезшим.

– Понял.

Переговорив с Шахом, я улыбнулся, на этот раз удовлетворенно и, достав сигарету, стал с удовольствием ее обнюхивать. Курить хотелось – спасу нет! Уши опухли вконец, но сейчас табачный дым мог вылезти боком, поэтому я только нюхал, а потом, не утерпев, даже отщипнул кусочек, попробовав пожевать табак. Тьфу! Гадость! Отплеываясь, я услышал приглушенный хмык и, подняв глаза, увидел ехидную физиономию Гека, который лежал с другой стороны куста. Заметив мой взгляд, этот паразит, который в свое время предусмотрительно бросил курить, шепотом ехидно продекламировал:

– А мы сидим в засаде втихаря и молча кушаем дубовые галеты. Курить нельзя, вставать и спать нельзя. И не дай бог, захочешь в туалет ты!

Показав нагледцу «от локтя», я демонстративно уставился в сторону люка. Вот ведь мурло! Меня моими же песнями упираться пытается. То есть песня, конечно, была не моя, но теперь все равно – моя. Ведь как ни крути, я эти песни не ворую. Раньше кое-какой червячок нет-нет да и шевелился, но давнишний разговор с Гусевым раздавил этого червяка напрочь. Тогда у меня, помню, приключился приступ ипохондрии и связанные с ним душевно-этические терзания. Серега от подобных терзаний всегда был очень далек и поэтому популярно объяснил, что я не обкрадываю авторов из настоящего и будущего, а просто спасаю хорошие произведения:

– Сам подумай, песню написать – это ведь не танк новый изобрести! С танком все проще: есть задача и – вперед! Лучше, хуже, но бронированная машина увидит свет. А для песни, помимо «посещения музыки», нужна еще масса стечения самых разных обстоятельств. А ведь обстоятельства, кстати, не без твоей помощи, очень сильно изменились. То есть абсолютное большинство из тех произведений, что ты слышал в свое время, просто никогда не появятся на свет. Зато будут другие. Ты ведь сам говорил, что в фильме «Воины» в твоём времени основной была песня – «Темная ночь»! Что? У вас он «Два бойца» назывался? Тем более! Даже название другое. А вот в «Воинах», как звучит «Подруга» в исполнении Бернеса? А? И ведь ты говоришь, что ее никогда не слышал. Значит, ты не только спас «Темную ночь», но и создал предпосылки для написания новой отличной песни. То же касается и всего остального. Поэтому даже не гунди! Не зря ведь в УСИ тебя заставили все, что ты помнишь, на пластинки записывать. Сам говорил – тот еврей всю душу вынул, пока с тобой занимался! То есть наверху не дураки сидят и лучше тебя знают, что

хорошо и что плохо!

Вспомнив эти слова Сереги, я задумался и о Самуиле Гершевиче Шапиро. М-да... этот «человек-оркестр» уматывал меня до полного нестояния. Тогда, получив задание от Колычева надиктовывать тексты и напевать мелодии специально вызванному специалисту, я не думал, что это окажется настолько тяжело. Но Самуил Гершевич подошел к делу исключительно серьезно. Он, разумеется, не знал о моем иновременном происхождении, но и в легенду о контуженом музыкальном гении не очень верил, что, впрочем, не мешало работе. Шапиро был въедлив, как зеленка, и поэтому в конце каждого дня у него были готовые ноты и магнитофонная бобина с записями как минимум пары песен. Причем не просто с записями, а с аранжировкой, которую делал он же, за что собственно я и обзывал этого древнего, как Мафусаил, дедка – «человеком-оркестром».

В конце концов мы с Гершевичем даже сдружились, невзирая на огромную разницу в возрасте. Тогда же, озабоченный его безопасностью, я поперся к Колычеву. Мне все казалось, что после работы этого суперстарикана вполне могут по-тихому ликвидировать, чтобы исключить возможную утечку информации. Иван Петрович, на мои опасения тогда только психанул и разъяснил, что Шапиро, член РСДРП с тысяча восемьсот лохматого года, надежнейший человек, разведчик и что скорее меня за то, что я его лицезрел, ликвидируют, чем тронут этого заслуженного ветерана.

Успокоенный, я вернулся назад и начал заниматься вокалом по новой. Кстати, Колычев объяснил, что записи, сделанные при помощи здорового, как сундук, магнитофона, потом передавались Верховному. И уже непосредственно товарищ Сталин решал, когда и какую песню запускать в люди. Причем он так разошелся, что распределил их аж до тысяча девятьсот пятьдесят девятого года. От чего отталкивался главный цензор страны, я так и не понял, но вот мне специальным приказом отныне было запрещено проявлять самостоятельность и выдавать что-нибудь новенькое под гитару, в кругу друзей. Приказ исходил лично от Виссарионыча, поэтому нарушать его я не рисковал.

Ну разве что очень изредка, если вспоминал произведение, которое не пришло в голову при занятиях с Шапиро. Как вот, например, с этим «Верблюдом», что мне сейчас напел Пучков. Песенка «афганская», но я ее выдал за песню ЧОНовцев, действующих в Средней Азии. Заменял только героин на кокаин, Пакистан на Афганистан и объяснил, что «дух» это сленговое название басмача. И песня пошла «на ура», тем более что реалии тридцатых и сороковых, как выяснилось, ничем не отличались от реалий конца восьмидесятых—девяностых...

* * *

От приятных воспоминаний меня отвлек возникший из-за дерева Жан:

– Командир, «невидимки» на подходе. Через десять минут будут в квадрате одиннадцать-пятнадцать по улитке восемь.

– Ясно... Гек!

– Что?

– Ни «что», а все слышал?

– Так точно.

– Тогда дуй к ним. Приведешь вон к тем кустам. Четверых сразу к Шаху. Остальных вместе с командирами групп ко мне.

Лешка кивнул и через пару секунд исчез в зарослях, только ветки чуть качнулись. Я же, взявшись за тангенту, опять вызвал Марата:

– Шах, ждем гостей. Гек ушел их встречать, так что через двадцать минут будут на месте. У тебя как?

– Все тихо.

– Понял. Хорошо. Жди.

Глава 13

– Ну что, мужики, как вам моя идея?

Командиры разведгрупп переглянулись и молча кивнули. А потом новый знакомец Ким (в быту Федор Свиридов) подвел итог:

– Вопросов нет – берем первых появившихся, проводим экспресс-допрос и атакуем схрон. Дальнейшие действия?

Я пожал плечами:

– По обстоятельствам. Основная задача – не просто взять этих сидельцев, а вытрясти из них местонахождение второй группы. И все это надо сделать до того, как «артиллеристы» начнут работу. В принципе, у нас больше суток в запасе есть до часа «Х», но лучше все сделать быстро.

– Ясно...

– А если ясно, то... Шмель... – Командир группы Сашка Лопарев, к которому я обращался, привстал, изобразив повышенное внимание. – На тебе запасной выход и нижняя тропа. За нами – основной и конечно же путь к ближнему ручью. Так что если всем все понятно, то – проверили связь и разбегаемся по местам.

Пока народ выполнял приказ, сидевший рядом Марат предложил:

– Может, ты все-таки здесь останешься? Так сказать – координатором? А возле ручья, я с Геком и Змеем сяду?

– Ща! Только портянки поглажу! Да и координировать здесь нечего – все роли расписаны, а ребята толковые. Поэтому иду я, ты и Леха. Женька с Дауреном остаются на месте, а остальные – как планировали.

Глядя на исчезающих среди окрестной растительности мужиков, я примиряюще положил руку на плечо зама и добавил:

– Ты пойми, это не потому, что тебе не доверяю, а из-за того, что сидючи на месте, я кучу нервов потеряю. А нервные клетки не восстанавливаются. Поэтому лучше буду действовать в группе захвата.

Марат улыбнулся:

– Понятно. Ну что, пошли?

– Связь проверяем и идем.

Со свежепоставленными в рации аккумуляторами головные гарнитуры работали вполне штатно, поэтому, быстренько их проверив, мы через несколько минут уже подходили к ближнему ручью. Там, выбрав наиболее удобное для оправки противника место, расположились рядом и, замаскировавшись, принялись ожидать подхода будущих «языков». Первые минут двадцать пролежали тихо, приглядываясь, прислушиваясь, принюхиваясь и вообще свываясь с окружающей обстановкой. А по истечении получаса Шах, лежавший слева шагах в трех, издал странный, приглушенный звук. Я тут же плотнее прижал к уху наушник, опасаясь, что пропустил предупреждение о выходе поляков. Но в эфире было тихо, поэтому шепотом спросил у Марата:

– Ты чего фыркаешь?

Шарафутдинов повернул ко мне ухмыляющуюся физиономию и так же тихо ответил:

– Да ничего, просто по ассоциации, про газету вспомнил.

– Не понял...

– Ну, диверсанты ведь сюда – гадить заявятся? Не пальцем же они подтираться будут? Так что – либо лопух, либо газетка. Вот и вспомнил про то, что ты с дивизионной газетой сделал.

– Кхм...

Кашлянув и показав кулак чересчур ассоциативно мыслящему заму, я отвернулся от него, пряча улыбку.

М-да... С газетой «За Родину!» вышло прикольно... Когда нам привезли свежий выпуск дивизионных борзописцев, краска на некоторых экземплярах еще не просохла, и

первое что я сделал, когда ее взял в руки, это – испачкался. Чертыхнувшись, хотел было уже выкинуть недоделанное творение армейских сочинителей, но, увидев заголовок одной из статей, передумал и плотоядно улыбнулся. Уж очень он мне напомнил интернетовскую байку про государыню-императрицу, отдыхающую на водах. Поэтому, сбегав за бутылкой трофейного растворителя, который зачем-то приволок Нечипоренко, я взял кусочек ватки из аптечки и внес необходимые, на мой взгляд, коррективы. После чего спокойно вышел в общий зал и, разложив газету, стал терпеливо ждать, делая вид, что читаю. Ожидание продлилось недолго. Буквально через пять минут появился Гусев, который, увидев меня, спросил:

– Все читаешь? Хотя бы свет нормальный сделал! Смотри, глаза испортишь – станешь четырехглазым, как Бибин.

– Да где его взять – нормальный свет? Основной генератор только на «маркони» работает, а запасной второй день починить не могут. Но зато смотри – наконец-то в наших газетах стали чистую правду писать! Просто – ни шагу от истины! Вон, первая статья с правой стороны.

Я подпихнул разворот Сереге и с удовольствием наблюдал, как его брови поползли вверх, стремясь соединиться с коротким «командирским» чубчиком. Он прочел раз, потом, не поверив глазам, еще раз и глубокомысленно произнес:

– Мля...

Не выдержав вида его потрясенной физиономии, я согнулся над столом, чтобы не выдать себя раньше времени. Надо же – такая маленькая корректировка, а каков эффект! Ведь всего-то в названии: «Пребывание в нашей части артисток Козинского драматического театра» я в слове «пребывание» подтер палочку в букве «р». И сразу заголовок заиграл новыми пикантными красками. Единственно что: процесс, описанный в нем, был не по-армейски вяловат. Как будто «драматичек» пользовали с устатку и нехотя. Плавно, так сказать. Но от этого заглавие читалось еще более интригующе.

В конце концов я не выдержал и начал всхлипывать, а Серега, поняв, что над ним только что подшутили, поднял газету и посмотрел ее на просвет (место подтирки сразу становилось видно), после чего ругнулся и объяснил:

– Ну ты и жук! А я ведь сначала подумал, что это корректор опечатку прошляпил. И сразу представил себе, как вся дивизия сейчас ржет...

Этот эксклюзивный экземпляр газеты «За Родину!» я у него тогда отобрал, хоть Гусев вначале и упирался. Но на очереди были мои мужики, и командир, соблазнившись предстоящим цирком, решил в нем поучаствовать уже в виде зрителя. В общем, посмеялись еще четыре раза (Макс так и не понял, в чем прикол, а Женька с Лехой, как обычно, тусовались вместе, поэтому попали под розыгрыш одновременно).

А теперь Марат в ожидании поляков вспомнил этот случай и начал пхекать, сдерживая смех. Сейчас, правда, уже успокоился и так же, как и я, внимательно оглядывает местность...

В тишине мы провели еще почти час, как вдруг гундосый, измененный эфиром голос Гека появился в наушнике:

– Внимание! Наблюдаю противника. Трое вылезли из схрона и направляются в вашу сторону. Вооружение – два ППС и СТЭН. Через пару минут вы их увидите. У нас тихо. Группа Шмеля выдвигается на исходные для блокирования оставшихся под землей. Люди Кима сопровождают «засранцев».

Я выдал в ответ:

– Понял, понял. К встрече готовы. Действуем, как планировали. – Потом, повернувшись к своим ребятам, скомандовал: – Все слышали? Тогда – приготовились.

После чего, отложив в сторону автомат, открыл клапан кобуры браунинга и, затихнув, стал напряженно вглядываться в верхнюю точку возвышенности, из-за которой вот-вот должны были появиться гости.

И они появились. Даже не особо скрываясь, первый, одетый в понтовую вытертую кожанку, придерживая локтем ППС, висющий под мышкой, нарисовался возле гнутой березы

и несколько секунд оглядывался. А потом, махнув рукой пока невидимым нам, идущим сзади, шагнул вперед. Через несколько секунд показались остальные. Один – старый знакомый, который торчал в бункере изначально, и второй – высокий, чернявый парень, весело скалящий зубы и пока незнакомый. Интересно, чего он так радуется, щерясь во все тридцать два зуба? Или просто в предвкушении «облегчения»? Э, да какая, собственно, разница!

Главное – я почти точно угадал место их «приземления». Поэтому сейчас, когда «кожаный» остался на стреме, а остальные растопырились орлами, свесив гузки над ручьем, жестами показал Марату, мол, «длинный» – твой. Мордастенький сиделец достался Змею, а на себя я взял пижона в кожанке, как наиболее опасного. Шум ручья надежно маскировал издаваемые нами шорохи, неизбежные при выходе на исходные позиции. Так что, благодаря этому, уже через минуту я сумел подобраться к своему объекту на расстояние броска. Прикинув, что мужикам времени для подготовки потребовалось бы еще меньше, особо рассусоливать не стал, а найдя хорошую опору для ноги, с низкого старта рванул к стоящему боком человеку.

Пижон, козел такой, был боец тертый и, даже не увидев, а услышав посторонний звук справа, не стал поворачиваться и вскидывать автомат, как поступил бы другой на его месте, а рыбкой нырнул вперед. Не ожидая такой прыти, я чуть не промазал, но успел ухватить его за ногу, и мы, сцепившись, покатались вниз, к ручью. Пока катились, я прошелся по врагу и кулаками, и локтями, и коленями, поэтому, когда падение прекратилось, кожаный практически не трепыхался. Добавив еще одну плюху для верности, я, перевернув «языка» мордой вниз, принялся сноровисто вязать ему локти стропой, попутно оценивая окружающую обстановку. А она просто радовала глаз – мои ребятки своих уже заканчивали паковать. Ну правильно: когда человек сидит на корточках без штанов, то боец из него практически никакой. Вот поэтому мокрый Марат уже выволок своего пленного на бережок и уселся сверху, а Женька, которому повезло не свалиться в ручей во время захвата, тщательно запихивал в рот «мордотому» его же кепку.

Рывком перевернув приходящего в себя «кожаного», я тоже заткнул ему рот, и при помощи подошедших «невидимок» Кима мы в темпе растащили «языков» в стороны, подальше друг от друга, после чего приступили к экспресс-допросу. Но для начала, разумеется, обыскали. У моего, помимо автомата, оказался еще пистолет, нож, разная карманная мелочь в виде зажигалки, сигарет, тоненькой пачки рублей и прочих обычно носимых с собой вещей. Еще у него был изъят кожаный портмоне с польским паспортом, на котором красовался разлапистый орел, немецким аусвайсом и нашей, удостоверяющей личность, справкой. Все три документа были выданы на имя Витольда Смиглы.

Пока я разглядывал документы, Свиридов провел стандартную процедуру – быстренько извлек кляп изо рта Витольда и ловко прилепил ему на морду кусок лейкопластыря, в котором выстриг маленькую дырочку. Я, глядя на это, только одобрительно хмыкнул: теперь пленный, даже если сильно захочет, орать не сможет. Но при этом громко шептать у него получится хорошо. В общем – что нам и надо.

Пленный к этому времени очухался окончательно и теперь глядел на нас злыми глазами, периодически пытаясь плечом вытереть кровь, бегущую из носа. Присев возле него на корточки, я доброжелательно улыбнулся и по-польски извистил:

– Витольд, друган, если ты нам сейчас для начала дашь планировку вашего «схрона», то с тобой будут обращаться предельно вежливо. Давай по-хорошему, а? Я спрашиваю – ты отвечаешь, после чего мы, как цивилизованные люди, остаемся крайне довольны друг другом. Ты ведь не мазохист?

Смиглы при первых звуках польской речи сначала удивленно вытаращил глаза, но потом, поняв, что я к великополякам не имею никакого отношения, попытался плюнуть в меня через дырочку в пластыре. Когда же это не получилось, пленный вознамерился забодать говорившего башкой в подбородок. Я от этих действий даже слегка расстроился. Нет, ну что за тупорылый попался? Ведь прекрасно знает, что заговорит, а ведь обязательно

нужно повыпендриваться и заполучить себе травмы различной степени тяжести. Ткнув его ладонью в лоб, чтобы умерить пыл, я встал и, кивнув Федору, командовал:

– Приступай.

Свиридов кивнул, а я отвернулся и в первый раз за сутки – закурил. Блин! Кайф-то какой! Аж голова закружилась!

За спиной в это время слышалось только надсадное мычание, но я не поворачивался, смакуя «Кэмэл» до конца. Когда окурок начал обжигать пальцы, а мычание перешло в поскуливание, настало время «доброго» следователя. Отстранив Кима от трясущегося «языка», я опять сел перед Витольдом и, достав блокнот с огрызком карандаша, озвучил свое предложение по новой.

На этот раз оно было принято гораздо более благосклонно, и когда пленному освободили одну руку, Смиглы принялся карябать на чистом листе с завидным старанием. Глядя на его художества, я только удовлетворенно сопел. Схрон, как и предполагалось, был одноуровневый. После входа в люк шел короткий коридорчик с изгибом (хотя не очень серьезным – гранату можно прокинуть), далее было небольшое помещение, которое можно условно назвать кухней. Еще дальше – жилое помещение с нарами. А от него уходил длинный отнорок к запасному ходу, в котором попутно располагался туалет. Вот и славно, трам-пам-пам! Забрав готовый чертеж, я передал его Федору, а сам поинтересовался:

– Витольд, а сколько вас там всего сидело?

Смиглы хлопнул разбитым носом и, покосившись на Кима, ответил:

– Пятеро...

– Ой, молодец! И теперь последнее... – Я добавил в голос металла и жестко продолжил: – Теперь расскажи, кто командир, а также цели и задачи вашей группы!

«Язык» было опять набылчился, но присевший рядом Смирнов достал нож и принялся чистить ногти, многозначительно поглядывая в сторону поляка. Витольд прикинул шансы и хмуро ответил:

– Командир сейчас в бункере. А целей я не знаю. Говорили, что надо совершить рейд до этого района, а для чего – мне неизвестно.

Звездит как Троцкий. Неизвестно ему... Хотя – ладно. Позже разберемся. Сейчас надо колоть его в том месте, где он колется.

– Имя командира, его позывной и характер доставленного груза.

«Язык» повздыхал и ответил:

– Командира зовут – Анджей Ганбовски. Позывной – «Вепрь». Груз, что мы принесли, – это консервы для пополнения запаса в схроне.

– Только консервы?

– То так. Только консервы...

Я резко встал (так что пленный даже отшатнулся) и, обращаясь к Свиридову, резюмировал:

– Все, Ким. Коли его до самой задницы. Не хочет по-хорошему, пусть пеняет на себя!

И когда Федор наклонился над Витольдом, пошел в ту сторону, где трясли остальных «языков». Послушав доклады мужиков и сравнив набросанные чертежи, я пришел к выводу, что относительно планировки бункера пленные говорили правду. Зато насчет всего остального...

Начиная от позывного командира и заканчивая содержимым мешков – ввали как сивые мерины. Единственно только чернявый, который еще пять минут назад улыбался во весь рот, а теперь имел сильно помятую физиономию, говорил что-то похожее на правду. Что несли аккумуляторы и фонарь «АА». Что им надо было дать подтверждение посадки какого-то самолета. Но кому подтверждение и для чего, чернявый не знал.

Время поджимало, поэтому я уже хотел оставить возле пленных охрану и выдвигаться к схрону, но тут меня позвал довольный, как трамвай, Свиридов. Не обращая внимания на окончательно сломенного Витольда, я выслушал доклад командира группы:

– Они действительно являются наблюдателями. Несли аккумуляторы и «ночник» с

прибором. Должны были подтвердить прибытие самолета с товарищем Сталиным и передать это подтверждение по радиации для другой группы. Частоты связи знают только командир и радист. Общее же руководство операцией осуществляет Томаш Заремба, позывной – «Медведь». Но он находится с основной группой, и о месте их базирования пленный не осведомлен. Говорит, что вроде на каком-то хуторе, где у Зарембы живут родственники, только названия этого хутора он не знает. Их, мол, сразу к схрону провели...

– А про схрон им откуда известно? Вряд ли его за эту неделю открыть успели.

Федор кивнул:

– Его сделали еще в тридцать восьмом. В строительстве принимал участие Марек Гонопка, тот щекастый, – Свиридов изобразил руками размер физиономии Гонопки, – которого возле ручья взяли. Он в то время был хорунжим SZRP, в смысле – Войска Польского, и именно его отделение здесь занималось рытьем. Вот этот хорунжий и навел на бункер.

– А еще тут подобные «закапушки» есть?

– Пленный не знает, но со слов Гонопки сделал вывод, что больше нет. Тот рассказывал, что их отвезли километров на тридцать от основного укрепрайона, и пока они занимались строительством, больше никаких солдат здесь не видели.

– Ладно... толстого позже тряхнем. Только один вопрос: ты что, настолько хорошо по-польски разумеешь?

– Не столько я по-польски, сколько Смиглы по-русски! В общем – мы нашли общий язык!

– Молодца, Ким! А сейчас пора идти к схрону, а то уже седьмая минута идет с тех пор, как они гадить потопали.

Не собирая пленных в кучу, чтобы они не смогли сговориться о последующем звездехе на дальнейшем допросе, просто оставили возле них охрану и рванули обратно к бункеру.

Скрываться уже не было смысла, поэтому тремя бойцами блокировав запасной выход, мы собрались возле основного и начали думать думу – как сподручнее выколотать противника из-под земли? В конце концов решили, что завязываться с дымшашками – себе дороже. Противогазов у нас нет, а вот у подземных сидельцев они, по закону подлости, вполне могут оказаться. Будет обидно...

Нет, гораздо проще закинуть в виде гостинца пару свето-шумовых гранат и тут же атаковать. Решили, что работать будут люди Шмеля и что двух человек для штурма вполне хватит. Больше там просто не развернутся. Пока назначенные ребята скидывали разгрузки и автоматы, мы, стоя полукругом, молча смотрели на них. Все слова и инструкции были сказаны, поэтому отвлекать парней заумными советами было бы глупо.

Но когда «невидимки» уже приготовились и группа поддержки намылилась, открыв люк, закатить туда гранаты, он распахнулся сам. Ну не то что бы распахнулся, а так – приоткрылся. Я как раз стоял напротив и поэтому первым увидел, что в появившейся щели нарисовалась башка, пытающаяся открыть крышку, но при виде скопления посторонних людей на поляне – застывшая. Причем застыл не только этот вылупляющийся гриб, от неожиданности замерли и все остальные.

Этот стоп-кадр длился целую вечность: во всяком случае, не меньше секунды – точно. За невыносимо долгую секунду глаза у поляка стали по пять копеек, и тут статика прекратилась, а движение, наоборот, – началось. Поляк, отпустив руки, начал проваливаться вниз, а я уже летел, вытянув руки вперед. Летел и видел, что ме-е-едленно опускающаяся крышка к концу полета придется как раз на уровень моей переносицы. Но тут уж что-то одно: или словить эту долбаную крышку, или башку вражины. Пойманная башка была важнее сломанного носа, поэтому я в ожидании хор-рошего удара только глаза прищурил, но положения вытянутых рук не изменил.

И правильно сделал, что не изменил, потому как «растянутое» время закончилось, и в тот момент, когда я уже скользнул пузом по траве, люк пинком открыл стоящий сбоку от него высокий «шмелевец». И в тот же миг я вцепился в ухо и волосы скрывающегося

диверсанта. Он чуть было не утянул ловца за собой, но сразу несколько рук ухватили и меня, и его, выдернув обоих из черноты провала, как морковку. До меня не сразу дошло, что все уже закончилось, и поэтому, когда вопящего во всю глотку «языка» уронили на землю, я так и продолжал, держа его за волосы одной рукой, другой молотить по противнику, желая побыстрее заткнуть исторгаемый им вой.

А штурмовая группа уже начала действовать. Пленный еще выводил переливчатые рулады, а до моего слуха донеслись два звонких хлопка и чей-то крик:

– Работаем!

Тут противник наконец обмяк, потеряв сознание, и я, оторвавшись от него, повернулся в сторону входа в схрон. Двое парней, помогавших мне, сразу же подхватили тело и поволокли его в сторону, а остальные, стоя возле люка, напряженно прислушивались к происходящему внутри. Секунд через десять тишину нарушил голос:

– Принимайте!

И все опять пришли в движение, помогая вытянуть последнего бункерного сидельца. Вынырнувший следом за ним боец из атакующей пары, возбужденно улыбаясь, сказал, обращаясь к Марату:

– Слушай, мощные у тебя штуки! Этот гаврик даже не дергался, когда мы его нашли. Лежал себе тихонько возле нар и не отсвечивал! Рецепт поделишься?

Шарафутдинов кивнул, а я, присев возле бессознательного поляка, у которого был рассечен лоб, а из ушей и из носа текла кровь, недовольно заметил:

– Какие-то они чересчур мощные. Чего ты туда напихал кроме магния? Его же контузило напрочь!

Шах недоуменно пожал плечами:

– Как обычно. Просто они шарахнули в маленьком, замкнутом помещении, вот поэтому такой эффект. Да и, похоже, когда он залечь пытался или просто падал, головой ударился. Видишь, какая ссадина? Нет, все нормально, командир! Главное, всех живыми взяли и есть с кем работать!

– Всех живыми взяли... – Оттянув веко у пленного, я безрадостно посмотрел в его закатившийся под лоб зрачок и, сплюнув, показал пальцем: – Вот этот – точно полудохлый. И чует мое сердце, что именно он окажется командиром. Не тот, голосистый, с прореженным скальпом и полуоторванным ухом, а именно этот!

На что Гек жизнерадостно ляпнул:

– Ничего, лишь бы дышал! А уж мы его растормошим!

Угу, знаю я этих тормозителей. Как бы в процессе оживления контуженый хмырь окончательно дуба не дал... Хотя, если это рядовой член группы, так и хрен бы на него!

Но, как выяснилось, именно бессознательный «язык» и был командиром. Просто пока некоторые мужики занимались опустошением схрона, остальные приступили к опросу пленных и быстренько выяснили сей нерадостный факт. Трое «засранцев» в основном выполняли функции носильщиков и боевого охранения, поэтому были не в курсе: ни где сейчас находится вторая часть диверсантов, ни откуда они собираются работать. Корноухий оказался радистом, знающим частоты связи, только о месте расположения группы «артиллеристов» он тоже был не осведомлен.

Кололи их вдумчиво, поэтому оснований не верить пленным я не имел. Вот так и вышло, что через полчаса после начала допросов мы собрались возле лежащего на плащ-палатке Ганбовского. «Вепрь» до сих пор не пришел в себя, хоть ему и оказали первую помощь. Поэтому, глядя на его замотанную башку и ватные «чопики», торчащие из носа, я задумчиво тер щеку, вопрошая у собравшихся вокруг знатоков медицины:

– Нашатырь нюхнуть давали? Водой обливали? По щекам... хотя нет, отставить! У него мозги стряслись, поэтому хлопанье сейчас явно противопоказано. Блин! Чего же тебе еще, собака, надо?

Шмель после моего крика души предложил:

– Может, в санчасть? Его там быстренько в себя приведут, а когда он очухается, все

расскажет как миленький.

– Время, время! Оно нас сейчас сильно поджигает. Хотя... – Махнув рукой, я подозвал Марата и приказал: – Вызывай машину. Пусть она ждет на старой дороге, возле ответвления на Криницу. Если мы его сейчас в себя не приведем, то к докторам везти всяко-разно придется.

Шах уже собрался идти, только его остановил стоящий рядом Даурен, который, смущаясь, предложил:

– Товарищ командир. Я понимаю, что это мракобесием отдает... но... меня дед учил... В общем, если давить на определенные точки на теле человека, то можно добиться кое-какого эффекта. Работать надо иглой или просто тонкой палочкой... Может, стоит попробовать?

Ого! Какой у меня продвинутый радист! Хлопнув Жана по плечу, я ответил:

– Давай, действуй – знаток акупунктуры! А то я уже все известные мне активные точки попробовал – толку не добился.

Увидев, как вытянулось в удивлении лицо подчиненного, добавил:

– Что смотришь? Думаешь у тебя начальник – валенок? Не-е-т! Я кроме слова «акупунктура» знаю еще много умных слов!

Искалиев на это только улыбнулся и, стянув сапоги с Ганбовского, принялся растирать и мять его ступни. Остальные, сгрудившись, с интересом смотрели на эту прелюдию к лечению. Ну а я на всякий случай приказал бойцу, стоящему рядом, сбегать и вытряхнуть толстого Гонопку из его куртки, после чего принести ее мне. Парень, не удивляясь, молча рванул выполнять приказание и через пару минут вернулся с требуемой одежкой. А дальше – или так совпало, или из Даурена дед сделал действительно большого специалиста, но истыканный тупой стороной иглой «Вепрь» застонал и открыл мутные, слезящиеся глаза.

О! Вот теперь – моя очередь! Пока он еще «плавает», попробуем заморочить пленному голову. Физического воздействия этот недобиток сейчас не перенесет и снова отрубится, поэтому буду играть. Сделав жест, разгоняющий народ с поляны, я, натянув трофейный кожушок, осторожно положил голову пленного себе на колени и, радуясь, что уж польский-то знаю в совершенстве, начал:

– Пан Ганбовский, Матка Боска, вы наконец очнулись! Я – поручник Войцех Ковальчук. Мы по тайному приказу руководства осуществляли прикрытие вашего отряда и успели отбить вас у москалей. Но трое ваших людей убито, остальные тяжело ранены. Операцию придется отменять, а вас срочно эвакуировать! Лошадь уже готова. Сейчас Збигнев ее приведет, и мы уходим!

В общем, придав голосу панические и тревожные нотки, я классически «заторапливал» полувмняемого оппонента. Будь он хоть чуть-чуть в себе, то, разумеется, не купился бы на эту жалкую уловку насчет отряда прикрытия. Да и насчет всего прочего тоже. Но сейчас я просто не давал ему собраться с мыслями:

– У нас тоже есть потери – «краснюки» убили двоих моих людей! А остальные трое, хоть и хорошие бойцы, но не смогут работать со сложными приборами ночного видения и заменить вас в этой миссии. Поэтому мы можем только заняться эвакуацией... – Тут увидев, что пленный пытается приподняться, я это пресек. – Куда вы? Вам нельзя шевелиться! У вас ранение в голову, поэтому я даже не знаю, довезем ли мы вас вообще...

«Вепрь», услышав про рану в своей башке, катнул желваками и прикрыл слезящиеся глаза. А потом, ухватив меня за рукав кожушка, прошептал:

– Помимо ранения я еще и частично ослеп. Вспышка гранаты была очень сильная... Но поймите, такого момента упускать просто нельзя, поэтому вы должны выполнить это задание за нас. Оборудование цело?

– Все цело, но мы просто не обучены на нем работать. И рации у нас тоже нет, а ваша – разбита! Есть только две трофейные, но они малой мощности. Все, что мы можем – постараться увезти вас в безопасное место. В Ровно у нас есть доктор. Поэтому не беспокойся, друг. Мы вас вытащим!

Ганбовский пощупал забинтованную голову, скривился и тихо сказал то, о чем я только мечтал, начиная этот разговор:

– Поручник, в Ровно вы нас не довезете – это вы сами знаете. И операцию срывать тоже нельзя. Потомки нас не поймут. Даже если вы не знаете ее целей, то поверьте мне на слово – удачное ее завершение равносильно свободе для Польши! Так что – когда придет лошадь, мы все вместе едем на хутор. Он располагается недалеко отсюда, километрах в пяти. Мы должны успеть. Там будут находиться остальные наши люди и руководитель операции...

Есть контакт! В радиусе пяти километров располагаются всего два хутора: Мищука и Ломзицкого! И я думаю, что не ошибусь, если выберу старика Кшиштофа! А потом буду долго и с наслаждением упирать тех Фом неверующих, которые всю дорогу издевались над моей подозрительностью! Но дальнейшие слова «Вепря» заставили меня запихнуть эти самодовольные мысли поглубже в дупу:

– Хутор этот находится возле старой лесопилки. Вы не ошибетесь... Хозяин – Тарас Мищук. Пароль...

Ганбовский говорил все тише и тише и в конце концов опять вырубился. Сняв его голову с колен, я поднялся и растерянно почесал затылок. М-да... век живи – век учись. Вот тебе и крайне подозрительный Ломзицкий, а также «щирый» Мищук! Попробуй после этого разобраться в крайне запутанных польско-украинских отношениях... Блин... Теперь, похоже, упирать будут именно меня. Ну да и черт с ним! Главное – установлено местоположение старшего командира! И если даже «артиллеристы» не с ним, то он точно будет знать, где их искать. А то, что контуженый не назвал пароль, так это, как говорил Чапаев в одноименном фильме, – «наплевать и забыть»! Толку нам с этого пароля...

Свистнув народ, я рассказал о том, что поведал пленный, и, дождавшись, когда Жан развернет рацию, доложил обо всем произошедшем начальству. Гусев на том конце аж заподпрыгивал и сказал, что через час в нашем распоряжении будут два взвода НКВД для блокирования хутора. Еще обещал с их же колонной прислать машины за пленными. Договорившись о месте встречи, мы загрузили «языков» их же барахлом, всучили им носилки с бессознательным командиром и быстрым шагом погнали всю процессию к месту randevu.

Глава 14

Вылезший из кустов Гек махнул рукой, и джип, едущий впереди небольшой колонны, остановился. Из него выскочили два солдата и лейтенант в фуражке с острохарактерным околышком. Коллега, однако... Летеха несколько секунд разглядывал появившихся на обочине людей, а потом безошибочно (во где нюх у человека) подошел ко мне и, козырнув, доложил:

– Лейтенант Болотников. Прибыл в распоряжение майора Лисова.

Я тоже козырнул и, протянув руку для пожатия, представился:

– Майор Лисов. – После чего, почесав пробивающуюся щетину, продолжил: – Ты, лейтенант, очень вовремя прибыл. В «ГАЗонах» – бойцы?

– Так точно! Пятьдесят два человека! И в «ЗиСе» еще пятеро, для конвоирования пленных.

М-да... это вам не пехотные взводы. Ну да ладно – даже этой полусотни нам выше крыши должно хватить. Поэтому я не стал особо рассусоливать, а передав пленных тут же уехавшему конвою, приказал загнать остальные машины поглубже в лес и начать выгрузку. Пока солдаты строились, объяснил диспозицию Болотникову. Тот, почесав затылок, кивнул и отдал необходимые распоряжения. А задумка у нас была, как обычно – наглая.

Хутор Мищука, который мы поверхностно оглядели издали еще дней шесть назад, был довольно крупный. Два больших дома, да овинов с прочими сараями еще штук восемь наберется. Плюс баня. И где в этот момент могут ныкаться боевики, сказать крайне затруднительно. Поэтому, даже имея преимущество в силе, атаковать их в лоб просто глупо.

Нам живые «языки» нужны, а не трупы. Отослать НКВД в оцепление и работать чисто тремя террор-группами... Так сначала и думали, но вот посланный в разведку Шмель со своими ребятами доложил, что народ по хутору ходит. Причем активно ходит. То есть скрытно сработать не получится – кто-нибудь из домашних обязательно заметит странные передвижения по своей вотчине. До ночи ждать – тоже не с руки. Значит, нужно как-то всех хуторских собрать, но при этом не особо будоража спрятавшихся поляков.

Вот я и подумал, а что может быть естественней в такой обстановке, как ни приезд нового уполномоченного НКВД? Старого-то какие-то прячущиеся по кустам подлюки в госпиталь спровадили. А я буду новым. Приеду, как и положено, с водителем, роль которого исполнит Гек, и еще одним чекистом в исполнении Шарафутдинова. Подкатим, громогласно всех соберем, может даже слегка поругаемся. Чуть-чуть поагитируем за советскую власть. Намекнем на желание халявы в виде деревенских деликатесов. Сидящие на хуторе поляки, конечно, насторожатся, но все их внимание будет приковано к новоприехавшим. Но мы их провоцировать не будем. Не станем даже близко подходить к домам. Просто, после общих наездов, намекнем хозяину, что нам еще полдня мотаться и нехило бы представителям власти что-нибудь собрать на дорожку. В общем, изобразим себя именно такими, какими нас «мельниковские» пропагандисты рисуют. И всяко-разно с полчаса внимание хуторских я на себе удержать смогу. По расчетам, за это время Болотников со своими людьми блокирует хутор на дальних подступах, а группы Шмеля и Кима начнут стягивать кольцо, проводя тихую проверку разных там овинов и гумнов. Вот так и выясним, где именно скрываются диверсанты. После чего последует внезапная атака. Не исключено, конечно, что они сидят в каком-то замаскированном подполе, но это мы уже на месте разъяснять будем.

Поэтому, забрав фуражку у лейтенанта и напялив ее на себя (маловата оказалась, зараза), скинул комбез и пошел к ГАЗ-67, на котором прикатил Болотников. Там уже расположились мои ребята. Гек, усевшись за руль, по-хозяйски оглядывался, попутно взмахами руки отгоняя ефрейтора – водителя, у которого пять минут назад отобрал погоны и его авто:

– Ну чё ты страдаешь? Ничего с твоим «козликом» не случится. Иди, иди отсюда. Вон, водилы грузовики маскируют – двигай, помогай!

Для водителя командирской машины, который в неуставной армейской иерархии занимал особое положение, такой совет был сродни прямому оскорблению. Но чернявый ефрейтор все равно не уходил и глядел на нового водилу скорбными глазами. Немного помявшись, он в конце концов выдал то, что его терзало:

– Вы, товарищ лейтенант, с коробкой – помягче. И передний мост, если включать будете...

Услышав жалобные напутствия и поняв чувства чернявого, я, пристегнув наконец лейтенантские погоны к своей гимнастерке, хлопнул его по плечу:

– Не журишь, боец. Вернем тебе машину в целостности и сохранности. А сейчас – что тебе Болотников приказал?

Ефрейтор вытянулся:

– Находиться с другими водителями и ждать команды!

– Вот и находишься!

Видимо поняв, что нехорошие пришельцы, забравшие его «ласточку», слушать никаких советов не собираются, водитель козырнул и поплелся к своим коллегам. А я, глядя, как последнее отделение спешенных бойцов исчезает в лесу, достал сигареты и предложил:

– Сорок минут бамбук курим, потом выдвигаемся. За это время как раз все выйдут на исходные. И... Гек, что ты там ерзаешь?

– Сцепление туговато...

Критически окинув взглядом Леху, вынес вердикт:

– Не кипеши. И вообще – дареному коню в зубы не смотрят. Так, про что я? А! Ребята выйдут на позиции и осмотрятся. Нам тут езды минут двадцать, так что к часу дня мы должны будем торжественно подъехать к хутору. Шах...

Сидевший сзади Шарафутдинов, сунул голову между нами и спросил:

– Чего?

– Помни: ты – страшная нерусь, дослужившаяся до сержанта, и с фамилией такой забубенистой... к примеру – Сапармурадов. Ругаешься, путая татарские и русские слова. Эх, жалко, у тебя висячих усов нет, да и вообще мордой подкачал – не очень-то на потомка Чингисхана похож... Точнее – совсем не похож. Скорее на испанца... Ну да ничего. Главное – глядя на баб, сально улыбайся и бормочи что-нибудь по-татарски.

Марат на эти слова возмутился:

– Сам ты мордой не вышел! И с чего бы я на Чингисхана был похож?

Я хмыкнул:

– А кто мне тут свой род к нему возводил и себя Чингизидом называл? – Видя, что Шах пытается что-то сказать, я взмахом руки остановил его и продолжил: – Да ладно, скандальный потомок великого предка, не дуйся, но помни – за тобой тетки и девчата. Они должны собрать детей вокруг себя и пугаться изо всех сил. И чтобы ни один постреленок из-под мамкиной юбки не выбрался.

Шарафутдинов кивнул:

– Сделаем...

– Гек, – я пихнул локтем Пучкова, – ну а тебе и играть никого не надо – будешь продуктовым мародером. Смотришь на всех голодными глазами, громко сглатываешь обильные слюны и нюхаешь окружающую среду с целью обнаружения вкусных запахов. В общем, ведешь себя, как обычно!

Пучков такого поклепа не выдержал и несколько минут вещал о том, что он думает про своего командира. Потом мы опять замолкли, думая каждый о своем. Я прикидывал, что шуточный пересказ совместно разработанного плана несколько расслабил мужиков и теперь они будут действовать более свободно. Хотя... нет, вряд ли. Это внешне – зубы поскалили, но напряжение так и осталось... Ведь именно от наших действий будет зависеть, насколько успешно пройдет операция. Ну не только от наших, но вначале – именно от них. Завяжем на себя всех хуторских – «невидимки» сработают без помех. Упустим внимание пейзажа – пиши пропало...

М-да, тут главное не перегнуть палку, а то АКовцы могут слегка возбудиться и прикинуть, что положить борзых «уполномоченных» безопаснее, чем ждать их возможного шмона. Дать им нас перебить мы, конечно, не дадим, но ведь тут зависит от того, как все повернется... И ведь главное – они нам живыми нужны. Особенно командир. Ганбовский, может, что-то тоже знает, но пока его еще разговорят...

Шах, похоже, думал в том же направлении, потому что, сдвинув пилотку на затылок произнес:

– Через полчаса пленных уже должны довести до места. Интересно, «Вепрь» уже пришел в себя? Хорошо бы если так... Может, даже без госпиталя обойдутся – санинструктор ему укол сделает и – сразу на допрос.

– Это да... – Закурив очередную сигарету, я закинул руки за голову и, щурясь от попадавшего в глаза дыма, завершил мысль: – Было бы здорово. Только сразу мы об этом не узнаем. Мы в это время представление давать будем. Так что действовать надо, как будто этот «дикий хряк» так и валяется без сознания, а когда в себя придет – неизвестно... Да! И в конце концов – что ты напихал в свой взрывпакет, что он такой убийственный эффект дал?

Марат ухмыльнулся и пустился в пространные объяснения, в которых я, как обычно, ничего не понял. Единственное, в чем очередной раз утвердился, так это в том, что мой зам является скрытым маньяком – тротилофилом. Интересно, что он на гражданке делать будет, когда война закончится? Хотя для нашей конторы война не заканчивается с подписанием капитуляции, так что трубить нам всем, как тем котелкам, что из меди выполнены.

А Шах, увлекшись рассказом, уже переключился на свою новую задумку и трындел до тех пор, пока я, глянув на часы, не сказал:

– Ну что, мужики, – время.

Марат тут же замолчал, а пригревшийся на солнышке и закемаривший за рулем Леха встрепенулся и, пробормотав что-то типа «ну вот, на самом интересном месте разбудили», завел машину.

Вывернув на дорогу, мы покатили по грунтовке, резво подпрыгивая на всех ее неровностях. Ехали молча до тех пор, пока, входя в поворот, не влетели в небольшую промоину. Скорость была уже приличная, но «ГАЗон» просто скакнул очередной раз и как ни в чем не бывало покатил дальше, а выдохнувший Гек, благодарно погладив руль, заметил:

– Хорошая библика, молодец! – И повернувшись ко мне, добавил: – На «виллисе» имели бы все шансы кувырнуться!

Шах, сидящий сзади, пробурчал:

– Так ты скорость сбавь, а то точно не довезешь.

Тут уж и я не выдержал:

– Довезет. У «козлика» колесная база шире, и его перевернуть еще постараться надо! Это тебе не «шестьдесятчетверка» и не «виля», которые заваливаются при каждом удобном случае. А эта машина – звэр! И по устойчивости и по проходимости всех переплюнет.

– Точно. Амортизаторы мягкие, расход горючки меньше, бензофильтр лучше. Да и тяга насколько возросла!

– Ну дык, движок-то помощнее будет...

Так, обсуждая достоинства ГАЗ-67 перед забугорными и советскими аналогами, мы и доехали до хутора Мищука, который открылся нам после очередного поворота дороги.

Какой-либо оградой обозначать свои владения здесь было не принято, поэтому машина сразу подкатила к дому, и Леха, глянув на меня, принялся ожесточенно жать в кругляш клаксона. В ответ на мерзкое «бииип-биииип» сначала появились трое маленьких мальчишек, остановившихся шагах в десяти, а потом начали подтягиваться как взрослые, так и остальные дети. В итоге через пару минут мы имели в наличии двенадцать разновозрастных, разнополых и разнокалиберных хуторян, которых возглавил подошедший одним из последних глава всего этого хозяйства – Тарас Мищук. Мы к тому времени уже выбрались из машины, поэтому я, делая вид, что не знаю здесь никого, обратился к толпе:

– Кто тут хозяин?

Мищук – мужичок небольшого роста, но коренастый и крепко сбитый, – снял кепку и, сделав три шага вперед, представился, говоря по-украински, но на своеобразном волинском диалекте:

– Это я, пан офицер. Мищук, Тарас Богданович.

Небрежно козырнув, я назвал себя:

– Лейтенант Могила, оперуполномоченный НКВД в вашем районе. *Новый* уполномоченный. Старого какие-то выродки подранили, так что теперь я буду тут всем заведовать. Вообще, не до тебя сейчас, но если уж все равно мимо проезжали, то решил познакомиться со своим контингентом. Сколько народу проживает на хуторе?

Хозяин огляделся, пошевелил губами и ответил:

– Пятнадцать человек.

Я, демонстративно привстав на цыпочки, пальцем пересчитал стоящих возле нас людей и недовольно заметил:

– Тут только двенадцать. А где еще трое? Или они представителя власти даже видеть не желают?

Мищук замотал головой:

– Да нет, пан офицер. Маричка и Иванка на выпас пошли, вот и не услышали, что машина подъехала. А отец мой заболел.

Удовлетворившись этим объяснением, я кивнул, а потом, разглядев в толпе несколько подростков, продолжил опрос:

– Парни призывного возраста есть?

– Нет, пан офицер.

– А это?

– Так это подростки. Игорь и Степан. Одному пятнадцать, а другому шестнадцать лет.
– Да? А на вид здоровые бугаи. Меньше восемнадцати никому не дашь...
– Что вы, пан офицер. Дети они совсем!
– Дети, говоришь? И документы имеются?
– А как же! – Мищук пожал плечами. – Я, только новая власть пришла, сразу все документы справил.

Повернувшись к Шаху, я чуть качнул головой и, стрельнув в сторону глазами, добродушно прикрикнул:

– Сапармурадов, опять ты на баб пялишься? Отставить! Возьми мою сумку, сейчас пойдем перепись делать.

И обращаясь к хозяину, предложил:

– Ну что, ведем в дом. Проверим, какие у тебя там документы.

Момент был ответственный, но я надеялся на сообразительность зама. В принципе, если бы он протормозил, то я бы и сам нашел причину не ходить в хату, но Марат оказался на высоте:

– Товарища лейтенанта! Зачем хадит туда? Тама болной лежит. Сапсем болной. А вдруг эта тифа? Может, тута, на свежем воздуха справка проверим?

Изобразив задумчивую физиономию, я несколько секунд молчал, а потом кивнул и приказал Мищuku:

– Неси сюда все бумаги. И стул захвати! Да, и это – никому не расходиться! Сейчас будем проверять и записывать поименно. С представлением личности!

Хозяин было повернулся идти выполнять распоряжение, но потом, на секунду застыв, растерянно сказал:

– Так, пан офицер, нет у меня стульев... Только лавки... Да и батко мой в другой хате лежит....

Я несколько задумался, но потом по-барски махнул рукой:

– В той, в этой – какая разница! Санэпидемстанция обработку точно не проводила, а некоторые вирусы обладают повышенной вирулентностью, поэтому тащи документы сюда. Я их в машине проверю.

Охренев от обилия непонятных слов, Мищук вытаращил глаза, но переспрашивать не рискнул и покорно ушел в хату. Глядя в его спину, я только зубы сцепил. Эх, мужик, мужик! Ну чем же ты думал, когда подписался АКовцам помогать? У тебя ведь на шее целая толпа народу сидит... И что они потом делать станут, когда основного работника заметут? Мля! А ведь заметут, однозначно! Как ни крути – пособничество врагу в полный рост прослеживается... И от этого не отвертеться...

Хотя... Я задумался – ведь все зависит от первопричины. Если он «москалей» всеми фибрами ненавидит – это одно. Идеиный враг и детей в ненависти воспитает. Но Ганбовский говорил, что руководитель операции остановился на хуторе, потому что там его родственник живет. У деревенских родственные связи очень сильны, и конечно же отказать ему, даже понимая всю опасность своего деяния, Тарас просто не мог. Если так, то... Хм... Сталин в свое время убийц и предателей целыми народностями помиловал, исходя именно из той причины, чтобы не лишать семью кормильца. Мне до Виссарионыча далеко, но с Мищуком, когда все закончится, я еще поговорю. Может, и получится отмазать. Жалко этого основательного мужика, честно говоря. Вон, в хате даже стульев нет – на лавках сидят, а если кормильца арестуют, то пацаны хозяйство не вытянут. И пойдет семья Мищуков по миру...

Ладно, с ним позже разберемся, а сейчас, взглянув на часы, я удовлетворенно улыбнулся – пятнадцать минут как с куста! И пока записями заниматься буду, еще минут двадцать, а то и больше людей возле себя удержать смогу без всяких подозрений. Пока я все это обдумывал, наконец вернулся хозяин, который принес документы. Причем не стопкой, а завернутые в платки. Осторожно положив их на капот джипа, Мищук, показав пальцем, пояснил:

– Вот здесь на взрослых, а здесь на детей документы.

И вид этих бумаг, завернутых с деревенской основательностью в выцветшие платочки, меня продрал до копчика. Повернувшись к Марату, я скомандовал:

– Сапармурадов, займись!

Шах, удивившись изменению сценария, вопросительно посмотрел на меня, но я только подтверждающе кивнул и, ухватив хозяина за локоть, тихо сказал:

– Отойдем в сторонку. Разговор есть.

Тот настороженно вскинулся, но потом, обмякнув, двинул в ту сторону, куда я его подтолкнул. Отойдя шагов на двадцать от его домашних, я остановился и, вытащив пачку сигарет, предложил:

– Закуришь?

Тарас несколько секунд разглядывал предложенное курево, после чего, усмехнувшись в усы, вытянул сигарету.

– Спасибо, пан офицер.

Прикурив от его «катюши», мы какое-то время молча пускали дым, а потом я, глянув в сторону «ГАЗона», к которому по одному подходил народ, сказал:

– А теперь слушай меня, Тарас Богданович, и слушай внимательно. Только не дергайся, а то я вынужден буду тебя пристрелить. И если начнется стрельба, то могут пострадать твои родственники. А ведь именно из-за них я с тобой сейчас разговариваю.

После этих слов Мищук насутился и спросил:

– А что случилось, пан офицер? За что меня стрелять?

– За идиотизм. Если у тебя хватило мозгов подвергнуть такой опасности свою семью, то кроме как идиотом тебя назвать тяжело. Вижу, ты не понимаешь... Точнее – делаешь вид, что не понимаешь, но я тебя, козла такого, наставлю на путь истинный! Почему о дальнейшей жизни твоих домашних должен заботиться советский офицер из контрразведки? А? А ты, мудака такой, на них положил с прибором! Не дергайся, я предупреждал!

Тарас, который, услышав про семью, сначала выпрямился, после моих слов опять ссутулился и поинтересовался:

– Да что случилось?

– А случилось то, что сейчас этот хутор окружен войсками НКВД. Догадываешься почему? Да потому что здесь находятся польские диверсанты. Во главе с твоим родственничком. Так вот теперь сам прикинь, что станет с тобой и твоими родными после того, как начнется штурм. Не дергайся! – Это я на всякий случай добавил, так как Мищук и не думал трепыхаться. Он только уронил недокуренную сигарету и теперь стоял, опустив голову. Окинув его взглядом, я продолжил: – У тебя, Тарас, еще есть шанс. «Невидимки» уже начали работу, но, похоже, в дальних сараях пока никого не нашли. Вот у тебя и есть время, чтобы указать, где именно сидят поляки. Тогда боя не будет – будет молниеносный захват. И ты не пойдешь в тюрьму. И семья твоя не уйдет в ссылку. Я, как старший офицер НКВД, могу это гарантировать. За сотрудничество с органами и помощь в поимке преступников все грехи аннулируются.

Оп-па! Поймав взгляд Мищука, я осекся. Мля... Что-то не то. Вначале он пересрал, а теперь вздохнул гораздо свободнее. Почему? Почему он не испугался предстоящей зачистки? В чем дело?! Разглядывая этого пейзажника, я напряженно размышлял, что произошло в эти секунды. Так... Я ему сказал, что мы знаем про поляков. Тарас струхнул. Потом рассказал о предстоящей операции по поиску, и он вздохнул облегченно. Так, так, так... Что же его настолько расслабило? Стоп! Это может быть в том случае, если он уверен, что мы их не найдем. Значит – или у него прямо на хуторе есть капитальный схрон, или поляков тут просто нет! Вот поэтому он так заблестел глазками. Ничего, сейчас его додавливать буду! Ехидно ухмыльнувшись, я дополнил свои слова:

– Сегодня утром «невидимки» взяли первую половину этой группы. Слышал про «невидимок»? То-то! Это тебе даже не НКВД, эти шлепнут и как звать не спросят! Так вот, в схроне, что возле болота, вон там, – мотнув подбородком, я указал направление, – бойцы

террор-группы арестовали польских диверсантов. И именно «языки» дали показания про тебя, твоего родственника и рассказали о задаче, которую они должны выполнить. А задача у них шикарная – ни много ни мало, а покушение на товарища Сталина! Так что, Тарас Богданович, сам понимаешь: особой разницы уже нет – здесь они прячутся или где-то в другом месте. Хуторским по-любому – кирдык. А «кирдык» – это значит писец. На тебя есть показания, и этого будет вполне достаточно для ареста всех хуторян. Дело-то какое – покушение на убийство самого *товарища Сталина*! Поэтому ты пойдешь к стенке, а твоих, что старше четырнадцати, – по тюрьмам. Младших – в детдома. Вот и решай. Время еще есть. Минут пять-семь...

Ага! Проняло землепашца! Поняв, что при любом раскладе всю его семью подведут под монастырь, Мищук еще больше скукожился и глухо сказал, перейдя при этом на такой суржик, что мне пришлось поднапрячься для быстрого внутримозгового перевода. Хотя интересовался он вполне очевидными вещами:

– А если я расскажу, где они прячутся, только меня арестуют? Семью не посадят?

Фу-ух... Шумно выдохнув и отбросив сигарету, я поинтересовался:

– Ты что – тупой? Две минуты назад я тебе объяснил, что в случае сотрудничества с властью никого *вообще* не тронут. И дал тебе слово офицера. Заметь – я ведь мог с тобой вообще не разговаривать. Отвлек бы внимание от разведчиков и даже если бы они ничего не нашли, всех людей с хутора один хрен увезли к чекистам. Но ведь заговорил... Ты мне можешь не верить – просто жалко вас всех стало. Я ведь не упырь какой, а тоже человек. У тебя детки мал-мала меньше на шее сидят... Вот зло и взяло, что ты такой дурной...

Тут уже завздыхал Мищук и, криво улыбнувшись, начал говорить:

– Я же не совсем сумасшедший, просто мне деваться некуда было. Томаш ведь, пусть и плохой, но родственник. Да и не знал я, что он делать собирается. Мы ведь с самого начала войны с ним не виделись. Да и раньше не так чтобы особо общались. Как сестра моя, красавица, за него замуж вышла, так и все – как отрезало. Он же поляк, а я украинец... А когда он из унтер-офицера хорунжим стал, так и вообще перестал знаться с сельской гольтьбой. Только в тридцать девятом, когда сестру немец бомбой убил, он у нас появился вместе со своими солдатами, сообщил, что сестра погибла, и опять ушел. Я думал, что поляк совсем сгинул, но четыре дня назад Томаш постучался в дверь. А с ним еще двое. Два дня у нас жили, только Томаш стал к моей старшей дочери – Наталке – цепляться, и я это дело прекратил... Чуть до смертоубийства не дошло... Заремба уже пистолет вытащил, но стрелять не стал и просто ушел...

– Мля! А куда он ушел?!

– Он не говорил, но я знаю. Тут, недалеко, километрах в трех есть еще один схрон. Когда польские солдаты его копали, Томаш Заремба у них старшим был. Пока рядовые рыли, он по окрестностям гулял. Так с моей сестренкой и познакомился. Она ведь у нас, царствие ей небесное, как панночка была. И образованная, и языки знала. А уж красавица... – Тут, увидев мои глаза, Мищук быстро закруглился: – Когда я его с хаты выставил, то Томаш к тому схрону и ушел.

– Точно?

– Не знаю, но больше идти ему было некуда...

– Мля!! Быстро за мной!

Подталкивая Тараса в спину, я погнал его к машине, издав вопль:

– Гек, связь давай!

Неторопливо ведущаяся перепись населения резко скомкалась, когда Шах повернулся к орущему командиру, а Леха, запрыгнув на заднее сиденье, сдернул брезент с рации. В ожидании пока прогреются лампы, я, приплясывая возле джипа, коротко рассказал мужикам, куда все повернулось. А потом, вспомнив самое главное, повернувшись к Тарасу, спросил:

– Где тот схрон? Ну, какие ориентиры там есть? Хоть в какой стороне?

Мищук, вытянув руку, показал:

– Здесь, недалеко. У речки, где плес.

В этот момент Пучков сунул мне трубку, и я завопил:

– «Каштан», «Каштан», здесь «Береза», прием!

Взывать пришлось недолго и, когда «Каштан», он же лейтенант Болотников появился в эфире, я начал давать новую вводную:

– Хутор пуст. Объект находится в квадрате девятнадцать-двадцать четыре. Точнее скажу, когда мы туда подъедем. Поэтому два отделения твоих бойцов – на хутор, а остальными силами оцепляете названный квадрат. Как понял?

– Понял, понял. Оцепить квадрат девятнадцать-двадцать четыре, а к вам прислать два отделения.

После этих переговоров я встретил ребят Кима и Шмеля, которых шустрый Марат уже высвистел от дальних амбаров, и приказал:

– Ким, ты и твои люди – со мной. Шмель, держи хутор. Сейчас подойдут бойцы, прочеешь тут все. Грузимся!

Поймав суетящегося Мищука, хлопнул его по плечу:

– Ну а ты что? Давай, садись! Кто нам эту нычку показывать будет? А за своих не беспокойся. Солдаты на всякий случай осмотрят дома и будут ждать нас. Если ты не обманул, то через час будешь дома, а мы все уйдем!

Тарас, который успокаивал домашних, несколько обалдевших от такого количества появившихся из ниоткуда солдат, покорно полез в джип, и Леха, дождавшись, пока все, цепляясь друг за друга, кое-как разместятся, нажал на газ.

Машина медленно начала набирать скорость, а я, в ажитации подпрыгивая на сидушке, подгонял:

– Гек, давай, давай! Что ты как вареный?

Леха наддал, в результате чего на первой же кочке из машины выпали двое «кимовцев» и Жан, который пришел с «невидимками». Твою дивизию! Растерянно поглядев на поднимающихся мужиков, я принял решение:

– Так дело не пойдет. Мы сейчас точно кого-нибудь покалечим. Поэтому – ты и ты, – ткнув пальцем в «кимовца» и Змея, продолжающего сидеть в машине, скомандовал, – на фиг из «ГАЗона» и бегом за нами. Женька, ведешь ребят туда, где ты чуть с упавшего дерева не навернулся. Мы будем в том районе, так что не потеряетесь! Выполнять!

Указанные люди прыгнули и поскакали своим ходом, а джип опять рванул вперед. На этот раз в нем было шесть человек, поэтому разместились чуть ли не с комфортом. Проехав пару километров по дороге, мы свернули в лес, и когда стало понятно, что пешедралом будет быстрее, чем на колесах, все спешили и принялись работать ногами. На пятой минуте работы выяснилось, что Мищук не умеет бегать. Не то что бы вообще, но не умеет. Глядя, как он хватается ртом воздух, я сплюнул и скомандовал:

– Шагом!

Через какое-то время, когда Тарас отдышался и общая краснота морды уступила место нормальному окрасу, Марат поинтересовался:

– Далеко еще?

– Почти пришли. Яма была вон за той полянкой, где спуск к речке начинается.

И когда мы проскочили через небольшую проплешину, густо заросшую травой, Мищук наконец остановился и, оглядевшись, уверенно ткнул в сторону главного ориентира, о котором я раз десять у него уже спрашивал, – большого кряжистого дуба:

– Вот, метрах в двадцати от него они и копали. Но где вход, точно не скажу. Я только яму видел, когда к Зарембе приходил. А тот потом говорил, что тут все будет заминировано, поэтому от греха подальше я сюда и не лез.

– Разберемся. Ты, Тарас Богданович, пока в сторонке постой вот с этим пареньком, а мы тут все осмотрим. – И обращаясь к ребятам, добавил: – Ну что, мужики? Все слышали? Могут быть мины, так что осторожнее. А сейчас: носом в землю и – вперед!

Про мины мищуковский родственник насвистел. Их не было. Зато был схрон и вход в него. Один люк нашли минут через десять. Второй почти сразу после первого. Нашли и стали думать, как извлекать прячущихся там людей. Ну при условии, что там кто-то вообще прячется. Плана бункера конечно же никто, включая Мищука, не знал, а дуриком лезть под землю не хотелось. Глядя, как Шарафутдинов извлекает из ранца разведчика свои убойные взрывпакеты, я сморщился и, вытянув руки ладонями вперед, язвительно попросил:

– Шах, я тебя умоляю! Может, без твоих штучек в этот раз обойдемся? Ты знаешь, если туда запустить пару противотанковых гранат, шансов взять живых «языков» будет гораздо больше. А твои бомбочки могут вызвать непредсказуемый эффект! Вон, Ганбовского так накрыло, до сих пор не отпускает... И главное – непонятно, с чего?

Марат, раскладывая толстенные картонные цилиндры перед собой, сосредоточенно сопел и сначала на мои причитания не обращал внимания. Потом, отложив четыре штуки, помеченные синим карандашом, в сторону, миролюбиво заметил:

– Не бзди, командир. Все учтено. Вот в этих заряд слабее. Так что – нормально будет.

Я в сомнении покачал головой, но деваться было некуда:

– Надеюсь, что нормально. Значит, так – работаем с двух сторон. Ким, ты со своим бойцом вскрываешь вон тот люк. Этот – наш. Потом мы с Шахом сразу идем вниз.

– Только вы?

– Да. Вы кидаете в люк гранаты и остаетесь наверху, а то, если навстречу друг другу идти начнем, своих покрошить можем.

Тут вылез Гек:

– Командиру не положено в бой ввязываться. Он должен операцией руководить, а не по норам шастать.

В ответ я хмыкнул:

– Поучи свою жену щи варить. По местам!

Народ разбежался и, привязав к кольцам люков веревки, застыл в ожидании. Мы с Маратом отошли в сторонку и, скинув разгрузки и автоматы, чтобы не мешались, вернулись на исходные. После чего я дал отмашку. Оба люка распахнулись одновременно. Тот, что откупоривал Ким, просто открылся, а гековский бабахнул гранатным взрывом. От этого у меня аж сердце дало кратковременный сбой. Ведь если стоят сигналки, значит, кто-то их ставил и, возможно, бункер не пустой! И это радует до невозможности! Эхо взрыва еще металось среди верхушек деревьев, как подбежавшие парни шустро закинули в оба входа по маратовскому подарку. Через пару секунд прозвучала глухая очередь хлопков, и мы с Шахом тут же нырнули в черноту хода.

Первым прыгнул зам, а я за ним. Лететь было невысоко – чуть меньше трех метров, поэтому мягко приземлившись на загудевший досками пол, сжимая в одной руке пистолет, а в другой фонарик, я ломанулся за успевшим уйти вперед Шарафутдиновым. Скользнув фонарем по стенам, отметил, что мы слегка промахнулись – ход был запасной, хотя исходя из слегка примятой вокруг травы, я держал его за основной. Ну да ничего! Сейчас свернем за поворот и окажемся в бункере! Впереди послышался какой-то лязг, прозвучала короткая автоматная очередь, два пистолетных хлопка, кто-то со стоном крикнул: «Кур-рва!», и я наконец вылетел к месту действия, сразу включившись в дело. Саданув рукояткой браунинга по башке какому-то мужику, стоящему в проходе, ударом ладони отбил ствол автомата, который поднимал второй. После чего, добавив несостоявшемуся стрелку по яйцам, отобрал СТЭН, забросив его в угол, и прыгнул дальше.

Но дальше был только Марат. Не понял... все, что ли? Осветив помещение, осознал, что действительно – все. На ногах были только мы с напарником. Остальные шестеро противников в разных позах сидели и лежали на полу. Двое, видимо в поисках оружия, тупо шарили перед собой руками, пока их точными пинками не приголубил Шах. Еще один тихо скулил в углу, хватаясь то за простреленное плечо, то за раненую ногу. Очевидно, определиться не мог, где больнее. Еще один, напротив, блажил во весь голос, держась за голову. «Мои» лежали тихо и воплями слух не оскверняли. Выключив наконец фонарь (света

аккумуляторной лампы, упавшей на пол, но не разбившейся, вполне хватало), я спросил:

– Ты живой?

– Норма, командир. Оглох только на левое ухо. Вон тот мудака прямо над головой очередь дал.

– Тогда вяжи их, пока не очухались, а я проконтролирую!

Шах, доставая веревку из кармана и свой НР из ножен, ухмыльнулся:

– Так быстро они не очухаются. Вон тот подраненный и тот, которого ты срубил, по-видимому, удачно стояли во время взрыва хлопушки, поэтому хоть что-то видели, когда за оружие хватались. А остальные – как кроты сейчас. Да и звуковой волной их всех приложило неплохо...

– Точно. Но и нам повезло, что это схроны, а не бункеры с противогранатными поворотами и большой площадью.

Шах кивнул и, закончив скручивать руки очередному «языку», доложил:

– Все. Веревка закончилась.

– Держи мою.

Кинув напарнику кусок стропы, я свистнул:

– Фьюить! Эй, наверху! Давай сюда двоих! – И пробурчал под нос: – Не командирам же эти туши таскать...

Стоящие сверху и давно ждущие эту команду бойцы через несколько секунд оказались рядом и сноровисто принялись оттащить упакованных «языков» к выходу. Увидев среди спустившихся кимовского парня, которого мы оставили на дороге, я спросил:

– О! Вы уже здесь? Быстро бегаєте!

– А, – тот отмахнулся, – добежали-то мы быстро. До плеса. А куда точно идти, поняли лишь когда первый взрыв услышали.

– Ладно, тогда дальше разбирайтесь здесь сами. Пленных и оружие наверх. Барахло – тоже. А мы потопали... Пошли, Марат!

Выбравшись из этой норы, я с удовольствием закурил и молча принялся рассматривать, как «невидимки» шустро растаскивают извлеченных из-под земли поляков подальше друг от друга и тут же приступают к «потрошению». В принципе пленные ломались недолго. Уже через три минуты мы знали, кто именно их командир, а еще через пять – Томаш Заремба начал давать показания – что, где и как. Правда, главдиверсант свои слова периодически перемежал стонами и воплями насчет того, что «я ослеп», но после подбадривающих тычков продолжал исправно выдавать информацию.

Слушая его, я мысленно гладил себя по голове и делал страшные глаза Шарафу. Ай да мы! Ай да молодцы! Вычислили все четко и правильно! Ведь поляки собирались обстреливать аэродром именно из Nb.W 41! Мы только в количестве ошиблись – эти ухари планировали использовать две установки Nebelwerfer. Ну чтобы наверняка. И установили его не на поляне, а прямо в речке. В пяти километрах от аэродрома, оказывается, есть небольшая отмель и вымытый грот на крутом берегу. Вот в этом гроте и спрятаны сейчас реактивные установки. А для стрельбы их планировали выкатить на отмель и, шарахнув прямо с воды (благо директриса получалась почти вдоль русла и берега не мешали), быстро свалить.

Разузнав все это, я вызвал Болотникова вместе с его гвардией и, передав им схрон для подрыва, затребовал машины, оставленные нами в лесочке. То есть не все машины, а один грузовик. До той излучины отсюда километров десять, а я уже настолько умотался за эти дни, что бегом их преодолевать просто ломы. Да и пленных – не на себе же нести? Кстати, этих пленных до сих пор продолжали колотить на предмет еще каких-нибудь неучтенных диверсионных групп. Те орали, плакали, но были единодушны в своих показаниях – было две группы. Одна – наблюдателей, а вторая – непосредственно стрелков. Больше здесь никого нет.

Порадовавшись этому факту, я уже хотел было выдвигаться встречать машину, но тут вспомнил про потерянно стоящего под охраной Мищука. Хлопнув себя по лбу, подошел к нему и, отпустив бойца, сказал:

– Вот и все, Тарас Богданович. Позвольте вас поблагодарить за помощь.

Хуторянин только вздохнул, когда я пожал его руку, но это было еще не все:

– Вы учтите, что вас будут вызывать на допрос. Я, разумеется, передам все необходимое вашему уполномоченному НКВД, только расследование могут вести другие люди. И для них я сейчас напишу записку. В ней изложу, что вы сразу согласились сотрудничать с органами и что я вас завербовал. Поэтому арестовать вас, не ставя в известность меня, у них не получится. А арестовать я не дам... И еще... – С сомнением поглядев на мужика, на всякий случай поинтересовался: – Надеюсь, у тебя больше нет неучтенных родственников? А то вляпаешься очередной раз, я помочь уже не смогу...

Мищук замотал головой, я же, сев на поваленное дерево, стал писать спасительную для него бумагу. Печати, конечно, не было, но один черт следователи на цидулю с *такой* подписью плюнуть не рискнут и все равно, в случае ареста Тараса, поставят полковника НКВД Лисова в известность. Обязаны поставить. А там и посмотрим, у кого глотка громче и рука волосатей. Но, будем надеяться, до таких крайностей дело не дойдет.

Дописав, я вырвал листок и отдал его стоящему напротив человеку. И тут Мищук удивил меня еще раз. Взяв бумагу, он снял свою кепку и низко поклонился. Мля... Вот тебе и хуторской валенок. Нет, я всегда говорил, что они только с виду тормознутые, а на самом деле еще нам фору дадут в смысле соображалки. Вот и сейчас Тарас отлично понял, *что* за бумагу я ему дал. Выпрямившись, Мищук посмотрел на меня странно заблестевшими глазами и твердо сказал:

– Спасибо вам, товарищ командир. Я этого век не забуду!

Смущенно хмыкнув, я ответил:

– Ты не меня не забудь, ты о семье своей помни. И еще... – Хуторянин уставился на меня, ожидая продолжения. – Ваш уполномоченный – Смирнов, нормальный мужик. Я с ним говорил, поэтому знаю. Ты уж ему помоги, по возможности. А то стрельнут в него из кустов, а на его место урода какого-нибудь пришлют. Сам ведь знаешь, как это бывает – жизнь на местах зависит не от людей в Кремле, а от того, кто рядом эту власть представляет...

Мищук еще раз кивнул, причем с таким выражением, что я понял – за Смирнова он теперь горой стоять будет. Хуторянин ведь всю благодарность, что хотел бы вывалить на меня, отдаст уполномоченному. Отдаст, только потому что это мой знакомый «москаль». А благодарными селяне быть умеют. И добро помнят, впрочем, так же, как и зло...

Ладно, теперь за дело! Ободряюще хлопнув по плечу Мищука, я повернулся и, глядя на собравшихся «невидимок», которые уже построили «языков» в короткую колонну, скомандовал:

– Шагом марш, к дороге!

Выйдя к обочине, мы еще минут двадцать ждали грузовик, а потом, после недолгой езды, оставив на хуторе хозяина и забрав оттуда группу Шмеля, покатали осматривать замаскированные реактивные минометы.

Глава 15

М-да... тут есть на что посмотреть! Прозревший и от этого наконец-то переставший канючить Заремба вывел нас к полого спускающемуся берегу и, показав на обрывчик метрах в двухстах отсюда, по-польски пояснил:

– Вон там грот. Вон, где кусты.

– Хм... а как вы минометы туда тащили?

– Здесь неглубоко. Если вдоль берега идти – чуть выше колена. И следов не остается.

Попробовали – действительно неглубоко. Поэтому, сняв сапоги, двинули вдоль постепенно повышающегося берега. Когда дошли до грота, я огляделся – м-да, хорошее местечко. Сверху не слезешь, а то, что кто-то может пройти и что-то пронести вдоль берега, в голову никому не придет. Да и грот этот невиден совершенно – торчащий кустарник его полностью скрывает. И отмель как по заказу! Пока мужики выкатывали установки

Nebelwerfer из убежища, я стоял на этой отмели и, шевеля пальцами, наблюдал, как мальки, шустрыми стайками плавающие в теплой воде, пытаются попробовать мои ноги на вкус. Хе! Не советовал бы! Сдохните во младенчестве! Ведь третьи сутки сапоги не снимал...

Тут меня нагло отвлекли от созерцания природы:

– Илья, иди сюда! Тут хрень какая-то странная!

Недовольно посмотрев в сторону вопящего Гека, я вышел из воды и, подойдя к нему, спросил:

– Ну и чего ты эту мину крутишь? Раньше не видел, что ли?

Лешка, который действительно достал из упаковочного тубуса реактивный боеприпас к миномету и теперь, уткнув одним концом в песок, разглядывал его, отрицательно помотал головой:

– *Таких* не видел. Вон в тех упаковках, которые Марат с ребятами смотрит, обычные мины, а в этих... Сам смотри – маркировки странные и, кажется, внутри что-то булькнуло.

– Ага! «Унутри ее неонка!» Что там может булькать? Или ты надеешься, что туда ситро специально для тебя залили?

Но приглядевшись к мине, я задумался. Внешне – совершенно обычная, только вот на корпусе – зелено-желто-красное кольцо идет и цифры «2» и «39». А сбоку, ближе к головной части, какой-то довольно толстый шуруп заподлицо. Слегка потряс эту чушку, но ничего подозрительного не услышал. Хм, похоже, у Гека глюки на почве переутомления.

Я опять пожал плечами, разглядывая разноцветные кольца, которые мне смутно что-то напоминали. Где-то я это уже видел... Ну не прямо это, но что-то похожее. Так, так... На зрительную память я не жалуюсь, поэтому, прикрыв глаза, попробовал поймать ускользящее воспоминание. Сначала не получилось, а когда дошло, что это может быть, я чуть не уронил мину. *Мля !!* Это же зарин, зоман, табун и прочие радости кожно-венерического действия! В смысле: кожно-нарывного! Или удушающего! Или нервнопаралитического! *Епрст !* Перед глазами встал плакат со снарядами, начиненными химическими ОВ. Там тоже вот эти кольца шли. Только цвет другой и маркировка отличалась. Но насколько у Лехи интуиция работает!! Увидел мину, увидел маркировку, но что это может быть, сразу до него не дошло. Зато подсознание принялось вопить во весь голос. Оно у нас помнит все. И например, в частности, что в таких снарядах жидкость льется не доверху, а оставляется маленький пузырек воздуха для возможных температурных перепадов. Вот поэтому сработала ассоциативная цепочка и ему послышался «бульк», которого, разумеется, не было – слишком уж мал тот пузырек воздуха, чтобы содержимое снаряда могло плескаться.

Еще раз качнув металлическую чушку и конечно же ничего не услышав, я удовлетворенно кивнул, а мысли приняли новое направление: ну пшки, ну прендегасты!!! Это же надо такое отмочить! Конечно, в этом случае особой меткости им точно не потребуется! Накроют всю площадь газами и привет! У кого там из встречающих противогаз будет? Вот и я про то же!

Осторожно опустив мину на песок, я, повышая голос, рявкнул стоящему рядом Геку:

– Леха, это просто писец. А ну-ка быстро мне этого сраного Зарембу сюда!!!

Пучков подорвался выполнять приказание и своей шустростью привлек внимание пацанов, которые крутились вокруг установок. Подошедший Шах радостным голосом поинтересовался:

– Ты чего орешь?

– А ты когда-нибудь химические снаряды с боевыми отравляющими веществами видел?

Ответив по-еврейски, вопросом на вопрос, я с интересом наблюдал, как меняется маратовская физиономия.

– Если не видел, то можешь посмотреть. Вот один.

– Мля... А мы вскрыли тубус – там нормальная мина лежала.

– Значит, повезло. Поэтому сейчас же вскрывайте все укупорки и смотрите, что в них.

Шах молча побежал выполнять приказ, и в этот момент Леха поставил передо мной Зарембу, которому я без долгих разговоров сразу засветил в бубен, а потом, подняв его с песка, начал трясти как грушу, приговаривая:

– Ты что же, мудила такой, творишь! Почему не сказал, что у вас тут химические боеприпасы! Сколько их тут всего?!

Брызгающий из разбитого носа Томаш, захлебываясь словами и юшкой, выпалил:

– Шесть, всего шесть! Больше не было! Больше просто не нашли!

– Как планировалось нанести удар?!

– Одновременный залп из двух минометов. Один снаряжен обычными фугасными минами, а второй – этими. Потом – перезарядка и еще один залп, только фугасными. После чего – отход!

– Сука, а ты что, не знал, что химическое оружие запрещено, на хер?! Его же никто не использовал, как бы туго не было! Ни мы, ни немцы!

И тут Заремба преобразился. До этого он казался сломленным, но сейчас глаза загорелись и изо рта забрызгала пена:

– А мне насрать на ваши правила! Я воюю за Речь Посполиту и сделаю все, чтобы она была свободной и великой! Да вас, краснюков, цивилизованные страны все равно раздавят, как тараканов! Это просто случайность, что вы сейчас союзники! И случайность, что вы нас поймали! Матка Боска, ведь если бы все удалось, то вам настала бы крышка! Вашего усатого убийцу мы бы уничтожили газовыми снарядами, а здесь остались бы следы немецких сапог и еще кое-какие мелочи. После этого ваша варварская страна применила бы химическое оружие по Германии. И все!!! Вас бы сразу исключили из списка стран, с которыми можно иметь дело. И совместными усилиями вышибли бы вас из Европы! В Сибирь, в Сибирь, где вам и место! Чтобы жрали свою тухлятину, дохли от холода и к цивилизованным людям даже и не совались! Ненавижу! Курвы москальские! Всех бы передушил! Своими руками! Всех...

– Да – на!

Влепив впавшему в истерику Зарембе по челюсти, я заткнул его брызги и отправил Томаша в недалекий полет, который автоматически превратился в заплыв. Плюхнувшись в речку, великополяк, раскинув руки, начал было дрейфовать по течению, но подоспевший Гек выдернул его из воды и, ухватив за шиворот, выволок на берег. А я, потирая костяшки пальцев, думал о том, что несколько погорячился с ударом. Ведь в запале этот хмырь вполне мог бы сказать, кому пришла в голову столь нестандартная идея. М да, задумка-то любому – грандиозная. И ведь имевшая все шансы на успех. Огромные шансы. Вот, блин, мы-то наивно думали, что это просто Верховного завалить хотят. А тут очень даже «не просто».

Ведь если все прикинуть, то могло получиться и так, как сказал поляк. После убийства вождя вполне могла начаться неразбериха в верхах. И конечно же желание отомстить подлым нарушителям конвенции и вероломным убийцам. Химических снарядов, которые можно обрушить на Германию, у СССР – выше крыши. И это могли сделать хотя бы для того, чтобы успокоить всенародный гнев. Типа – как вы нам, так и мы вам. Ну или око за око. И вот тут в полный рост проявляются союзнички. Что Англия, что Америка поднимут вой до небес. Да весь мир начнет выть. Ведь немцы, что они ни вытворяй, они – «свои». А русские – это «варвары», которых обязан ставить на место каждый уважающий себя житель цивилизованной страны. Да уж... общественное мнение сразу развернется жопой к Союзу, и тут начнется большая игра, которая неизвестно, чем может закончиться. В лучшем случае нас лишат заслуженных плодов Победы и постараются загнать обратно в свои границы, чтобы сидели и не высывались. В принципе, сейчас это вообще голубая мечта того же Черчилля, которую он не особо скрывает.

М-да... Только те, кто задумывал эту операцию, не учли одного. Я даже готов предположить, что Сталина можно убить, и неизвестно, кто встанет на его место. Но этот «неизвестно кто» наверняка будет из новой команды, которая уже вошла во власть.

И глупости они делать точно не будут. На хера нам заливать фрицев химией, когда мы их и так почти задавили? И СССР загнать в свои границы тоже не получится. Ой, не получится!

Я улыбнулся и удовлетворенно сплюнул. У нас ядрена бомба на подходе, а это уже совсем другой разговор. Союзнички об этом даже и не догадываются. Зато когда «догадаются», то-то сюрпризец получится! Моментом все хавальники закроются... Хотя это, конечно, крайний вариант. Сейчас весь мир нас в попу целует (я имею в виду простых людей), и надо, чтобы это так и продолжалось. Ведь не зря же неожиданно вспыхнула мода на все советское. Мы сейчас в фаворе, и никакая пропаганда этого изменить не может. Поэтому повсюду поют русские песни, покупают советские книги, смотрят наши фильмы, пытаются добыть хоть какой-то элемент советской военной формы...

Кстати о форме, несколько непонятно... Я, когда еще свободно ходил по аэродрому, сам видел, как один американский летчик хвастался своим приобретением окружившим его коллегам. Это была жилетка со множеством карманов, вроде той, что продавали в мое время на всех базарах. Да, она чем-то похожа на спецразгрузку, что таскают «невидимки», но разумеется другая. Только амер утверждал, что это самая настоящая вещь легендарных советских террор-групп, и все ему жутко завидовали. Еще они охотились за штанами. Не за солдатским галифе, конечно, а опять-таки – за нашими. Понятно, они удобны, у них куча карманов в самых разных местах, но поднимать такой ажиотаж из-за армейской детали туалета...

Странно, но их беготня мне чем-то напомнила погоню за фирменными джинсами в советское время. Особенно обалдел, когда понял, что точно такие же штаны, но пошитые в Америке, котироваться не будут. Оказывается, главное, чтобы на них изнутри был черный заводской штамп с русскими буквами и надписью: «Сделано в СССР». Я тогда хотел поинтересоваться этим феноменом у Гусева, но не успел, а потом как-то забылось. Зато сейчас вспомнил и очередной раз утвердился в мысли, что это «жу-жу» неспроста. Вот не верю я, что просто так, на пустом месте, возникает такая тяга ко всему советскому. Похоже, в УСИ завели еще один отдел, который всю создает новый имидж СССР. Даже не «похоже», а наверняка! И работает этот отдел, судя по всему, очень успешно...

Бр-р, что-то я сильно задумался, а дело стоит. Мужики вон уже все укупорки распотрошили, а Марат делает приглашающие знаки. Подойдя к ним, я услышал:

– Двадцать четыре мины. Восемнадцать осколочно-фугасных и шесть с какой-то химической отравой. С какой – даже Заремба сказать не может, потому что ты его так отоварил, что неизвестно, когда он в себя придет.

– Да какая нам разница? Пусть с этим спецы разбираются. А сейчас, Жан, давай связь!

И когда Искалиев протянул мне трубку рации, я доложил:

– Операция закончена. Диверсанты нейтрализованы. Имею на руках еще шесть «языков» и две установки Nebelwerfer. К ним мин на два залпа, шесть из которых снаряжены боевым ОВ. Оставляю группу Шмеля охранять мины и установки, а сам выдвигаюсь к вам.

Гусев на том конце помолчал, а потом уточнил:

– Точно всех взяли? И точно, что мины с химией?

– Взяли всех. На минах маркировка – зелено-желто-красное кольцо и цифры «2» и «39».

– Понял. Сейчас свяжусь с химиками. Они будут на месте через час.

– Принято.

Отдав трубку радисту, я собрал людей и объявил:

– Быстро сматываемся. Через час здесь будут химики, а что им придет в голову, один Аллах знает. Но наверняка захотят потренироваться и провести нашу профилактическую дегазацию. А я не хочу дегазироваться! У меня от этого потом все чешется. Поэтому, Шмель, – я прижал руки к груди, – извини, что так получилось, и попытайся от них отбрыкаться, а мы – поехали!

Народ, услышав мои слова насчет гипотетической химобработки, зашевелился очень быстро и ломанулся к машине. Сволочной Заремба так и не пришел в себя, поэтому его

пришлось тащить волоком. А потом, закинув мокрую тушку «Медведя» в кузов и оставив удрученных шмелевцев дожидаться приезда химиков, мы поехали к себе на базу. По пути, высадив кимовских «невидимок» возле их палаток, порулили дальше, к своему расположению.

Там нас встречало непосредственное начальство в лице вырядившегося как на парад Гусева. Поочередно пожав всем руки, он дождался, когда мы передадим пленных стоящему тут же капитану НКВД, и неожиданно приказал:

– Стройся!

Нет, ну не мудака? Мы грязные, уставшие как собаки, а он нас строить решил. Видимо, у меня все было написано на лице, так как Серега только понятливо шевельнул бровью, но от своего не отступил, а стоя в двух шагах от нас, произнес:

– Товарищи! Поздравляю вас с успешным выполнением задания командования!

– Служим Советскому Союзу!

– А теперь, когда официальная часть закончена, слушайте то, что вы пропустили, гоняясь за диверсантами. – Гусев хитро оглядел всех и продолжил: – Третьего августа тысяча девятьсот сорок четвертого года, то есть сегодня утром, советские войска форсировали Одер! Одновременно с этим, Первый Украинский и Второй Украинский фронта из Австрии и Чехословакии нанесли удар по расходящимся направлениям, на Мюнхен и Ганновер. Это значит, операция «Суворов» началась!

Мы переглянулись, а потом завопили оглушительное:

– Ура!!!

Вот уж действительно – новость так новость! От Одера до Берлина километров семьдесят и самое главное, что ни Берлинский укрепрайон, ни укрепления на Зееловских высотах немцы толком достроить не успели. Да что там говорить – на этих самых высотах, где в прошлой жизни Жуков имел довольно большие потери, только-только строительство началось! А план окружения Берлина, да и всей берлинской операции, которая являлась составной частью «Суворова», разрабатывали в Ставке. И чтобы Георгий Константинович от него не отклонялся, в штабе фронта постоянно будет находиться Меркулов. Но Жуков особо рвать вперед точно не будет. Смысла нет. Ведь главный приз – Берлин – ему брать не надо. Основная задача – блокирование немецкой столицы. Ею, как наиболее крупным опорным узлом, займутся позже.

Кстати, на этой почве возникли сильные волнения внутри советского генералитета. И вовсе не в военном плане. Еще бы – ведь место «маршала победы» очень даже вакантно, и за это звание активно борются несколько человек. Поэтому, говорят, наверху сейчас такие интриги плетут – мама не горюй! Так что тут есть нюанс – в такой конкуренции совершишь «косяк» и все – выбыл из борьбы начисто. А основным «косяком» на последнем этапе войны считаются: несоблюдение установленных сроков наступления и большие потери среди личного состава. Вот наши маршалы головы себе и ломают, как и рыбку съесть, в смысле поставленную задачу выполнить, и хрен не прищемить, то есть не выйти на первое место по потерям.

Ну да ничего – головы у них теперь соображают очень хорошо и, когда нет гонки, даже Жуков, которого в мое время почему-то называли «мясником», ведет себя очень даже адекватно.

М-да... «мясником»... И я ведь был среди тех идиотов, кто его так называл. Повелся на «разоблачения» демократов: мол, он минные поля своей пехотой разминировал. А нет бы мне еще тогда додуматься, что в случае попадания на неразведанное минное поле подразделение, чтобы выжить, может только пойти вперед. Без вариантов. Это для него единственный шанс уцелеть. Если останутся, фрицы их покروشат в капусту. Откатиться назад – это тоже большие потери, плюс невыполнение задачи и подстава для соседей слева и справа.

Про это даже в БУПе написано, только вот демократы в своем рвении обговнять все вокруг «забыли» эти строчки устава и выставили Георгия Константиновича просто монстром

каким-то. Хотя, я так думаю, был бы «маршалом победы» тот же Черняховский, они с неменьшим рвением гадили бы на него. Для них ведь главное: не какая-то конкретная личность, а то, что эта личность связана с могуществом ненавистного СССР и поэтому ее надо непременно вывалить в грязь...

М-да, так что Жуков со своей задачей по блокированию, я так думаю, справится в срок и с минимальными потерями. А вот отвоевывать западные территории Третьего рейха и брать их под контроль будут Украинские фронты, что пошли в наступление с юга. На севере же, 3-й Белорусский с 1-м Прибалтийским ударят на Гамбург, с последующим выходом к Вильгельмсхафену и к границе Нидерландов. Блин! Такими темпами война точно закончится к началу сентября!

Но как выяснилось, Гусев сказал еще не все новости. Пока мы орали и хлопали друг друга по плечам, он улыбался, а потом, взмахом руки прекратив веселье, продолжил:

– Товарищи, дослушайте до конца. В сегодняшней сводке было еще кое-что о действиях союзников...

Я хмыкнул:

– Только не говори, что они Второй фронт решили открыть. Не поверю.

А про себя подумал, что англосаксы, конечно, попу на свастику порвут, чтобы заполучить свой кусок европейского пирога, вот только с резервами у них туговато. Ведь, считай, двух месяцев не прошло, как амеры на Тихом океане ситуацию в свою пользу смогли переломить. Они там сейчас, конечно, короли, только не настолько, чтобы массово войска в Европу перекидывать. А островитяне, в одиночку, без своих друзей-соперников играть не станут.

Командир на мои слова только ухмыльнулся:

– Самым умным себя считаешь? А зря – на этот раз пальцем в небо попал. Три дня назад союзники усилили свою группировку в Италии почти десятью дивизиями, и количество пополнения продолжает расти. После чего они наконец прекратили вялотекущую операцию и перешли к активным боевым действиям. В сегодняшней же сводке сказано, что войска союзников взяли Флоренцию и сейчас находятся на подходах к Турину.

– Офуеть! Как же их сильно припекло!

Это я озвучил. Рассудительный Марат, хмыкнув, заметил:

– Опоздать бояться...

Гусев пожал плечами:

– Чего им бояться? Вы же не думаете, что границы как советского, так и союзнического присутствия станут определяться тем, где будут находиться их войска на момент подписания капитуляции? Так и до новой войны недалеко... Поэтому я считаю, что в начале этого года в Ялте, когда была встреча глав государств, этот вопрос был решен любовно. И, исходя из направления главного удара – на Турин, союзнические войска будут освобождать Францию. Наверняка в Ялте их участие в боевых действиях на этом европейском ТВД было одним из условий договора. Поэтому союзники и наскребли силы для операции, а то бы так и сидели под Болоньей.

Гек, слушая эти высказывания, удивился:

– А зачем они войска в Италию тащили? Не проще было создать группировку в Англии, а потом десантироваться через пролив, где-нибудь в Нормандии?

Серега качнул головой:

– Не проще. В Нормандии у немцев сильный укрепрайон, а у союзников резервов маловато, чтобы его взломать. Фрицев во Франции, конечно, тоже – кот наплакал, но укрепрайон – это серьезно... Только основная опасность десанта в Нормандию состоит в том, что сейчас уже начался сезон штормов. Месяцем раньше – все было бы нормально, а сейчас: синоптики как обычно ошибутся, и при попадании в шторм раскидает десантные баржи от Бреста до Кале. А еще вернее – утопит. Поэтому, я так думаю, все взвесив, они просто решили усилить итальянскую группировку.

Тут неожиданно подал голос скромный Жан:

– Товарищ командир, а в сводках про Третий Украинский ничего не было? – И смущенно пояснил свой интерес к этому вопросу: – У меня там брат воюет, и в последней сводке говорилось, что они в Греции, под Волосом добивают остатки группы армий «Е».

Гусев, пожевав губами, ответил:

– До сих пор добивают. Фрицы там крепко окопались... – И меняя тему, добавил: – Ладно, хватит политинформации – дело не ждет! Поэтому сейчас – мыться и отдыхать. Рапорты завтра сдавать будете. А ты, – ткнув в меня пальцем, командир приказал: – Поедешь со мной.

– Зачем?

– Писать, дорогой, писать! Подчиненные пусть отдыхают, а мне твой доклад нужен срочно.

Во мля... Нет в жизни счастья... И приспичило же ему! Хотя это я просто про себя бурчу, так как обычная в общем-то процедура, сейчас мне кажется особенно отвратной. Устал сильно... Но куда не денешься – командиру тоже надо наверх доложить, и он должен обладать всей необходимой информацией. Поэтому, тяжело вздохнув, я поплелся за Гусевым к машине.

Генерал-майор, уже сидя в машине, окинул меня взглядом и ехидно спросил, указывая на автомат и разгрузку:

– Что, так и поедешь?

– Так ведь тебе срочно приспичило! Прямо сию секунду! Да и операция закончена, от кого теперь скрываться?

Серега на это только неопределенно хмыкнул:

– Операция будет считаться законченной, когда я подам рапорт о ее итогах. Так что: шагом марш приводить себя в порядок! – И уже в спину добавил: – О тебе же забочусь. Летуны детали униформы террор-групп увидят, массово соблазняться начнут. А ты у нас человек нестойкий и к спекуляции дюже склонен. Сменяешь разгрузку на Б-17, потом ведь не отпишемся!

Оставив без ответа слова веселящегося Гусева, я ушел в палатку, скинул с себя амуницию и, взяв фуражку, вернулся к командиру.

А потом, доехав до его апартаментов, еще часа два отвечал на вопросы и занимался писаниной. В конце концов, закончив с отчетом и закулив очередную сигарету, я спросил:

– Слушай, а ты как считаешь, поляки сами до такого хитрого плана додумались или им подсказал кто?

– Да кто их знает – сами или подсказал. Допрос «Медведя» ведь только начался. Но хочу сказать одно – химическое оружие обычно хорошо охраняется и, чтобы добыть даже несколько ящиков с подобными минами, надо планировать солидную операцию. И содержатся такие боеприпасы вовсе не в передовых частях. Нам, например, известно о нескольких складах в Германии и совершенно неизвестно о том, чтобы они были где-нибудь в Польше или Чехословакии. «Утечка» информации о приезде товарища Сталина на аэродром прошла меньше месяца назад. Крайне маловероятно, что поляки за это время совершили глубокий рейд в немецкий тыл и успешно экспроприировали шесть единиц химического оружия. И если отместить этот вариант, то остается всего два: либо каким-то макаром они их захватили гораздо раньше и просто ждали удобного случая, чтобы воспользоваться, либо эти мины полякам кто-то передал в последний момент. Тогда возникает вопрос – кто?

Да уж, вопрос интересный. А еще интереснее, насколько Заремба владеет информацией. Если он простой боевик – это одно, но вот если особа, приближенная к верхам власти, – это совершенно другое. Тогда он сможет многое рассказать. И кто сей креативный план придумал, и с кем сотрудничали, и где что брали для его выполнения. Хотя насчет сотрудничали это я загнул. АК имеет дело только с англичанами. С теми же НСЗ, после того как часть «Народовые силы збройне» влилась в АК, а другая стала служить немцам, ни о каком сотрудничестве и речи быть не могло.

Так что сейчас скорее всего «Медведя» колют на предмет того – сами ли поляки все придумали, или кто со стороны туманного острова к этому руку приложил. И не просто приложил, а снабдил всем необходимым. И кстати:

– А кто сейчас пленных трясет?

– Лапочкин со своими людьми.

Вспомнив звероватый облик начальника особого отдела из приданного нам полка НКВД, я передернул плечами и констатировал:

– Блин. Дал же Бог внешность, полностью противоположную фамилии. Но зато теперь уверен, что «языков» «размотают» в очень сжатые сроки. И выжмут из них все, вплоть до того, о чем они и сами давно забыли.

Гусев, читая исписанные мною странички, кивнул:

– На том и стоим... – А потом, подняв голову и постукивая пальцем по стопке листов, добавил: – Ну что, в принципе все ясно. Я к Лапочкину, потом к связистам, а ты можешь топать отдыхать. Вам там, говорят, баню затеяли, так что можешь слегка расслабиться. Но не по полной. Я вечером зайду, тогда и посидим.

Показывая кивком, что намек понят, я поинтересовался:

– А дальше что? Когда обратно, на фронт?

Командир, собирая бумаги, пожал плечами:

– Вечно ты впереди паровоза бежишь. Я ведь еще даже рапорт по итогам операции не подавал, поэтому никаких распоряжений не было. Одно могу сказать – здесь нас не оставят, не беспокойся. А к вечеру, думаю, все станет ясно. Так что – свободен!

– Тогда – до вечера!

– Угу...

Уже подходя к дверям, я, вспомнив встречу на входе в здание, спросил:

– Слушай, а что тут люди Власика до сих пор трутся? Тот уса́тый полковник, которого мы встретили возле дверей, точно из его команды. Перед кем они понты колят? Операцию ведь переиграли?

Сергеа, подталкивая меня к двери, отмахнулся:

– Не знаю. Мне такие вещи не докладывают. Хотя я тоже удивляюсь – с утра сам Власик опять прилетел, а потом укатил куда-то на машине. Но это их игры, а ты меня своими вопросами задерживаешь!

– Ладно, развозникался! Уже уйду. Но учти – пешком не пойду, а возьму твою машину.

– Бери, только сразу назад отошлешь.

– Понял.

А потом, доехав до своих ребят, отлично помылся в бане, которую устроили в специально поставленной на берегу озерка армейской палатке, и, перекусив, завалился спать.

В принципе задряхли все, поскольку ничто так не способствует сну, как хорошо выполненная работа. А часов в одиннадцать вечера нас поднял бесцеремонный Гусев. Зайдя в расположение и скомандовав «подъем», он приказал водителю занести вещмешок, от которого по всей палатке сразу распространился одуряющий запах копченостей. После чего отпустив шофера и дождавшись, пока вся спецгруппа рассядется за столом, стоящим посередине помещения, Серега выставил три запечатанные сургучом бутылки беленькой. Оглядев довольные лица своих людей, командир скомандовал:

– Ну, чего смотрите? Я, что ли, резать и наливать буду? Не дождетесь! Я это все добыл, а вы – банкуйте!

Народ сразу зашевелился, и пока Марат ковырял сургуч, Гек со Змеем извлекли из вещмешка здоровый кусок окорока, завернутого в вощеную бумагу, и принялись сноровисто распускать его на толстые шматки, складывая получившиеся ломти в крышки трофейных котелков. Жан тоже не сидел без дела, нарезаая большой каравай хлеба «вишней», она же НР образца тысяча девятьсот сорок третьего года. Вспомнив, как он им во время допроса, для лучшей говорливости и освежения памяти, пугал «языка», я только хмыкнул. Все-таки нож

разведчика – это универсальная штукавина. И часовых резать можно, и хлеб, и банки вскрывать, и вместо вилки использовать, и как детектор лжи применять. А самое главное – он всегда с собой. Достав из ножен свою «вишню», я воткнул нож в стол, с удовольствием в очередной раз оглядев рукоятку. Мужики, как падкие до новинок люди, просто тащились, когда поменяли стандартную черную ручку на наборную – из плексигласа. Как же, пластмасса – это новинка! Это круто! Пусть на морозе руку холодит и когда в крови перемажется, скользит как сволочь, но все равно – круто!

Я разным пластиком был сыт по горло еще в свое время, поэтому умельцы мне сделали тоже наборную, но из бересты. Склеили пластины, насадили на хвостовик, обработали шкурками по убывающей. После этого несколько дней выдерживали в масле и под конец нанесли пчелиный воск и отполировали. Так что теперь у меня – *нож* ! В руке сидит как влитой! На морозе не холодит, не разбухает и не скользит в крови. За счет небольшой толщины лезвия, даже если упрется в ребро, то изгибается и входит внутрь вражьего организма без задержек. В общем – прелесть!

А эти поклонники прогресса, как последние идиоты, только хихикают и меня ретроградом обзывают. Хотя Марат, который не поддался общим веяниям и даже не сменил стандартную рукоятку на что-то эксклюзивное, недавно у меня узнавал процесс изготовления берестяной ручки. Так что, видимо, зам решил не обращать внимания на модные тенденции и пойти моим путем.

– Ты что, опять уснул?

– А?

Голос Гусева оторвал меня от созерцательных настроений и, оглядев стол, я понял – все готово к мини-банкету. А Серега, подхохотывая, добавил:

– Сидит тут, уставившись на свою финку, и грезит наяву! Или как это ты в таких случаях говоришь – медитируешь? А между прочим, уже все разлито! Так что давай, мужики, – за успешное выполнение задания командования!

Подхватив свою кружку, я глухо брякнул ею о жестяные посудины товарищей и плеснул в глотку обжигающую жидкость.

А потом пошел разговор ни о чем. Пацаны вспоминали эпизоды последней операции и даже показывали их в лицах. Серега ржал и требовал уточнений. И я наконец понял, что за странный запах был во время допроса первой группы диверсантов. Тогда было не до посторонних вопросов, поэтому я только крутил носом и косился как на пленников, так и на своих людей, подозревая их в крайней несдержанности. А оказалось все просто – маратовский «язык», когда увидел вылетающее на него из кустов пестро-ленточное нечто, попытался встать, при этом не прекращая того процесса, из-за которого приходил к ручью. Шах его спеленал, штанишки пленному подтянул, но вот о их содержимом даже не догадывался, до тех пор пока колонну АКовцев не погнали к подъехавшему подкреплению. К тому времени слегка пришедший в себя поляк просто не выдержал дискомфорта и слезно взмолился разрешить ему выгрести нежданный багаж. Я уже умотал встречать НКВДешников, поэтому весь этот цирк пропустил, зато сейчас наконец стало ясно, что у меня вовсе не было обонятельных галлюцинаций.

Просмеявшись, налили по второй, потом был третий тост... Потом слегка захмелевший Женька, видя, с каким аппетитом Искалиев наворачивает мясо, завел волюнку по поводу мусульман и свинины. Жан, слушая его речь, только улыбался, не переставая жевать, а Гек, который к этому времени тоже слегка осоловел, подняв палец, выдал перл:

– Козырев, не надо так явно демонстрировать свое незнание предмета. Да будет тебе известно, что в Коране сказано о том, что воинам в боях и походах можно трескать что угодно, лишь бы силы не потерять!

Даурен от такой неожиданной трактовки священной книги хрюкнул и закашлялся. Все опять заржали, а я посоветовал Лешке после войны двигать в пророки:

– Тебя за такие идеи весь продвинутый мусульманский мир будет на руках носить. А если бойцу еще и вино пить разрешишь, то в армии от добровольцев отбоя не будет!

После этого пошел теологический спор по поводу: а есть ли действительно послабления по жратве в жесткой исламской культуре? Предмета толком никто не знал, кроме особо умного Гусева, который после Халкин-Гола почти год служил в Средней Азии и провентилировал этот вопрос с одним муллой. Мулла попутно подрабатывал резидентом английской разведки, поэтому разговоры в камере у них были долгие. И как резюмировал Серега:

– Почти месяц с ним возился, пока всю агентуру в районе не высветил. Заодно и в вопросах ислама соображать начал. Поэтому говорю – хрюшку правоверному кушать можно, но только в случае опасности голодной смерти. А так как мы здесь все, – он покосился на меня и поправился, – ну или почти все – коммунисты и комсомольцы, то вопросы религиозных ограничений в продуктах питания нас не касаются. Так что, Жан, жуй смело!

Искалиев показал в улыбке удивительно белые зубы и ответил:

– Я и ем. Пока вы тут спорили, я почти все съел...

– Как?!!

Наши проглоты при этом известии моментально вышли из блаженной расслабленности и, подскочив, усталились на стол. Гусев, улыбаясь, глядел на веселящихся салабонов, а потом кивнул нам с Маратом. Поняв его кивок, мы поднялись, и я, поправляя гимнастерку, приказал пацанам:

– Мы с Шахом пойдем, командира проводим, а вы здесь еще посидите и через час – отбой!

Увидев, что меня поняли, вышел вслед за генерал-майором из палатки. После чего, отослав водителя в наше расположение, мы загрузились в «виллис» и, отъехав метров триста от лагеря, тормознули. Выключив зажигание и повернувшись к сидевшему рядом Сереге, я спросил:

– Ну что там слышно? Не томи! Что «Медведь» напел?

– Заремба много чего «напел», но я скажу только то, что относится к делу. Если коротко, то об истинных разработчиках операции мы можем только догадываться, так как уши, хвосты и физиономии поляков заслоняют весь первый план. И судя по показаниям «языков», все это дело было чисто польской инициативой.

– Ой ли? — Я в крайнем сомнении покрутил носом. — Ты еще скажи, что агентурой дефензивы весь Кремль напичкан и именно они добыли сведения о приезде Верховного!

Гусев, хохотнув, поправил:

– Во-первых, дефензива – это польская контрразведка, а не разведка, а во-вторых, она самоликвидировалась еще в тридцать девятом, с приходом немцев. Но твой сарказм мне вполне понятен. Просто сейчас я озвучиваю не наши предположения, а запрототолированные показания пленных. Так вот, по словам Зарембы, общее руководство операцией осуществлял Лех Шиштинский.

– «Рык»?

– Он самый. И именно от него «Медведь» получал все указания.

– Черт! – Я сплюнул. – Чего же он сам-то не пошел? Вот уж был бы пленный так пленный! Всем «языкам» «язык»...

– Поэтому, видно, и не пошел... Но и «Медведь», он ведь тоже не просто так «погулять вышел». Как-никак не последнее лицо в диверсионном отделе Армии Крайовой. Так что знает этот человек действительно много.

Сидящий сзади Марат предположил:

– Выходы на резидентуру?

Гусев кивнул:

– И не только... Хотя это уже забота ребят из контрразведки. А в продолжение нашей темы скажу, что правая рука Шиштинского – Михась Кральчик – десять дней назад передал группе «Медведя» последние указания и немецкие мины с ОВ.

– А где поляки их взяли?

– Как передал?

Задав одновременно с Шахом свои вопросы, мы переглянулись, а командир, доставая сигарету, сказал:

– Отвечаю по порядку. Откуда взялись эти боеприпасы, Заремба не знает. Тут уже можно только предполагать. И по этим предположениям, мины скорее всего попали сюда из Югославии. По нашим сведениям, в начале этого года гитлеровцы хотели втихаря их использовать против одной из частей армии Тито. Но югославы немцев опередили и разгромили «дивизион задымления» до того, как он вышел на позиции. Разгромили и ушли, так как к месту боя стали подтягиваться основные силы фрицев. Предположительно, тогда партизанам удалось захватить несколько мин с боевыми ОВ как доказательства намерений немцев их применить. С доказательствами что-то не получилось, и следы боеприпасов тихо затерялись. Но так как часть тамошних партизан плотно курировалась англичанами, то вполне может быть, что сейчас нам достались именно те самые единицы химического оружия, что югославы захватили в том бою. Во всяком случае это наиболее реальное предположение, так как ни о каких удачных нападениях на склады с химическими ОВ мы не слышали.

Я фыркнул:

– Как же – реальное. Где Польша, а где Югославия? Проще допустить, что эти мины, уж не знаю какими путями, достались полякам давно, а сейчас они наконец решили их использовать. И хранились эти боеприпасы тоже где-то не очень далеко. А ты – Югославия.... Сам подумай: тут ведь скорость доставки очень важна. Лошадьми их с Балкан переть, да еще каждого куста опасаясь, это чуть ли не месяц пути получится. Так что твоя идея не играет... – Пару секунд обдумав следующий вариант, добавил: – И с самолета химическое оружие скидывать – тоже не фонтан, слишком опасно. Это ведь не патроны в цинках. Такую штуку как ни упаковывай, никто гарантии не даст, что от удара она не начнет травить.

Гусев, хмыкнув, ответил:

– Про самолет ты правильно сказал – нельзя сбрасывать. Поэтому и использовали «Шторьх». Тебе эта машинка хорошо известна. Как он добирался до нашей территории и где дозаправлялся, пока не известно, но люди «Медведя» встретили его в пятидесяти километрах южнее Львова. А потом, перегрузив мины на лошадей, дозаправив самолет привезенным горючим и получив последние инструкции, они выдвинулись в сторону Ровно. Кстати «ишаки», которых добыли тут же, на месте бывших боев, доставляла до места третья группа. Еще неделю назад они прикатили установки и, замаскировав их в гроте, ушли обратно в Польшу.

Выслушав Гусева, я закурил и, сплевывая табачные крошки с языка, с чувством сказал:

– Козлы! И где они только этот «Шторьх» добыли? Самолеты ведь на каждом углу не валяются. Даже такие маленькие... Вот голову даю на отсечение, что без англичан здесь не обошлось! Да что там, скажу больше – именно «лайми» все это и придумали! У поляков на такое ни ресурсов, ни связей бы не хватило... Что вообще Заремба по этому поводу говорит? Неужели островитяне нигде не проявились?

Сергея покачал головой и по слогам ответил:

– Ни-где... В МИ-6 не дураки сидят, чтобы светить себя в столь щекотливом деле. Захваченные исполнители знают только своих руководителей – поляков. Больше ни одного иностранца в поле их зрения не мелькало. А тому же «Рыку» на известность глубоко плевать – одним терактом больше, одним меньше, уже роли не играет. Ему по-любому расстрел светит. И польское правительство в изгнании тоже хорошо устроилось, когда официально объявило, что Шиштинский вышел из их подчинения и теперь является самостоятельным борцом за дело Речи Посполитой.

Марат возмутился:

– Но ведь это не так! «Рык» как был, так и остался одной из самых крупных фигур Армии Крайовой!

– Официально – нет. Поэтому мы даже не можем выразить протест правительству

Миколайчика...

Я, перегнувшись с сиденья и затушив окурочок о крыло джипа, кинул «бычок» в сухую траву на обочине и непримиримо пробурчал:

– Какой там на фиг протест! Они им только подотрутся. И при чем тут Миколайчик со своей сворой, когда мы отлично знаем, кто за всем этим стоит! Будь моя воля, я бы взял одну из этих мин и в оригинальной упаковке отправил этот подарочек жирному английскому премьеру. Таймер поставил бы и обязательно записочку приложил – «вернуть отправителю». Чтобы прочесть успели!

Командир вздохнул:

– Мы не знаем, только можем догадываться, кто является вдохновителем акции, а это совсем разные вещи. Без доказательств все наши догадки яйца выеденного не стоят. А доказательств в таких делах обычно не бывает...

Марат сзади хмыкнул:

– Да и вообще вся твоя идея мелодраматизмом отдает. Ведь сам говорил – «Хочешь стрелять – стреляй и нечего болтать!» А то получится, как в том трофейном фильме, где бандит, поймав главного героя, долго перед ним распинался, пока не получил пулю в лоб из маленького припрятанного пистолета. И вообще – почему ты настолько уверен, что это англичане затеяли? Может, все-таки немцы, а?

Повернувшись назад, я взглянул на напарника:

– Да потому что слишком много именно немецких следов должно было остаться. И мины, и оружие, и следы сапог, и обертки от сухпая. Да ты сам вспомни, о чем Заремба вопил, пока я ему челюсть не сломал! Так что – немцами здесь и не пахнет. Даже если предположить дикость, и это все фрицевская провокация, с целью рассорить СССР с Англией, то почему в ней участвует известный член АК? Или «Медведь» должен был после залпа оставаться на месте и сдаться советским солдатам, чтобы озвучить свою версию? Он что – похож на самоубийцу? Это, во-первых. А во-вторых, пленный на допросе почему-то ни слова не сказал про англичан, а как раз говорил лишь о польском участии!

Шах на этот спич только руки вперед выставил:

– Ты что, Илья? Я ведь не всерьез спросил! Оно ведь и ежу понятно, что немцы тут ни при чем!

– «Не всерьез, не всерьез»... Шутник выискался... Вот дошутимся, пока англы своего не добьются, что тогда делать будем? Не-ет! Мое мнение – дожидаться, когда вся их великосветская свора где-нибудь соберется, да хоть в гольф поиграть, и лупануть по ним со всей пролетарской ненавистью! Вот что надо делать, а не разные доказательства выискивать! Они ведь просто так не уgomонятся! Гусев, а ты чего молчишь?

Командир усмехнулся:

– А чего зря воздух сотрясать? Хотя, честно говоря, идея с запиской мне лично сильно понравилась. Конечно, без всякого часового механизма, но вот мина, перевязанная ленточкой, в кабинете у Черчилля будет смотреться очень хорошо. И записка будет в тему. Такой намек проберет премьер-министра до самых печенок... Но это не нам решать, хотя твои мысли я озвучу.

После этих слов командир потянулся, поправил фуражку и уже другим тоном сказал:

– Ладно. Интересные вам результаты операции я озвучил, а сейчас слушайте приказ на завтра: в двенадцать ноль-ноль личному составу спецгруппы Ставки приказываю собраться возле штаба летной группировки. Форма одежды... – Гусев оглядел нас и, вздохнув, продолжил: – Ну хоть подворотнички свежие пришейте. И сапоги почистите.

Я удивился:

– Подшива у нас и так чистая – ведь только после бани. А к чему этот припараженный сбор?

Командир коротко ответил:

– Приказ наркома внутренних дел. Завтра в районе тринадцати часов Колычев прибывает на аэродром и желает видеть всю группу в составе встречающих его людей.

– Ну Ивана Петровича встречать, это мы всегда с радостью! Глядишь, последние новости расскажет. А может даже спасибо скажет за труды наши ратные... – И прекратив слегка ерничающий тон, спросил уже серьезно: – Чего он приехать-то решил?

Гусев пожал плечами:

– Не знаю. Генерал-полковник три часа назад позвонил и сказал, что завтра прилетит и чтобы мы его встречали. Зачем и почему, он не рассказывал. Да что там гадать – ругать нас вроде не за что, и это главное. А остальное выяснится в процессе встречи. Поэтому сейчас – давай заводи и поехали обратно. Завтра, чувствую, будет напряженный день...

Глава 16

А в назначенное время мы сидели на лавочке в курилке возле штаба и, тихо переговариваясь, наблюдали за неспешной аэродромной жизнью. Вся масса самолетов, которая отработала по Германии ночью, прилетела еще засветло. Так что теперь летуны частью отдыхают, частью шляются туда-сюда, болтая с механиками, оружейниками, официантками и прочим близким им людом. К нам, в курилку, никто не заходил, поэтому мы тоже точили ляды, не опасаясь чужого присутствия.

В этот момент как раз обсуждали тот факт, что все «невидимки», жившие по соседству, часа в четыре утра куда-то свалили. Зачем, почему – никто не знал. Во всяком случае, никто из оставшихся поваров и часовых, что постоянно маячили возле палаток. Кашевары только сказали, что ребят с террор-групп ночью подняли по тревоге и они все укатили неведомо куда. А чуть позже по дороге, проходившей в полукилометре от нашего лагеря, прошла большая колонна грузовиков. Ну эту колонну мы и сами слышали. Жан, которого, как и всех, разбудил приглушенный шум множества моторов, как раз пошел по-маленькому и попутно пересчитал машины, шедшие, как по заказу, с зажженными фарами. И теперь он очередной раз выражал свое мнение относительно увиденного:

– «ГАЗоны» все тентованные, но то что груженные, это точно! И судя по их количеству – не меньше двух батальонов пехоты в сторону леса укатило. И восемь бэтээров. Похоже, все – операция окончательно завершена и войска выводят. Только почему ночью?

Змей, который на пару с Лехой где-то добыл целую корзинку груш, швырнул очередной огрызок во врытую посредине курилки бочку и лениво ответил:

– Это для нас она закончилась. А вот подразделения НКВД и кавалеристы сейчас пойдут частым гребнем прочесывать близлежащий массив. Вдруг мы что-то упустили? Скрытность теперь не главное, поэтому и решили задействовать войска, чтобы душу окончательно успокоить. Ведь по старому плану именно сегодня ожидалось нападение на аэродром. Так что бойцы все проверят, начальство успокоится, вот тогда-то операция и закончится. Тем более что сегодня нарком НКВД прилетает, и командованию нужно продемонстрировать усиленное рвение.

М-да... про начальственное спокойствие Женька, похоже, угадал. Этому начальству, конечно, ясно, что мы взяли всех поляков и никакими диверсантами тут не пахнет, но когда командиры успокаивались просто так? Ведь столько войск зря простаивает, так почему бы не вспомнить гражданские времена и не поиграть в солдатики? Я имею в виду, почему бы не провести внеплановые учения для укрепления взаимодействия и повышения боевой выучки? Заодно продемонстрировав перед приехавшим наркомом свою готовность к выполнению любых заданий. А вот по окончании этих учений уже можно и отправлять солдат в места постоянной дислокации.

Мы какое-то время помолчали, а потом Пучков, глядя на подъезжающий к крыльцу очередной джип, вслух удивился:

– Елки-палки! Где они столько «виллисов» набрали? Я еще понимаю – «ХБВ» или шестьдесят седьмой «газик»... А может, тут все остатки ленд-лиза собрались? Хотя нет, машины слишком новые...

– Гек, не температуру... – Я точным щелчком отправил окурок в бочку и, выбрав из

корзинки грушу покрасивее, продолжил: – Это же совместная база. А для амеров прокатиться на своей технике – это как на родине побывать. Вот, наверное, и решили им сделать приятное. И кстати, то, что только что проехало мимо – «форд». Просто они мордально с «виллисом» очень похожи. Так же как и с «бентамом». Хотя, если говорить серьезно, то ГАЗ-67 и понадежней и помощнее. Ему на фронте цены нет. А здесь, в тылу, и «вили» вполне хватит. Тем более что они мотаются только по аэродрому и в разные говна не лезут. То есть шансов перевернуться тут почти нет...

– Это да! Если бы мы тогда к Мищукам ехали на «американце», а не на «ГаЗоне», то точно бы кувыркнулись...

Я кивнул, а Марат, которому слова Лешки напомнили нашу лихую поездку, заинтересованно спросил:

– Слушай, Илья, я все хотел спросить, да как-то из головы вылетало: а что ты к тому хуторянину прям как к родному? И записку ему оставил и Гусеву аж два раза про него напоминал.

– Да как тебе сказать... Просто жалко стало. И его и семью. Мужик ведь – пахарь по натуре. Ты его руки видел? Вот то-то. И сколько у него на шее народу сидит, тоже видел? Да и полякам он помогал от безвыходности. Сам не хотел, только вот воспитание деревенское сказалось – родня, какая бы плохая она ни была, всегда остается родней.

– Понятно... – Шах почесал подбородок и продолжил: – Я где-то так и предполагал. Только думал, может, он тебе еще что-то такое особое сказал, когда вы с ним в сторонке беседовали.

– Нет. Ничего особенного он мне не говорил. Вначале вообще старался отмазаться, ну как это обычно делают, и только когда я его семьей шантажировать начал, Мищук раскололся. Тогда между делом и рассказал, что собой этот Заремба представляет. И ты знаешь, оказывается, даже несмотря на то, что поляк относился к своим хуторским родственникам как к быдлу, да и вообще стыдился этого родства, Тарас его у себя принял. Принял, потому что так было положено. Потому что так воспитан. Потому что другого поведения себе просто не представлял. А крайовец к нему поперся по старой памяти. Он ведь за крутого пана себя держал и был твердо уверен, что хуторянину тем самым честь оказывает и что Мищук ему ноги мыть и воду пить должен. Оборзел до того, что, невзирая на крайнюю серьезность предстоящей операции, принялся ухлестывать за его старшей дочерью. Видно, долгое воздержание сказалось... Вот тогда мужик и не выдержал, выставив своего паскудного «родственничка» за дверь. И когда до меня дошло, что Тарас помогал полякам вовсе не от ненависти к нам, а просто выполняя семейный долг, то решил – не дам посадить этого дядьку. Не дам и все тут! Он не враг и не предатель, а обычный человек, попавший в сложную ситуацию. Во всяком случае, я так думаю... – Немного помолчав, я повернулся к заместителю и тихо поинтересовался: – А ты думаешь, он способен после всего взяться за оружие и начать вместе с окрестными хуторянами уполномоченных отстреливать?

Шарафутдинов отрицательно мотнул головой:

– Вовсе даже нет. Я скорее уверен в том, что Тарас теперь если винтовку и возьмет, то только для того, чтобы представителя власти защитить, так как именно ты его об этом попросил. Скажу больше – появишься Илья Лисов на этом хуторе лет через двадцать, тебя там как близкого родственника примут. Просто этот хуторянин из тех людей, в которых стержень есть и все нормальные человеческие чувства в придачу. Это ведь тебе не та шалава, что своего ребенка убила, лишь бы ее саму не тронули. А Мищук до конца дней будет помнить, кто спас его семью...

Внимательно слушавшие нас пацаны согласно закивали, а Искалиев недоуменно поинтересовался:

– Это про какую вы шалаву говорили?

– А-а-а! – Я нехотя махнул рукой, но Жан проявил упорство и поэтому пришлось объяснить, про что именно вспомнил Шах. – Это еще перед Измаилом было. Мы в свежееосвобожденный городок въехали, а там как обычно – бабы, дети стоят, руками машут.

Колонны с пехотой и техникой уже прошли, а мы в хвосте всей процессии плелись. Помнишь, Гек, это когда нашу полевую кухню искали?

– Угу, такое забудешь...

– Так вот едем мы едем, и вдруг перед машиной выскакивает жирная бабенция и с воплем «Смерть немецким оккупантам!!!» шмякает какой-то сверток на дорогу. Я грешным делом в первую секунду подумал, что это городская сумасшедшая и что она мину кинула под колеса. А когда ее окружающая толпа схватила, то все и выяснилось. Бандерша это местная оказалась, по кличке «Ленка-вымя». Она при немцах публичный дом хотела открыть, да что-то не заладилось, вот и обслуживала вермахт в одиночку. Даже псевдоним себе взяла с закосом под иностранку – «фройляйн Марта». Только с языком у нее были проблемы, поэтому слово фройляйн она написала как «fraulain». Я потом ее самодельные визитки видел, что из кармана выпали и по тротуару рассыпались... Но не это главное. И даже не то, что она дите от фрица нагуляла. Дело в общем-то житейское... Главное то, что эта «фройляйн» так пересрала от резких жизненных перемен, что при виде советских войск метнулась домой и, схватив ребенка, с размаху швырнула его на брусчатку перед первой же встреченной ею военной машиной. Это значит – показать хотела, как она немцев «ненавидит», ну и шкуру свою поганую спасти.

– И как – спасла?

Шах сплюнул и, не выдержав, влез в мой рассказ:

– Щаз! Илья из машины вышел и сверток, что возле колеса валялся, подобрал. А как увидел, что в нем, аж в лице переменялся. Я думал, он ту суку на месте пристрелит, но командир только мертвого грудничка какой-то тетке отдал и попросил похоронить по-человечески. А бабы в этот момент уже вовсю метелили «фройляйн Марту». На клочки просто драли, аж мне не по себе стало.

– И вы не вмешались?

– Нет. Мы так и сидели в машине, пока труп «Вымени» в канаву не сбросили. А потом уехали...

Я, прикуривая одну сигарету от другой, пояснил тогдашнее наше поведение:

– До сих пор на душе погано, когда это вспоминаю. Но один черт считаю, что мы были правы, когда «фройляйн» не стали у толпы отбивать. Эта тварь ребенка убила да еще и лозунги при этом орала. Она ведь думала, что если своего немецкого наследника уничтожит, то ей все грехи спишутся. А то, что это малыш безвинный, ей просто в голову не приходило. Так что, Даурен, слушай и мотай на ус, насколько люди разными бывают. В том числе и мы... М-да...

Марат тоже вздохнул и, отвлекая меня от невеселых воспоминаний, сменил тему:

– Странно, уже двенадцать двадцать, а командира все нет. Опаздывает.

Я хмыкнул и озвучил доисторическую мудрость:

– Начальство никогда не опаздывает, а только лишь задерживается! О, глянь, легок на помине!

Повернувшись к крыльцу, я указал на вышедшего Гусева, который сначала завертел головой, а потом, увидев нас, направился широким шагом к курилке. Серега при ближайшем рассмотрении оказался взволнованным и слегка дерганым. Зайдя к нам, он кашлянул и, оглядев личный состав, скомандовал:

– Строиться! – После чего, придирчиво оглядев свою команду, двинул речь: – Товарищи, как только что стало известно, на аэродром помимо народного комиссара внутренних дел прибывает посол Америки в СССР Уильям Гарриман...

– И нам по этому поводу надо выстроиться в почетный караул и сплясать чечетку?

Генерал-майор отреагировал моментально:

– Лисов, заткнись! Выстраиваться и плясать будете не вы. Посол, оказывается, собирался приехать сюда по случаю крупного наступления союзных войск в Италии. Ну, так сказать, поздравить соотечественников. А сегодня с утра ему передали результаты допроса польских диверсионных групп. Он сразу вылет перенес на несколько часов и начал

созваниваться со своим президентом. И вообще – судя по всему, наши там такую волну подняли – небу жарко станет! И маховик только начинает раскручиваться. Сегодня с утра всех пленных двумя спецрейсами отправили в Москву, а уже завтра ожидается прилет следственной группы.

– Ого! Круто берут. Только что именно они расследовать собрались? Схроны-то я приказал рвануть... Или следаки на «ишака» с химическими минами полюбоваться хотят?

– Уничтожение схронов я успел отменить еще вчера. А следователи... Следователи будут заниматься своей работой. И как мне намекнули, возможно, среди них будут не только наши представители.

– Не понял...

Гусев закипел с пол-оборота:

– А ты задействуй мозги! «Не наши», это значит, что есть вероятность прибытия сюда представителей следственных органов США! Ведь вместе с товарищем Сталиным поляки думали уничтожить и американских солдат.

– Обалдеть... И наши сюда их пустят?

– Их не просто пустят, а еще и в попу целовать будут! Сам подумай, насколько нам это выгодно!

Блин! А ведь действительно! Это же... Нет, ну Колычев, ну умница! Не мытьем, так катаньем, но вот у него есть все шансы поставить вожделенную «красивую точку». Я-то думал, что уже все накрылось медным тазом, ан нет! Не было обстрела, и черт с ним! Зато было намерение, которое сорвали представители советских спецслужб! Последние слова я, кажется, произнес вслух, потому что Серега подхватил:

– Вот именно! И по нашим предположениям, посол захочет поблагодарить этих самых «доблестных представителей». Но, – командир поднял палец, – это будете не вы. Спецгруппу ставки светить никто не собирается, поэтому все лавры достанутся «невидимкам» Кима и Шмеля.

На это я никак не отреагировал, внезапно озаботившись другим вопросом:

– А как же следаки? Они-то наверняка заинтересуются нехваткой людей. По показаниям пленных – одно количество, в натуре – другое... Хотя нет, отставить. У нас постоянно находилось несколько человек в охранении, да и пленным тогда не до подсчета было. Единственно, что я сильно засветился перед Мищуком, Зарембой и Ганбовским. Они меня мордально ни с кем не спутают...

– Спутают. У тебя физиономия самая типичная, поэтому подберем похожего человека – и все будет нормально.

– С Мищуком это не прокатит. Да и вообще... Я обещал, что его не тронут. Слово офицера давал...

– Никто твоего хуторянина трогать не будет! С ним проведут беседу, и он даст показания, что только на два дня приютил своего родственника, после чего тот ушел. О полковнике Лисове им не будет сказано ни слова. А второй схрон «невидимки» просто нашли в результате оперативно-розыскных мероприятий. Так же как и первый. Вот так вот... Ты еще учти, что доступ к пленным у американцев будет полный, но вот общение с «невидимками» будет сильно ограничено. Они это поймут, так как люди террор-групп, как ни крути – представители спецслужб, и во все времена эти самые спецслужбы крайне неохотно выдавали своих людей для допросов. Тем более иностранцам.

– Понятно... Ну тогда все нормально получится. А сейчас у нас какая задача будет?

– Сейчас... – Гусев ухмыльнулся и продолжил: – Сейчас обедать и возвращаться в расположение. То есть – наоборот: сначала в расположение, а потом обедать. Так как все переигралось, то когда именно прилетит Колычев – неизвестно. Поэтому сидите в палатке и постоянно будьте на связи. Если что изменится, я предупрежу.

Кивнув, я вдруг вспомнил волнуемую нас с утра непонятность:

– Слушай, а куда все из лагеря умотали? И ночью что за колонны машин шли?

Гусев махнул рукой:

– Последняя проверка перед прилетом наркома и посла. С северной части массива еще целая дивизия подошла, вот те части НКВД, что здесь стояли, и пришлые, сейчас повторно лес прочесывают. Километров на семь-восемь в округе.

– Зачем?

– Положено так. И чтобы не расслаблялись. Хотя, если говорить честно, я даже не знаю, зачем именно. Тут опять Власик появился, и это он всем командует.

– Что-то главный телохранитель свое «тело» совсем забросил... Или сюда сам Верховный решил инкогнито приехать?

– Да ну, ты что? Уж я бы знал. Такие вещи просто так не делаются. А Власик, похоже, просто обкатывает взаимодействие службы охраны и приданных ей спецчастей НКВД. Вдруг в будущем подобную ситуацию всерьез отрабатывать придется? И насколько мне известно, он вчера прилетел и сегодня уже улетает обратно, так что ни о каком приезде товарища Сталина и речи быть не может!

– Все может быть...

Я в сомнении покачал головой, но командир только насмешливо фыркнул и приказал:

– Так, ладно, вы свободны, а то мне еще надо проследить, как инструктаж кимовских и шмелевских ребят проходит. – И уже уходя, добавил: – Не разбредаться! И чтобы постоянно на связи!

Ну на связи так на связи. Приняв приказ командира к сведению, мы сначала поехали к нам и поели, потом поспали, потом сходили к озеру – искупались. После купания был ужин и отбой. И все это делали, находясь на связи, даже во сне, похрапывая и дрыгая ногами, не слезили с этой связи и бдели, бдели, дожидаясь начальственного звонка.

Конечно, это я так шучу. В натуре же просто предупредили дежурного, чтобы в случае звонка он нас тут же нашел, а сами разбрелись заниматься своими делами. Например, после купания, пока щеглы занимались разглядыванием и переводом добытого на аэродроме журнала «Лайф», делая упор на фигуристые женские фото, мы с созревшим наконец Маратом обдирали окрестные березы, собирая бересту для будущей наборной рукоятки его ножа. Целый ворох набрали и позже долго сортировали, отметая портачные кусочки. А потом, уже глубокой ночью, перед тем как уснуть, я констатировал:

– М-да... народ, а ведь час «икс» уже давно прошел! Но вы слышите эту тишину? Значит, мы все правильно рассчитали и вороги обломились по полной. Никого там, в лесу, не осталось. Никого, кто мог бы атаковать аэродром!

Разбуженный моими словами Змей пробурчал:

– Слышим, слышим. И если бы ты так не вопил, эта тишина была бы более полной! – И уже засыпая, невнятно, но с явной ехидцей добавил: – А наш командир – тормоз. До него только сейчас дошло, что операция закончена...

– Сам ты – тормоз!

– Мужики, заткнитесь, а...

Кто это сказал, я не понял, но предпочел заткнуться и, поправив подушку под головой, уснуть.

А позвонили нам только назавтра. В районе четырнадцати часов полевой телефон зазуммерил, и генерал-майор затребовал от своих людей опять прибыть на аэродром. Перешучиваясь насчет фальстарта, мы снова прикатили к штабу, но на этот раз, судя по всему, никаких накладок не ожидалось. Это стало понятно еще тогда, когда на первом КПП нашу машину остановили и пропустили дальше только связавшись с кем-то по телефону. И этих КПП было аж три штуки. В конце концов, продравшись наконец через бдительных часовых и остановившись возле штаба, я увидел в теньке, под навесом, невиданную картину. Там отирался целый взвод амеров, выраженных в парадную форму. То есть я так предположил, потому что на них помимо каких-то аксельбантов были напялены белые каски и белые же гетры поверх ботинок. А в той курилке, где мы сидели вчера, находились советские бойцы. Тоже все прикинутые, в новеньких габардиновых гимнастерках, и вооруженные недавно начавшими поступать в войска самозарядными карабинами Симонова.

Змей, увидев СКС, затрепетал крылышками и хотел уже было рвануть, чтобы разглядеть новинку поближе, но был остановлен вовремя появившимся Гусевым. Серега, оглядев нас орлиным взором, приказал построиться и, придирчиво оглядев каждого, выдал последние данные:

– Через час сюда прибывает самолет с генерал-полковником Колычевым и послом США в СССР – Гарриманом. Вы вперед не лезете, а находитесь в группе встречающих. Наркому на шею не бросаться и громкими криками свою радость не выражать. Это к тебе, Лисов, относится. В американского посла плевать тоже не рекомендуется.

Глядя на наши физиономии, командир задумчиво покрутил носом и признался:

– Будь моя воля, я бы вас вообще загнал к себе в кабинет и предложил встретить народного комиссара именно там. Но Иван Петрович почему-то приказал, чтобы вы были среди тех, кто будет встречать самолет. В связи с чем очень вас прошу – здесь будут иностранцы, поэтому не надо отсебятины. Илья, очень прошу!

– Гусев, я не понял твоих наездов! Когда я или кто-то из моих людей лажался в ответственных ситуациях?

Серега несколько секунд помолчал и признался:

– Никогда. Просто сейчас происходит что-то странное, а я не могу понять что, вот и нервничаю. Тот же почетный караул, – он кивнул в сторону, где остались расфуфыренные бойцы обеих стран, – к чему он вообще? Я не большой знаток протоколов: может, и положено, конечно, иностранного посла встречать с такой помпой, только все равно чувствую, что что-то не то.

– Власик здесь?

– Нет, он вчера улетел...

– А кто всем рулит?

– Каргополов.

М-да... командир 128-й авиационной базы особого назначения, генерал-майор Каргополов является здешним начальником, и неудивительно, что в отсутствии людей из Москвы именно он осуществляет руководство всем этим мероприятием. Только вот волнение командира передалось и мне, поэтому в нарушение уставов я скомандовал своим людям «вольно» и, выйдя из строя, подхватил Гусева под локоток, отводя его в сторону. А там тихо спросил:

– И что говорит генерал-майор?

– То, что я тебе сейчас рассказал.

– А кто-нибудь из людей Власика здесь остался?

– Полковник Мисхерия и майор Солодин.

Удовлетворенно хмыкнув, я ткнул Гусева в бок:

– Тогда возвращаю тебе твои вчерашние слова – «включи мозги»! Я тоже не знаток протокола, но вот зуб даю, что в самолете, который сегодня приземлится на аэродроме, будет находиться Верховный!

Серега некоторое время жевал губами и имел совершенно отсутствующий вид, но потом, видимо прикинув все варианты, возмущенно выпалил:

– Ну Власик, ну перестраховщик! Ведь даже мне ничего не сказал, мудак такой! Хотя... работа у него такая – никому ничего не говорить. И Каргополов тоже ни о чем не догадывается... Да ты, Илья, похоже, прав, и сегодня нам точно придется встречать товарища Сталина! А я все голову ломал, что войска в лесу делают и почему их до сих пор не вывели...

– Вот поэтому и не вывели...

А через полтора часа после этого разговора, стоя в небольшой группе встречающих, мы действительно могли лицезреть выходящего из самолета Иосифа Виссарионовича Сталина. Прилетевшая часом раньше разношерстная толпа фотографов, среди которых даже находилась одна симпатичная особа женского пола, тут же принялась суетливо щелкать

своими «лейками» и «супериконтами».

Вспомнив, как двадцать минут назад те же фотокоры, аж повизгивая от восторга, просто затерроризировали пацанов Кима и Шмеля, которые в полной боевой на двух «УльЗИСах» подкатили к рулежной дорожке, я только фыркнул. Особенно тогда постаралась та самая корреспондентка. Если остальным пацаны просто махали приветственно руками, то нахальная барышня с улыбками, шутками и прибаутками выволокла бойца из машины и начала фотать его, как модель на подиуме. Я, правда, сильно сомневаюсь, что ее шутки до парней дошли, так как она щебетала исключительно по-английски, но когда тебя, обладавая запахом духов, тянет за руку девушка, наряженная в легкое летнее платье, то языковой барьер никогда не станет помехой.

Да и у американки явно была губа не дура. В качестве объекта съемки она выбрала бойца под два метра ростом и с удивительной, «гагаринской» улыбкой. Я его, кстати, именно по этой улыбке в свое время запомнил и теперь, глядя, как резвая бабенка скачет вокруг «невидимки», еще подумал, что совершенно не удивлюсь, если сделанные ею фото появятся в том же «Лайфе» и облик Васьки Липатова надолго будет ассоциироваться в США с обликом советского солдата. Уж очень он колоритно выглядел – здоровый лось, в «зеленухе», в разгрузке, увешанной всеми прибабасами, с автоматом поперек груди и в то же время с совершенно открытой физиономией, с которой не сходила детская улыбка.

А Липатов, который вначале сильно смущался, под руководством заразительно смеющейся американки расхотел все больше и больше. Он то просто стоял, то, повинаясь указаниям, принимал героические позы и так до тех пор, пока Шмель, которого, видимо, обуяла ревность, не пригласил барышню сняться вместе с ними. Та с радостью согласилась и, передав аппарат какому-то мужику из своей братии, нырнула в строй «невидимок».

Они щелкались и вместе и попарно, и уже мне, глядя, как Васька по-хозяйски прижимает к себе фигуристую дамочку, стало несколько не по себе. То есть, говоря словами Никулина из «Бриллиантовой руки», «а ведь на его месте должен был быть я». Хотя, исходя из предпочтений иностранки, она скорее выбрала бы Гека или Змея, чем невзрачного Лисова. Но, наверное, это и к лучшему, а то увидит мое сокровище белобрысое компрометирующую фотографию, потом ведь не отопрешься. Ведь предсказать реакцию Хелен Нахтигаль на подобную криминалку с документалкой я даже не возьмусь.

Вспомнив Аленку, я резко погрузился и в очередной раз принялся утешать себя тем, что недолго уже осталось. Вот закончится война, по-любому к ней сорвусь. Очевидно, на лице у меня появилось соответствующее выражение, потому что стоящий рядом Гусев настороженно спросил:

– Илья, что случилось?

– А что?

– Да у тебя морда, как у Пьеро, стала!

А потом, проследив направление взгляда своего товарища, хмыкнул и, положив руку на плечо, продублировал мои мысли:

– Держись, дружище! Всего ничего осталось! Месяц-полтора и увидишь ты свою Елену Прекрасную!

Я только вздохнул и ответил:

– Знаю. Но смотри, Серега, сразу предупреждаю – как задавим фрицев, так я сразу к ней рвану. Хоть на день... Просто сил уже нет никаких. Не будешь пускать – уйду в самоход, ты меня знаешь!

Генерал-майор опасно закричал и выдал:

– Ты это брось – в самоволку он уйдет! Смотри не вздумай такой фортель отмочить, а то я тебя действительно знаю! Я же сказал – как все закончится, так вместе пойдем к Ивану Петровичу и ты свою жену с полным комфортом сюда привезешь!

– Не жену...

– Тем более! Значит, еще и на свадьбе погуляем! – Тут, что-то увидев за моей спиной, Гусев резко посерьезнел и, одернув мундир, громко сказал: – Летят!

Все сразу зашевелились, а я, обернувшись, увидел, как с востока в сопровождении трех пар истребителей появилась характерная толстая тушка «Дугласа».